РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

1(66)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Что принес крах коммунизма?
What Has the Collapse of Communism Brought?

Демография и власть
Demography and Power

Женщины во власти в России
Women and Power in Russia

Кризис и государственный долг в России
The Crisis and the State Debt

Евразийское экономическое пространство
The Eurasian Economic Space

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

москва
2010

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *Л.П. Делюсин* – доктор исторических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.И. Шаншиева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Старший редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Россия и современный мир = Russia and the contemporary
Р 75 world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Ред. колл.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2010. – ISSN 1726-5223. – № 1(66). – 268 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISNN 1726-5223
© ИНИОН РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Я. Корнаи
Liberté, Égalité, Fraternité. Размышления о последствиях крушения коммунизма 6

J. Kornai
Liberté, Egalité, Fraternité. Reflections on the Changes Following the Collapse of Communism

К.Н. Свитнев
Демография и власть 27

K.N. Svitnev
Demography and Power

Н.Ю. Лапина, А.Е. Чирикова
Женщина во власти в России: Карьерный рост и мотивация 52

N.Yu. Lapina, A.Ye. Chirikova
Women in Power in Russia: Careers and Motivations

Г.Л. Воронин
Общественное благополучие: Корреляция объективных и субъективных факторов 69

G.L. Voronin
Social Welfare: The Correlation of Objective and Subjective Factors

Б.А. Хейфец
Кризис и новые тенденции в политике управления государственным долгом в России 82

B.A. Kheyfets
The Crisis and New Tendencies in Managing the State Debt in Russia

Н.В. Панкевич
Диспропорции регионального развития РФ: Проблема без решения? 95

N.V. Pankevich
Disproportions of Regional Development in the Russian Federation: A Problem with No Solution?

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

Е.Е. Шестакова
Концепция «социального качества» как новое содержание социальной политики государства 108

Ye.Ye. Shestakova
The Concept of «Social Quality» as a New Content of the State's Social Policy

Л.З. Зевин
Евразийское экономическое пространство: Возможности и пределы консолидации 124

L.Z. Zevin
The Eurasian Economic Space: Possibilities and Limits of Consolidation 124

Н.Ю. Кавешников
Формирование и развитие институциональной структуры Евразийского экономического сообщества 145

N.Yu. Kaveshnikov
Formation and Development of the Institutional Structure of the Eurasian Economic Space 145

Б.С. Орлов
Россия глазами немцев в новейшее время 162

B.S. Orlov
Russia in German Eyes since Early 20th Century 162

СООБЩЕНИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

COMMUNICATIONS. REFLECTIONS. COMMENTS

Е.П. Сигарева
Продолжительность жизни российского населения: История и современность 182

Ye.P. Sigareva
Life Terms of the Russian Populace: History and Present Time 182

М.С. Токсанбаева
Политика занятости и дефицит кадров 192

M.S. Toksanbaeva
The Engagement Policy and Personnel Deficit 192

В.С. Арутюнов
Проблема попутного газа как вызов инновационной структуре России 200

V.S. Arutynov
The Problem of Oil Gas as a Challenge to Russia's Innovative Structure 200

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

FACTS. EVENTS. PEOPLE

Е.Б. Калоева
Русский общественный комитет во Франции помощи голодающим в России 207

Ye.B. Kaloeva
The Russian Voluntary Committee in France for Aid from Hunger in Russia 207

К.С. Пряжников
Русский солидарист Георгий Гинс 217

K.S. Pryazhnikov
Georgiy Gins, Russian Solidarist 217

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Сопротивление переменам как особенность системы управления в России 226

Становление новой международной системы в XXI веке 231

К. Жаффрело Почему в Индии демократия? 236

БИБЛИОГРАФИЯ

И.Л. Беленький Интеллигенция и ее судьбы в России. Литература 1993–2009-х годов 241

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА 261

SURVEYS. DIGESTS

Resistance to Change as a Specific Feature of the System of Management in Russia 226

Formation of a New International System in the 21st Century 231

C. Jaffrelot Pourquoi la democratie en Inde? 236

BIBLIOGRAPHY

I.L. Belenkiy The Intelligentsia and Its Fate in Russia. Literature of 1993–2009 241

SUMMARIES 261

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Я. Корнаи

LIBERTÉ, ÉGALITÉ, FRATERNITÉ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОСЛЕДСТВИЯХ КРУШЕНИЯ КОММУНИЗМА[*]

Корнаи Янош – профессор Гарвардского университета. Коллегиум Будапешт и Центрально-Европейского университета.

Введение

Французская революция ставила целью свержение тирании. Два десятилетия назад произошло событие, имеющее не меньшее историческое значение: свержение коммунистической диктатуры. За исключением Румынии это драматическое событие не сопровождалось насилием и пролитием крови.

В регионе в целом коренной перелом свершился мирным путем. То, что случилось тогда, получило название бархатной революции, поскольку это была хоть и бескровная, но революция. При этом, естественно, возникает вопрос, какие из революционных лозунгов воплотились в жизнь: Свобода, Равенство, Братство?

Эти лозунги, разумеется, не охватывают всех фундаментальных ценностей. Явно отсутствуют две, тесно связанные с ними: развитие и материальное благосостояние. Анализ достижений постсоциалистического пере-

[*] Данная статья написана на основе доклада на международной конференции «Будущее социальных изменений – взгляды и перспективы после 20 лет переходного периода», состоявшейся в Бухаресте 24–25 июня 2009 г. и организованной фондом «Erste Foundation» и Венским институтом международных экономических исследований. Выражаю благодарность Палу Чегледи, Жуже Даниель, Юдит Хюркеч, Юдит Капаш, Зденеку Кудрие, Балашу Муракези, Андреа Ременьи и Даниель Рона за ценные советы и помощь в сборе материалов и редактировании. Благодарю Erste Foundation, университет Коллегиум Будапешт и Центрально-Европейский университет за помощь в проведении исследования, послужившего основой для данной работы.

ходного периода был дан в ряде исследований (см., напр.: EBRD 2008 and 2009). Позвольте мне оставить эти чрезвычайно важные темы в стороне и сосредоточить внимание на трех основополагающих ценностях, отраженных в заглавии статьи. Эти три проблемы также уже были предметом ряда значимых исследований. Поскольку ограниченность места не позволяет мне углубляться в детали, я сформулирую свою задачу как выработку общей схемы для предстоящих дискуссий.

Свобода

Свобода есть совокупность прав. Рассмотрим произошедшие изменения по трем направлениям.

1. Политические права, права человека.

В рамках коммунистического режима гражданин был лишен элементарных прав человека. Изменения состояли в предоставлении нам всех основных политических прав. Среди них:

– свобода слова;

– свобода печати, освобожденной от явной или скрытой цензуры;

– свобода собраний и объединений;

– свобода передвижений;

– право критиковать правительство, право политического протеста;

– отказ от однопартийной государственной системы и предоставление права выбора между конкурирующими политическими силами и идеологиями.

Мы стали свидетелями великой новой волны демократии *в нашем регионе. Я не буду здесь обсуждать определение понятия «демократия», а воспользуюсь простым, широко принятым критерием.* Минимальным условием*, позволяющим определить страну как демократическую, является смена ее руководства без политического убийства, военного переворота, заговора при дворе правителя или вооруженного восстания. Вместо этого смена руководства осуществляется путем формализованной, мирной и цивилизованной процедуры выборов на конкурентной основе.*

В таблице 1 представлены десять стран Восточной Европы – новых членов ЕС. Во всех этих странах руководство неоднократно менялось в результате выборов, и это свидетельствует о том, что они стали демократиями. Применяя венгерский политический жаргон можно сказать, что ни в одной из них никакая политическая сила не способна перманентно «зацементировать себя во власти». Иными словами, ни одна правительственная партия или партийная коалиция не способны лишить шансов соперничающие оппозиционные партии в долгосрочной перспективе.

Таблица 1

СМЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЫБОРОВ В 10 СТРАНАХ – ЧЛЕНАХ ЕС В 1989–2008 гг.

Страна	*Выборы* 1989–2008	*Последующие смены правительств*	*Даты смены правительств*
Болгария	6	5	1991, 1994, 1997, 2001, 2005
Чешская Республика	6	4	1990, 1992, 1998, 2006
Эстония	6	5	1990, 1995, 1999, 2003, 2007
Венгрия	5	4	1990, 1994, 1998, 2002
Латвия	6	4	1990, 1995, 1998, 2002
Литва	6	6	1990, 1993, 1996, 2000, 2004, 2008
Польша	7	6	1991, 1993, 1997, 2001, 2005, 2007
Румыния	6	5	1990, 1996, 2000, 2004, 2008
Словацкая Республика	6	5	1990, 1992, 1994, 1998, 2006

Примечание: *Под «сменой правительства в результате выборов» понимается ситуация, когда имеет место: 1) следующая за выборами крупная реорганизация правящей коалиции, в том числе 2) изменения в руководстве правительством и 3) некоторые изменения политических приоритетов.*

Источник: *Таблицу составил Зденек Кудрна (Центрально-Европейский университет) по данным «Economist Intelligence Unit – Country Reports» (1990–2008).*

С точки зрения многих людей, особенно молодых поколений, все основные политические права рассматриваются как вполне самоочевидные явления обычной жизни. Но они не самоочевидны! Следует вспомнить о Китае. Там трансформация экономики в процветающую рыночную экономику шла полным ходом, но она не сопровождалась параллельными изменениями в политической сфере. Празднование 20-й годовщины краха политической тирании в Восточной Европе совпадает с 20-й годовщиной кровавой расправы с демократически настроенными демонстрантами на площади Тяньаньмынь. Гражданам Китая не было позволено собираться на площади и вспоминать об этом, Китай остался жестоким полицейским государством. Одновременно с этим мы, граждане стран Восточной Европы, счастливо приобрели великий дар экономической и политической свободы. В мировой истории демократии и капитализма это совпадение двух масштабных трансформаций на одном и том же исторически коротком промежутке времени уникально.

Теперь обратимся к другим параметрам свободы.

2. Право свободы предпринимательства, свободного вхождения на рынок, защиты частной собственности.

Эта область трансформации требует значительного числа новых законов, независимого судопроизводства для обеспечения правоприменения, а также ряда других институциональных изменений.

В области изменений экономической свободы могут быть применены различные оценки. Здесь я использую только один хорошо известный источник – «Индекс экономической свободы» («Economic Freedom Index») (см. табл. 2), чтобы продемонстрировать значительное возрастание экономической свободы в нашем регионе.

Таблица 2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ СОГЛАСНО МИРОВОМУ ИНДЕКСУ (EFW)

Страны	*1990*	*1995*	*2006*
Венгрия	5,35	6,36	7,41
Болгария	4,08	4,48	6,54
Румыния	4,73	3,98	6,58
Польша	4,00	5,3	6,77
Албания	4,12	4,49	6,99
Чешская Республика		5,81	6,84
Эстония		5,55	7,82
Латвия		4,91	7,2
Литва		4,89	7,23
Словацкая Республика		5,54	7,52
Словения		4,96	6,4
Украина		3,9	5,51
Средняя мировая	**5,68**	**5,99**	**6,58**

Примечание: *Индекс EFW рассчитывается Fraser Institute (USA). Экономическая свобода измеряется по 42 показателям в пяти областях: правительственные расходы, правовая структура и права собственности, доступ к капиталу, свобода внешней торговли, регулирование кредитной сферы, активность профсоюзов и союзов предпринимателей. Величина рассчитываемого на этой основе сводного индекса составляет от 0 до 10. В 2006 г. высший показатель имел Гонконг (8,94), низший – Зимбабве (2,67). Более детальное описание методологии см.: в Gwartney – Lawson, R. (2008).*

Источник: *Таблицу составили Юдит Капаш и Пал Чегледи (экономический факультет Университета Дебрецена). Исходные данные: Gwartney – Lawson, R. (2008).*

Есть несколько исследований, подтвердивших, что замена господства общественной собственности господством частной собственности, свободы предпринимательства и конкуренции способствовала экономическому росту, инновациям, техническому прогрессу и эффективности. Таким образом, этот путь обладает значительной инструментальной *ценностью, способствуя реализации таких фундаментальных ценностей, как повышение материального благосостояния людей. Здесь я, однако, стремлюсь подчеркнуть* внутреннюю *ценность свободы предпринимательства. Право человека создать предприятие, выйти на рынок, бросить вызов конкурентам, экспериментировать с инновациями по собственной инициативе, не дожидаясь указаний и бюрократических разрешений, представляет великую ценность независимо от экономических последствий. Я подчеркиваю этот* этический *аспект, поскольку он не получил должного признания на фоне односторонней технократической оценки экономических трансформаций.*

3. Свобода выбора альтернативных товаров и услуг.

Социалистическая система породила дефицитную экономику. Румыния, наряду с Советским Союзом и Польшей, представила тому наихудший пример вплоть до самого конца коммунистического режима. Здесь имели место перебои в электроснабжении без всякого предупреждения, наносящие громадный ущерб предприятиям и домашним хозяйствам. Здесь была повторяющаяся и тяжелая нехватка основных видов продовольственных и других потребительских товаров, длинные очереди, пустые полки. Нужно было ждать годами, чтобы купить автомобиль или получить квартиру.

Как и в отношении указанных выше компонентов свободы, я рассматриваю замену дефицитной экономики рынком покупателя не просто как смену экономической ситуации, а как сдвиг, имеющий этические последствия, поскольку он расширил свободу личности[1]. *Экономика хронического дефицита означает подавление элементарного права человека – свободы выбора того, что вы хотите купить. Я заработал свой доход и хочу решить, как потратить свои деньги. Хронический дефицит означал ограничение выбора наличием товаров. Тратя деньги, я должен был прибегать к вынужденному замещению, т.е. покупать не то, что хотел, а то, что можно достать. Покупатели оказывались в унизительной ситуации. Продавец мог диктовать, а*

1. Счастливо избавленные от знакомства с дефицитной экономикой, молодые поколения могут обратиться не только к экономической литературе, но и к другим источникам. Им следует прочитать роман Дьердя Драгомана «Белый король» (Dragomán, 2005), и тогда они, возможно, получат представление о Румынии времен Чаушеску с ее очередями, появлением бананов в магазинах в исключительных случаях или внезапными отключениями электричества.

покупатель был покорным, уступчивым, даже пробовал дать взятку продавцу. Все это исчезло очень быстро.

Часто можно слышать следующее мнение: не имеет значения, где заключено принудительное ограничение – на стороне предложения или на стороне спроса. И то и другое – ограничение наличия или ограничение доступности – равным образом устанавливает пределы возможных действий. Я не согласен с такими взглядами, так как различие между двумя видами ограничений имеет значение и свобода потребительского выбора не является привилегией богатых. Более состоятельные люди могли найти пути и средства обхода лимитов потребления, достать товары на черном рынке или купить их на твердую валюту. Потери бедных были относительно более тяжелыми, потому что они не могли потратить свои скромные доходы и еще более скромные сбережения по своему усмотрению.

Позвольте подвести итог. В том, что касается свободы, мы пользуемся существенными достижениями. Печально признавать, что мы все еще наблюдаем такое социально-психологическое явление как то, что значительная часть людей не придает свободе большого значения. Другие основные ценности признаются в большей мере. Иерархия ценностей в человеческом менталитете послужила предметом целого ряда сравнительных исследований. Я приведу здесь (табл. 3) данные лишь одного из них – хорошо известного «World Values Survey».

Таблица 3

ЦЕННОСТИ: СВОБОДА ПРОТИВ ПОРЯДКА

Страна	*Предпочтение свободы (доля респондентов, %)*	*Предпочтение порядка (доля респондентов, %)*
Польша	19,8	66,3
Чешская Республика	21,4	72,4
Словацкая Республика	21,9	74,6
Болгария	26,3	64,0
Венгрия	27,2	63,4
Германия (Восток)	27,5	68,3
Румыния	31,6	61,2
Германия (Запад)	45,7	45,8
Швеция	48,1	42,5
США	48,9	46,2
Испания	50,5	42,9
Средняя мировая	**40,9**	**54,0**

Примечание: *Время обследования 1997–1998 гг. Вопрос, задаваемый респондентам: «Если бы вам пришлось делать выбор, что бы вы назвали самой важной обязанностью правительства: 1. Поддержание порядка в обществе; или: 2. Уважение свободы личности».*

Источник: *World Values Survey (1995).*

Таблица 3 ясно показывает, что в постсоциалистических странах высокую значимость свободе придают значительно меньшее число людей, чем в странах, которые имели капиталистическую систему до 1989 г.

Здесь заключены громадные задачи для системы образования по формированию лучшего понимания значимости свободы. Эта работа должна начинаться в начальной школе или даже в детском саду, продолжаться на всех уровнях среднего и высшего образования и заканчиваться всем тем влиянием, которое могут оказать печатная пресса, электронные средства информации и Интернет. В этом состоит общая задача учителей и университетских профессоров, политиков и журналистов, всех, кто способен повлиять на образ мыслей людей. Есть и хорошие признаки прогресса, и в то же время наряду с ними пугающе плохие сигналы деморализации. Политическое противоборство не свободно от отталкивающих побочных эффектов коррупции, безответственности и демагогии. Конкурентная либеральная парламентская демократия порождает волны разочарования. Некоторые слои общества желают сильного лидера, жестких законов, приказного режима. Беспокоит и расстраивает то, что крайне правое крыло получает поддержку и завоевывает голоса с помощью отвратительной расистской, антисемитской, антицыганской и антикапиталистической риторики. Правые экстремисты в постсоциалистических странах пользуются, точнее, злоупотребляют, достижениями и правами свободы слова, свободы объединений для атаки на основы свобод и прав человека. К сожалению, невзгоды, причиненные текущим экономическим кризисом, создают благоприятную почву для этих атак и могут проложить путь к тирании. Не только те или иные постсоциалистические страны, но вся Европа должна быть бдительной. Помните Веймар!

Равенство

Социализм советского типа, безусловно, не был эгалитарной системой. Декларировался принцип распределения благ по труду, т.е. принцип меритократического распределения, однако, при его реализации в условиях реального социализма система определения заслуг находилась во власти партийно-государственной бюрократии. И эта система была такова, что обеспечивала значительно бóльший доход Герою социалистического труда, чем среднему рабочему; районному партийному секретарю, чем университетскому профессору. Члены номенклатуры обладали материальными привилегиями,

состоявшими не столько в более высокой зарплате, сколько в лучших жилищных условиях, в доступе к дефицитным товарам, лучшим, прекрасно оснащенным больницам и курортным местам отдыха. Да, неравенство имело место, однако при взгляде на общую картину распределения доходов и богатства всего населения оказывалось, что реальной характеристикой общества было даже нечто большее, чем унылая уравниловка, – решительное подавление неравенства в доходах. Разница в заработной плате руководителя крупного предприятия и рядового занятого не была очень значительной. Эффективный и неэффективный менеджеры, новатор и консервативный лидер в промышленности и сельском хозяйстве получали более или менее одинаковое вознаграждение, а если и были незначительные отклонения от средней величины, то они зависели скорее от лояльности по отношению к политической партии, чем от результатов деятельности, образования, усердия и новаторства.

После смены системы положение с неравенством доходов изменилось очень быстро и решительно. Посмотрим, прежде всего, на новых членов ЕС, представленных в табл. 4.

Таблица 4

НЕРАВЕНСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ
КОЭФФИЦИЕНТ ДЖИНИ ПО СОПОСТАВИМОМУ СРЕДНЕДУШЕВОМУ ПОТРЕБЛЕНИЮ

Страна	*1987–1990*	*2003*
Болгария	0,245	0,351
Чешская Республика	0,197	0,234
Эстония	0,24	0,402
Венгрия	0,214	0,268
Латвия	0,24	0,379
Литва	0,248	0,318
Польша	0,255	0,356
Румыния	0,232	0,352
Словения	0,22	0,22
Словацкая Республика	0,816	0,299

Источник: *Mitra, Pradeep és Yemtsov, Ruslan (2006).*

Наблюдаемые значительные различия между представленными в табл. 4 странами объясняются причинами, которые я не буду здесь обсуждать. Если поместить указанные страны в общий перечень наряду с другими странами, в том числе не прошедшими через период социализма, и расположить их в соответствии с показателем неравенства, то мы увидим, что постсоциалистические страны окажутся разбросанными по самым разным местам списка.
И такая картина, безусловно, складывается под воздействием факторов, не связанных с системными изменениями.

Но если мы не будем сравнивать страны, а посмотрим на временну́ю динамику показателей по каждой стране, сравнивая ситуацию до краха коммунизма с ситуацией, сложившейся через 15 лет, то увидим значительное изменение показателей, а по некоторым странам их разительное отличие. И здесь проявляется глубокое воздействие системных изменений.

Значительное возрастание неравенства объясняется действием целого ряда причин (см.: Kolosi – Tóth 2008; Milanovic 1999; Milanovic – Ersado 2009; Mitra – Yemtsov 2006).

Смена системы выдвинула вперед победителей: успешных предпринимателей, талантливых бизнесменов, новаторов, осваивающих новые продукты и технологии и открывающих новые рынки, лидеров промышленности и торговли, сумевших организовать быструю адаптацию к новым экономическим условиям на внутреннем и международном рынках. Некоторые успешно использовали знание иностранных языков и современных информационных технологий. Все эти особые таланты и усилия были щедро вознаграждены рыночной экономикой. В этом именно и состоит одно из достоинств рынка: высокая награда за высокие результаты, обеспечивающая необходимый стимул к инновациям, конкуренции и эффективности.

Однако помимо награды за подлинные достижения есть, конечно, и другие источники финансового успеха. Некоторые люди продемонстрировали чрезвычайную ловкость в процессе приватизации, приобретая принадлежавшие государству активы дешево или вообще бесплатно, а то и приближаясь вплотную к воровству. Одни использовали личные связи внутри страны или в рамках советской империи, другие не побоялись дать взятки государственным чиновникам и политикам. Эти две стороны происходящих изменений – благотворная светлая и тлетворная темная – не могут быть четко отделены одна от другой. Все чистые и грязные компоненты, все белое и черное смешалось в серую и вязкую мешанину. Так или иначе, в верхней части распределения доходов мы видим очень высокие доходы, во много раз превышающие максимумы периода социализма.

В нижней части распределения доходов под влиянием ряда факторов также произошли травматические изменения.

– Наиболее важное изменение произошло на рынке труда. В зрелых социалистических экономиках имела место не просто полная занятость, а хронический дефицит рабочей силы. Безработица оказалась страшным ударом для общества, не привыкшего к такому мучительному явлению. Среди женщин были добровольно ушедшие с рынка труда и принявшие на себя общественную функцию жены и матери, работающие исключительно в домашнем хозяйстве. Но помимо добровольного ухода этой части занятых, возник недостаток рабочих мест, приведший к значительному снижению уровня занятости и крупному увеличению зарегистрированной безработицы.

– Некоторые работники были так или иначе «понижены», они потеряли прежнее высокое положение и были вынуждены пойти на хуже оплачиваемые должности.

– Реальная стоимость пенсий упала, главным образом из-за инфляции, и миллионы пожилых людей оказались в ситуации глубокой бедности.

– Кроме того, имеют место различные формы дискриминации. Хотя в демократических странах все граждане формально имеют равные права, мы наблюдаем дискриминацию цыган. Крупные цыганские меньшинства есть в Венгрии, Румынии, Словакии и других постсоциалистических странах. Доля безработных среди цыган значительно выше, чем среди остального населения.

Над проблемой влияния постсоциалистической трансформации на распределение доходов трудились целый ряд исследователей, имеется богатая эмпирическая литература. Ни в одной работе не подвергается сомнению общее положение: неравенство значительно возросло. Увеличение разрыва между богатыми и бедными отчасти является результатом переходного процесса, быстрых и радикальных перемещений вверх и вниз по социальной лестнице и поэтому представляет временное *явление. Однако среди его причин есть и* постоянные *факторы, присущие капиталистической системе. Тенденция, порождающая значительно большее неравенство доходов по сравнению с социализмом, является неотъемлемой чертой капитализма.*

Положение о неравенстве как системной тенденции капитализма не означает, что мы должны стоять и беспомощно наблюдать это свойство системы. Его нельзя устранить без низвержения самой системы, но его можно смягчить в определенной степени. Снизить уровень неравенства можно с помощью государственных мер. Во всем мире значительная часть населения требует от правительств проведения политики перераспределения. Таблица 5 показывает, что требования государственных мер по сокращению неравенства явно сильнее в большинстве постсоциалистических стран по сравнению с большинством других стран, не имевших коммунистического прошлого. Средний *показатель по Восточной Европе указывает на большую склонность к уравнительной экономической политике, чем средний показатель по всему миру. (Заметим, однако, что некоторые европейские*

страны, например Испания, Кипр, Франция и Финляндия, впереди некоторых постсоциалистических стран, общественное мнение которых менее склоняется к выравниванию доходов.)

Периодически повторяются крики: «Пусть богатые платят!» Это не просто разумный призыв к устойчивым государственным финансам, подразумевающий, что налогообложение должно концентрироваться там, где обеспечивается эффективная собираемость налогов. Это эмоциональный лозунг: люди считают несправедливым, что богатые богаты. Чем больше дохода и богатства мы отбираем у богатых, тем лучше себя чувствуем. Это стало центральной идеей популистской политической риторики. Я не разделяю таких призывов. Как и многие другие, я считаю, что нам не принесут дополнительного удовлетворения меры в духе Робин Гуда.

Таблица 5

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ СОКРАЩЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ

Страна	*Дата опроса 2006*
Болгария	1,55
Венгрия	1,66
Украина	1,71
Португалия	1,78
Россия	1,88
Испания	1,89
Кипр	1,91
Франция	1,91
Словения	1,95
Польша	2,00
Эстония	2,04
Словацкая Республика	2,07
Финляндия	2,07
Австрия	2,15
Бельгия	2,25
Швеция	2,27
Ирландия	2,28
Швейцария	2,29
Германия	2,37
Норвегия	2,43
Нидерланды	2,52
Великобритания	2,54
Дания	2,92

Средняя по Восточной и Центральной Европе	**1,86**
Средневзвешенная по Восточной и Центральной Европе	**1,85**
Средневзвешенная по всему миру	**2,12**

Примечание: *Респондентов просили ответить на следующий вопрос: «Отметьте, пожалуйста, в какой степени вы согласны со следующим утверждением: "Правительство должно принимать меры для сокращения различий в уровне доходов": 1) решительно согласен, 2) согласен, 3) отношение не определено, 4) не согласен, 5) решительно не согласен».*

Источник: *European Social Survey 2006/2007.*

Наиболее значимый инструмент улучшения распределения доходов – создание большего равенства возможностей. Решающая роль принадлежит образованию. Это тривиальное и тем не менее важнейшее утверждение: неравенство начинается с неравного доступа к образованию. Данный факт подтверждается убедительными исследованиями. Худшие исходные условия у детей из бедных или даже неграмотных семей с самого начала создают препятствие, отсутствующее у детей из семей с высшим образованием. Возможности еще более ухудшаются из-за низкой вероятности попадания в лучшие школы и университеты. Недостаточно лишь говорить о равных правах, необходимы активные меры.

В дополнение к значительным различиям в обычном образовании следует иметь в виду также неравенство знаний в более широком смысле. В нашем обществе высоких технологий то, как человек владеет компьютером, Интернетом и другими средствами современной информационной технологии, будет определять его шансы на достижение высокого уровня дохода. Эти факторы могли бы оказывать значительно более существенное воздействие на распределение доходов, чем прогрессивное или регрессивное налогообложение.

Достижение каких-либо положительных результатов в борьбе с коррупцией способствовало бы смягчению неудовлетворенности, вызываемой неравенством[2]. Если бы крупные состояния и огромные доходы, полученные мошенническим путем, стали исключением, это укрепило бы убеждение в наличии сильной связи между достижением высоких результатов и получением высоких доходов.

Братство

2. Распространение коррупции, уклонения от налогов и массового нарушения норм при попустительстве государства вызывает сильное чувство разочарования и потерю доверия к институтам (см.: Tóth 2009). Такое общественное настроение послужило одной из причин усиления протестов против растущего неравенства.

Здесь также можно применить широко используемый сегодня синоним – «солидарность». Вытекающая из принципов этики обязанность проявления солидарности по отношению к согражданам представляет одну из наиболее сложных общественных проблем вообще и проблем постсоциалистического общества в особенности.

В наследство от коммунизма мы получили «преждевременное государство благосостояния». Этот термин я придумал в начале переходного периода, и он получил одобрение со стороны одних коллег и резкое возражение со стороны других. Я наживал врагов благодаря некоторым своим работам, но никогда их не появлялось так много.

Социалистическое государство предусмотрело в законодательстве и признало на практике право граждан на получение различных форм социального обеспечения и обслуживания.

– Каждый получил право на бесплатное медицинское обслуживание, но во многих клиниках и больницах качество обслуживания было неудовлетворительным, пациенты страдали от длинных очередей и переполненных больничных отделений, устаревшего оборудования, неудовлетворительных санитарных условий, дефицита лекарств.

– Каждый получил право на бесплатное образование, но качество образования было очень неровным, учителя получали низкую зарплату и несли высокую нагрузку, имел место неблагоприятный отбор, препятствовавший выбору профессии наиболее способными. Школы были переполнены и плохо оборудованы мебелью, не говоря о современной информационной технологии.

– Субсидируемая квартирная плата в государственном жилом фонде была доступна всем, но молодые люди должны были ждать годами, чтобы получить квартиру, качество жилищного строительства было вопиюще низким.

– Предприятие или муниципалитет обеспечивали услугами детского сада нуждавшиеся в них семьи бесплатно или по номинальной цене.

– В государственном секторе (включая предприятия в государственной собственности) каждый занятый пенсионного возраста получал государственную пенсию, которая финансировалась либо из бюджета, либо из пенсионного фонда, поддерживаемого государственной гарантией или предприятием.

Именно эту государственную систему, предоставляющую указанные (и аналогичные бесплатные или почти бесплатные) субсидируемые услуги, я назвал преждевременным государством благосостояния. *Я назвал его преждевременным, потому что я, так же как и ряд других экономистов, пришел к выводу, что уровень развития социалистических экономик не позволял выполнить перечисленные обязательства. На практике государство либо оказывалось не способным выполнить обещания, либо выполняло их на низком,*

некачественном уровне. Резкое несоответствие между предоставленным правом и фактической реализацией, между обещаниями государства и наличием материальных ресурсов было характерной системной чертой социализма.

И это наследие также было одной из самых тяжелых проблем для политики постсоциалистического переходного периода[3].

В каком направлении двигаться от начальных условий преждевременного государства благосостояния? В данной статье не ставится задача защищать ту или иную программу, представлять аргументы за и против. Я это сделал в других работах. Моя задача – представить в общем виде четыре варианта политических подходов к государству благосостояния, разграничив два «чистых» и два «смешанных» варианта.

Два «чистых» направления состоят в следующем.

Первое направление – *отказ от принципа* универсальных *прав на социальное обеспечение и замена его принципом поддержки только тех, кто нуждается в государственной помощи. Да, мы испытываем чувство* Братства*, мы все братья, но большинство моих братьев не нуждаются в моей поддержке, они заботятся о себе сами. Я готов помочь, когда я вижу, что человек не может самостоятельно решить свои проблемы. Позвольте мне проиллюстрировать эту идею несколькими примерами.*

– Универсальное право на бесплатное университетское образование должно быть отменено, и вместо него введена плата за обучение. Те, кто не в состоянии платить, смогли бы получать студенческие займы, возмещаемые из будущих высоких доходов. Кроме того, могли бы предоставляться особые стипендии тем (и только тем), кто не сможет учиться и обеспечивать себя во время учебы без специальной финансовой поддержки.

– При универсальном праве на бесплатную заботу обо всех детях государственные средства должны отпускаться на каждую семью – и богатую, и бедную, в соответствии с количеством детей, все должны иметь бесплатный доступ в детские сады и т.д. При введении более строгого принципа ассигнований поддержку государства (и в конечном счете налогоплательщиков) получают только те семьи, которые не в состоянии покрыть издержки воспитания детей и оплатить услуги детского сада.

Этого направления придерживаются большинство экономистов и рыночно-ориентированные реформаторы. Оно принято и консервативными

3. Хаггард и Кауфман (Haggard and Kaufman, 2008) предложили обширное и глубокое описание реформ государственного социального обеспечения в постсоциалистическом регионе, сравнив их с аналогичными изменениями в странах Латинской Америки и Восточной Азии.

политиками, признающимися в либеральных взглядах (если использовать термин «либеральные» в европейском, а не американском значении).

Следуя этому направлению постсоциалистическое государство благосостояния сократилось бы до размеров, более адекватных уровню развития экономики. В его пользу есть прагматические аргументы: устойчивость финансовой политики; более низкие налоговые ставки; стимулирующие инвестиции; занятость и предпринимательство. Кроме того, можно слышать аргументы, заимствованные из политической философии: уважение личной независимости и свободы выбора, отказ от патерналистского подхода со стороны государства и в конечном счете от вмешательства политиков в частную сферу и суверенитет личности.

Второе направление – *сохранение всех универсальных прав и твердое противодействие какому-либо их урезанию. Может быть рассмотрено даже расширение прав. Сторонники этого направления готовы покрыть увеличение расходов за счет повышения налогов.*

Это направление поддерживают многие социологи, а также многие врачи, учителя, работники социальной сферы и других профессий, связанные с работой в различных секторах государства благосостояния. Что касается политического спектра, то это направление однозначно провозглашается и постоянно поддерживается его «традиционной левой» частью («Old Left»), т.е. политиками, по-прежнему верными идеологии скандинавской и германской социал-демократии 50-х годов.

Обоснованием этого направления служат прагматические аргументы. Проверка на нуждаемость, обоснование включения различных групп в соответствующие программы требуют гигантской бюрократической работы. Раздача универсальной помощи значительно проще и требует меньших административных издержек. Есть мнение, что универсальные права зачастую легче проходят парламентскую процедуру одобрения, чем выборочные. Здесь также слышатся аргументы, основанные на идеях политической философии. Концепция, поддерживающая универсальную доступность услуг социального обеспечения, опирается на положение о более глубоком значении равенства, согласно которому все индивиды наделены одним и тем же набором прав. Государство имеет одинаковые обязательства по отношению ко всем гражданам.

Сторонники второго направления подчеркивают тесную связь между двумя революционными целями или ценностями – Равенством и Братством (солидарностью). Выше я обращался к измерению неравенства на основе статистики денежного дохода (коэффициент Джини как показатель распределения денежных доходов). Однако значительная часть потребляемых домашними хозяйствами благ предоставляется в натуральной форме. Выго-

ды пользования бесплатным медицинским обслуживанием, бесплатным образованием, различными субсидиями, снижающими определенные расходы, способствуют выравниванию уровней потребления домашних хозяйств. Чем шире охват универсальными правами, тем больше относительные масштабы государства благосостояния и тем больше господство равенства. Чем больше Братства, тем больше Равенства.

Сторонники этого направления правы, когда утверждают, что большинство населения постсоциалистических стран (в наибольшей степени это относится к Украине, Беларуси, России и Румынии) требуют патерналистского

отношения со стороны государства[4]. На это указывают данные обследования, представленные в табл. 6. Таким образом, патерналистская риторика и экономическая политика пользуются популярностью и могут принести голоса тем, кто их пропагандирует и осуществляет[5].

Таблица 6

ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СРАВНЕНИЮ С ПАТЕРНАЛИЗМОМ

Страна	*Дата опроса 2004*
Беларусь	2,96
Болгария	2,56
Чешская Республика	2,55
Эстония	2,43
Венгрия	2,23
Латвия	2,30
Литва	2,19
Польша	2,4
Румыния	2,85
Россия	2,67

4. Позвольте мне процитировать слова Исайи Берлина (Isaiah Berlin 1969): «Если сущность человека состоит в том, что люди являются самостоятельными существами, …то ничто не может быть хуже, чем относиться к ним как если бы они были не самостоятельными, а обыкновенными объектами… выбором которых могут манипулировать их правители …Патернализм деспотичен не потому, что он более тягостен, чем неприкрытая, жестокая, непросвещенная тирания …а потому что он оскорбителен для моего собственного понимания как человеческого существа». Печально, что очень немногие люди способны понять и оценить эту мысль.

5. Согласно замечательному исследованию, проведенному американским и немецким экономистами (Alesina – Fuchs-Schündeln, 2007), население восточной части Германии (т.е. бывшей ГДР) испытывает значительно более сильное желание патерналистского государства благосостояния, чем население западной части, ценности и ожидания которого социализированы иначе.

Словацкая Республика	2,34
Словения	2,72
Украина	2,98
Средняя по Восточной и Центральной Европе	**2,55**
Средневзвешенная по численности населения по Восточной и Центральной Европе	**2,67**

Примечание: *Респондентам задавался следующий вопрос: «Ответьте, пожалуйста, с каким из альтернативных утверждений вы согласны: "Индивиды должны сами заботиться о себе и средствах к жизни". 1) безусловно согласен, 2) отчасти согласен или "Государство должно нести ответственность за материальное обеспечение каждого", 3) отчасти согласен, 4) безусловно согласен».*

Источник: *New Europe Barometer (2009).*

Я сопоставил две четкие и прозрачные позиции, каждая из которых имеет обоснования в виде практических аргументов и философских положений.

К сожалению, политические игры играются не на тех полях, где происходят откровенные, спокойные и прагматичные дебаты, и не в той чистой и живительной атмосфере, где утверждаются этические принципы. Эти игры происходят на арене, где политические гладиаторы сражаются за политическую жизнь или смерть, за голоса, за победу на выборах и поражение оппонента. Группы, которые твердо и последовательно поддерживают эти два «чистых» направления, являются значительными игроками (в некоторых странах и в некоторые периоды та или иная группа могла даже доминировать). Есть, однако, и другие политические группы (партии или партийные фракции или различные беспартийные движения), которые не вписываются ни в одно из этих двух «чистых» направлений. Политики, как в правительстве, так и в оппозиции, испытывают сильное противодействие сужению масштабов государства благосостояния. Стоит напомнить известную истину, что здесь мы имеем «эффект храповика»: изменение в одном направлении возможно, но возврат в прежнее положение невозможен. С политической точки зрения просто и выгодно увеличивать расходы на социальное обеспечение и расширять государство благосостояния, в то же время политически сложно и весьма непопулярно сокращать эти расходы. Неудивительно поэтому, что кроме двух вышеуказанных «чистых» направлений мы повсюду видим многие примеры нечетких, расплывчатых политических позиций.

К третьему направлению *политики принадлежат* популисты, *обещающие полное сохранение или даже расширение прав на социальное обеспечение и защиту сверхкрупного государства благосостояния, но не раскрывающие источники финансирования расходов. Еще не так опасно, если они дают безответственные и ложные обещания только во время избирательных кампаний или когда энергично нападают на либеральные реформы, сидя в рядах*

парламентской оппозиции. Хуже, если такая популистская партия победит на выборах и начнет выполнять безответственные обещания, ведя к катастрофическому бюджетному дефициту и всем другим связанным с ним печальным макроэкономическим последствиям.

Основная черта четвертого направления – *отсутствие верности принципам,* непоследовательность*, часть проявляющиеся со стороны политической партии или правительства как реакция на трудные решения. В январе шаг в первом направлении (*сокращение *некоторых расходов на социальное обеспечение), а в феврале шаг в противоположном направлении (*увеличение *некоторых других расходов в этой области). Политики, придерживающиеся четвертого направления, стремятся угодить избирателям правого крыла по четным дням и избирателям левого – по нечетным. Колебания, непостоянство, непредсказуемость слов и дел – вот характерные черты такой политической*

позиции. И это ведет к замешательству среди избирателей, которые не понимают, что происходит. На первых порах так может быть приобретена некоторая временная популярность у введенных в заблуждение сторонников первого или второго «чистого» направления, еще не разобравшихся, куда ведет эта политика. Но рано или поздно они понимают, что были обмануты зигзагами и шатанием между двумя противоположными целями.

В моем представлении именно это происходит в ряде стран с современной «новой социал-демократией» в стиле Тони Блэра, в том числе в некоторых постсоциалистических странах, включая мою страну, Венгрию. Политика в отношении государства благосостояния во многих аспектах непоследовательна, поскольку пытается следовать двум противоположным, взаимоисключающим наборам ценностей и одновременно угодить двум крупным частям электората, имеющим в корне различные предпочтения и испытывающим взаимную неприязнь.

Отправным моментом для моего доклада послужил лозунг Французской революции. В накаленной атмосфере 1789 г. и последующих лет никто не думал о том, насколько согласованы три его компонента и не противоречат ли друг другу. Вспомним, какой это был исторический век: это было почти за 100 лет до того, как Бисмарк в Германии ввел социальное страхование, более века до того, как социал-демократы в Скандинавии и Англии начали создавать современное государство благосостояния. Но в наши дни политики в далеко идущей борьбе за структурную трансформацию не могут обойти проблему согласованности изменений, а если пытаются сделать это, то вынуждены платить политическую цену.

Общая картина и прогноз

Я был бы счастлив представить собственный прогноз, собственное видение будущего, но боюсь, что в той области, которая выбрана в качестве предмета для данной статьи, я не имею четкого представления о том, что может случиться в будущем.

Общий взгляд на регион постсоциалистической трансформации дает весьма пеструю картину. Какое-либо унифицированное направление изменений в сторону государства благосостояния, безусловно, отсутствует. В некоторых странах на том или ином этапе предпринимаются шаги, направленные на ликвидацию определенных универсальных и широких прав пользования социальной поддержкой, в других же длинный перечень социалистического наследия дополняется новыми социальными правами. За шагами в одном направлении следуют разворот и шаги в противоположном направлении.

Разнородный характер движений в обоих направлениях до 2006 г. был очевиден. Население рассматриваемого региона испытало сложные времена. Ему пришлось пройти через трудности перераспределения ресурсов, драматических изменений прав собственности, временного отсутствия дееспособных институтов, усугубленные тяжестью трансформационной рецессии 90-х годов. И все эти факторы вызвали падение производства – значительно более глубокое, чем в период депрессии после 1929 г., самое глубокое за всю предшествующую экономическую историю. Это явление сопровождалось безработицей, травмировавшей миллионы людей, привыкших к гарантии полной занятости. Последствия этого двойного удара – рецессии и потери гарантии занятости – были в некоторой степени смягчены услугами полученного в наследство государства благосостояния (см.: Kean – Prasad, 2002; Vanhuysse, 2006). Людям, потерявшим работу, по крайней мере не пришлось тратить свои скудные средства на медицину, была сохранена социальная поддержка воспитания детей. Многие потенциальные безработные избежали этой участи с помощью досрочного выхода на пенсию или пенсии по инвалидности, и бюрократия закрыла глаза на то, что эти способы были не всегда абсолютно чисты от нарушения норм. К действовавшим правам по соцобеспечению были добавлены новые, например страхование и / или пособие по безработице, субсидирование энергопотребления с целью хотя бы частично сгладить последствия либерализации цен, жилищные субсидии и т.д. Если бы все эти старые и новые формы социальной поддержки со стороны государства благосостояния не были доступны, неудовлетворенность и раздражение людей были бы намного сильнее. В этом состоит существенная причина, объясняющая приверженность столь значительной части населения элементам государства благосостояния.

Начало первой декады XXI в. ознаменовалось экономическим подъемом. Стали проявляться положительные результаты перехода от неэффектив-

ной социалистической системы к капитализму, обещавшему повышение эффективности и ускорение роста. А затем внезапно пришел новый удар, глобальный финансовый кризис и рецессия. До сих пор неясно, будет ли падение производства глубже, чем после 1929 г. или даже в сравнении со спадом, произошедшим в постсоциалистическом регионе после смены режима, но оно уже принесло новые трудности и значительные страдания миллионам людей.

Эта повторная травма, нанесенная внезапными переменами, экономическими трудностями, беспокойством и чувством неопределенности, безусловно, усилит спрос на защитные функции государства, сделает эти требования более громкими. Политики рискуют попасть под двойной пресс. С одной стороны, значительная часть общества готова отказаться от претензий на личную самостоятельность, пойти на уступки в отношении свободы и надеется на становление еще более патерналистского государства, берущего на себя ответственность за благосостояние и безопасность. Некоторые страны откажутся от реформы системы социального обеспечения, предполагающей сокращение ее масштабов и ликвидацию ряда универсальных прав на вспомоществование. С другой стороны, рано или поздно политики (по крайней мере те, кто пришел к власти в результате выборов и отвечает за государственные доходы и расходы) почувствуют сильное давление макроэкономической ситуации. Щедрые траты в духе Равенства и Братства чреваты пугающими инфляционными последствиями, бюджетным дефицитом, ростом отношения долга к ВВП, неконтролируемым дефицитом текущего счета платежного баланса, отказом инвесторов от покупки государственных облигаций и т.п. Финансовые рынки, банковский сектор, фондовая биржа, различные финансовые институты, инвестиционные банки, брокерские фирмы и легион занятых в них аналитиков не становятся добрее от благородного чувства сострадания к своим согражданам и требований милосердия и благотворительности. Но они и не столь жестоки и бессердечны, как грубо и тенденциозно изображает их в карикатурном виде популистская политическая риторика, – они просто делают свое дело. Как бы то ни было, реальные макроэкономические трудности плюс громкие голоса критиков и предупреждения со стороны финансового и делового сообщества толкают политиков в противоположном направлении. Расходы должны быть сокращены в такой пропорции, чтобы одновременно могли быть снижены налоги, открывая путь для роста частных инвестиций и последующего подъема производства.

Каким будет итог этих противоречивых воздействий? Единственным честным ответом будет признание: я не знаю. В различных странах он, вероятно, будет различным в зависимости от глубины кризиса, соотношения выигрывающих и проигрывающих слоев, от распределения голосов избирате-

лей между партиями и движениями, представляющими различные направления – два «чистых» (направления 1 и 2), популистское (направление 3) и непоследовательное (направление 4). Возможно, что среди этих стран будут более удачливые, в них появятся выдающиеся государственные деятели, способные принимать краткосрочные решения, не теряя при этом видение широкого и долгосрочного исторического горизонта. Будут и неудачливые страны, ведомые запутанными и запутывающими политиками, теряющимися в лабиринтах противоречивых давлений, увязшими в застое и жестких, застывших бюрократических структурах. Боюсь, что должен закончить обсуждение знаком вопроса: кто знает, что произойдет в нашем победоносном и подверженном напастям регионе со Свободой, Равенством и Братством?

Литература

1. *Alesina, Alberto – Fuchs-Schündeln, Nicola 2007. Good Bye Lenin (or not?): The Effect of Communism on People's Preferences.* American Economic Review*, Vol. 97/ 4: 1507–1528.*
2. *Czeglédi, Pál – Kapás Judit 2009.* Economic Freedom and Development. *Budapest: Akadémiai Kiadó.*
3. *Berlin, Isaiah 1969. Two Concepts of Liberty. In:* Four Essays on Liberty. *Oxford: Oxford University Press, p. 118–172.*
4. *Dragomán György 2007.* The White King*. Garden City: Doubleday.*
5. *EBRD 2008.* Transition Report 2008: Growth in Transition*, London: EBRD.*
6. *EBRD 2009.* Transition Report 2009: Transition in Crisis*. London: EBRD.*
7. *Economist Intelligence Unit 1990-2008. Country Reports. www.eiu.com Retrieved on December 12, 2009.*
8. *European Social Survey (2006). Round 3. Oslo: Norwegian Social Science Data Services. http://ess.nsd.uib.no/ess/round3/ Retrieved on December 12, 2009.*
9. *Gwartney, J. D. – Lawson, R. 2008.* Economic Freedom of the World. Annual Report. *Vancouver: Fraser Institute.*
10. *Haggard, Stephen – Kaufman, Robert R. 2008.* Development, Democracy and Welfare States. *Princeton – Oxford: Princeton University Press.*
11. *Kean, Michael – Prasad, Eswar 2002. Inequality, Transferds, and Growth: New evidence from the Economic Transition in Poland.* Review of Economics and Statistic*, p. 324–341.*
12. *Kolosi, Tamás – Tóth István György 2008. Rendszerváltás: Nyertesek és vesztesek. (Tranisition: Winners and Losers.) In: Kolosi Tamás – Tóth István György (eds.): Újratervezés: Életutak és alkalmazkodás a rendszerváltás évtizedeiben. (Re-planning: Life and Adaptation in the Transition Decades.) Budapest: TÁRKI, p. 11–50.*
13. *Kornai, János 1992. The Postsocialist Transition and the State: Reflections in the Light of Hungarian Fiscal Problems.* American Economic Review, Papers and Proceedings, *vol. 82/2: p. 1–21.*
14. *Milanovic, Branko – Ersado, Lire 2009.* Reform and Inequality during the Transition: An Analysis Using Panel Household Survey Data, 1990–2005. *Washington, D.C.: World Bank.*
15. *Milanovic, Branko 1999. Explaining the Increase in Inequality during Transition.* Economics of Transition. *Vol. 7/2: p. 299–341.*

16. Mitra, Pradeep – Yemtsov, Ruslan 2006. Increasing Inequality in Transition Economies: Is There More to Come? World Bank Policy Research Working Paper 4007. *September 2006. Washington D.C.: World Bank.*

17. New Europe Barometer 2005. Aberdeen: Centre for the Study of Public Policy, University of Aberdeen. http://www.abdn.ac.uk/cspp/view_item.php?id=404 Retrieved on December 12, 2009.

18. Standard Eurobarometer 69*, 2008 November (fieldwork Apr-May) http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb69/eb69_en.htm Retrieved on June 11*, 2009.

19. TÁRKI 2009. World Value Survey: Technical Report*. Budapest: TÁRKI.*

20. Tóth István György 2009. Bizalomhiány, normazavarok, igazságtalanságérzet és paternalizmus a magyar társadalom értékszerkezetében. (Lack of Trust, Anomy, Feeling of Injustice and Paternalism in the Value Structure of the Hungarian Society.) Budapest: TÁRKI.

21. Vanhuysse, Pieter 2006. Divide and Pacify. *Budapest: CEU Press.*

22. World Values Survey 1995. Official data file vol. 7. http://www.worldvaluessurvey.com/ Retrieved on December 12, 2009.

К.Н. Свитнев

ДЕМОГРАФИЯ И ВЛАСТЬ

Свитнев Константин Николаевич – генеральный директор компании «Росюрконсалтинг», Москва.

Летом 2009 г. рождаемость в России превысила смертность – впервые за последние 18 лет[1]*. В августе было зафиксировано 151,7 тыс. рождений против 150,7 тыс. смертей. Таким образом, естественный прирост населения*

составил 1 тыс. человек. Новость, безусловно, приятная, но вместе с тем особых поводов для радости нет. Данные за восемь месяцев 2009 г. подтверждают общую тенденцию вымирания страны – за этот период родились

1,164 млн. человек, а умерли на 183 тыс. больше. А повышение рождаемости, действительно отмечаемое в последнее время, обусловлено существующей возрастной структурой населения – эхом демографического бума 80-х годов прошлого века и лишь в какой-то степени связано с пресловутым материнским капиталом. Мы пытаемся бежать вверх по эскалатору, идущему вниз. Чтобы подняться еще хоть на одну ступеньку, нужно бежать еще быстрее.

И без того тяжелую ситуацию усугубил финансово-экономический кризис, который не мог не сказаться на рождаемости. Причины налицо – увольнения[2]*, сокращение зарплат, общая неуверенность в завтрашнем дне.*

1. По данным Федеральной службы государственной статистики, размещенным на сайте www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo21.htm последний раз естественный прирост населения в количестве 103 969 человек был отмечен в 1991 г. В 1992 г. убыль населения составила 219 797 человек.

2. По данным Минздравсоцразвития РФ, размещенным на официальном сайте министерства http://www.minzdravsoc.ru/labour/employment/119 численность безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости, по состоянию на 23 декабря 2009 г. составила 2,1 млн. человек. При этом, по данным заместителя министра Минздравсоцразвития Максима Топилина, общая численность безработных в

У нарождающегося российского среднего класса, только познавшего прелести жизни в кредит, едва хватает денег на выплату процентов. Рождение ребенка отходит на второй план – родители не хотят «плодить нищету». Последствия очевидны – дальнейшая депопуляция России, неизбежное теперь уже «демографическое» пике.

Привлечение мигрантов из сопредельных стран восполняет естественную убыль населения на 60–65%, но вместе с тем способно лишь усугубить демографические проблемы, приведя в ближайшей исторической перспективе к изменению этнического состава народонаселения, социальным и религиозным конфликтам, «демографической» войне. Возможно ли переломить негативную тенденцию собственными силами?

Возрастная структура населения России наглядно показывает всю тяжесть сложившейся ситуации (см. рисунок ниже). Вместо «елочки», пирамидальной структуры, характерной для ***растущего*** *народа, мы получаем «куст» с сильно прореженной листвой, выдранными кое-где ветвями и утончающимся стволом, что свойственно для народа* ***вымирающего****. Если в ближайшее время не произойдет демографического перелома, чахлый «ствол» не выдержит тяжести «листвы», растущую с каждым годом армию пенсионеров будет просто некому содержать.*

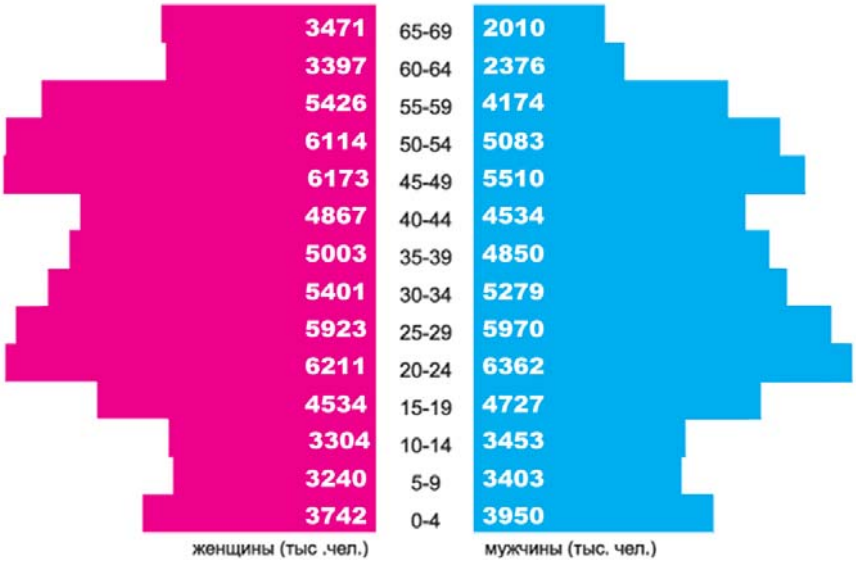
В анализе сложившейся ситуации и поиске путей выхода из демографического тупика следует исходить из положения об изначальной репродуктивной ориентированности каждого человека. Стремление к продолжению рода, желание иметь собственных детей генетически заложены в каждом из нас. Но почему это желание далеко не всегда реализуется на практике? Как помочь миллионам людей, которые могли бы стать родителями, обрести счастье отцовства и материнства? И что может сделать государство для преодоления демографического кризиса?

В настоящее время ситуация такова, что 14 млн. российских супружеских пар (более 45% от общего числа официально зарегистрированных браков), не имеют детей. Сейчас в нашей стране около 10 млн. бесплодных людей репродуктивного возраста – 4 млн. мужчин и 6 миллионов женщин[2а]*, что ведет к бесплодию в супружестве – как минимум 15% супружеских пар не имеют детей по состоянию здоровья. Сколько их в абсолютном исчисле-*

России, рассчитанная по методике Международной организации труда (МОТ), составляет порядка 6,5 млн. Об этом он сообщил в эфире радиостанции «Эхо Москвы» 25 июля 2009 г. http://echo.msk.ru/news/608048-echo.html.

2а. По данным руководителя Научного центра акушерства, гинекологии и перинатологии РАМН, главного акушера-гинеколога России, вице-президента РАМН, академика Владимира Кулакова, приведенным им в интервью «Российской газете» http://www.rg.ru/2005/08/23/kulakov-dz.html

нии? По самым осторожным оценкам, сейчас в России насчитывается как минимум
5 млн. таких семей (20), в реальности можно вести речь о 6–6,5 млн. семей.

Это физиологическое бесплодие, о котором говорят и пишут достаточно много.

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (по данным Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 01 января 2009 г.)[3]

Но есть еще и бесплодие социальное, когда здоровые и желающие иметь собственного ребенка люди не могут позволить себе реализовать это желание в рамках семьи *по причинам экономического порядка, чрезмерной загруженности работой или просто стремясь насладиться холостяцкой вольницей, год за годом перенося рождение детей «на потом». Есть люди, которые не испытывают подобных трудностей, хотят стать родителями, но не могут осуществить свое желание* вне традиционной семейной парадигмы *из-за несовершенства российского законодательства в области правового*

3. На 01 января 2009 г. население России составляло 141 904 млн. человек, из них 65 641 млн. – мужчины и 76 263 млн. – женщины, см. http://www.gks.ru/free_doc/2009/demo/nasvoz09.htm.

регулирования ВРТ[4], поскольку деторождение в нашей стране традиционно привязано к браку.

Феномен бездетности и «позднего» материнства в огромной степени объясняется эмансипацией женщин, изменением освященного веками традиционного образа жизни женщины. Все больше женщин, реализуя принцип гендерного равенства, стремятся реализовать себя в служении обществу и, в известной степени, «пожить для себя». Многие из них просто не готовы стать матерями в раннем возрасте. В современном мире женщина играет не менее значимую социальную роль, чем мужчина, что не может не сказываться на деторождении – на беременность и роды просто не остается времени, женщины откладывают рождение детей. Информация, постоянно появляющаяся в прессе и на телевидении о том, что некая актриса или певица имярек стала мамой в 42 года и более (как правило, при помощи суррогатных матерей, о чем часто не упоминают), также расхолаживает многих женщин – еще успеем, думают они.

Можно вывести простую закономерность – чем большую роль играют женщины в социальной жизни общества, чем выше их деловая активность, тем меньше времени они уделяет семье, тем ниже рождаемость, и наоборот. Именно этим, а не какими-либо другими, религиозными или культурными факторами объясняется разница в двух стратегиях репродуктивного поведения женщин – «восточной» и «западной».

Да, участие женщин в общественной и деловой жизни, вне всякого сомнения, абсолютное благо. Но все-таки естественное предназначение женщины – быть матерью, вынашивать и рожать детей, обеспечивая преемственность поколений и поступательное развитие нашего общества. Как совместить эти две, казалось бы несовместимые, вещи? Ответ прост, и ответ этот – ВРТ, включая донорские программы и суррогатное, замещающее материнство.

Интенциональное материнство (стремление иметь собственного ребенка) все больше отходит от материнства генетического (кровного родства со своим ребенком) и материнства биологического, гестационного (возможности этого ребенка вынашивать)[5]; вынашивание беременности может стать обычной работой, пусть безгранично ответственной, почетной, высокооплачиваемой, но – работой. Есть женщины, у которых выносить и родить ребенка получается гораздо лучше, чем у других. А у кого-то

4. ВРТ – вспомогательные репродуктивные технологии, современные высокотехнологичные методы искусственного содействия деторождению.

5. Вскармливание детей, являющееся важнейшей материнской функцией, так называемое «лактационное» материнство, в случае отсутствия у выносившей ребенка матери молока с незапамятных времён осуществляется кормилицами.

лучше получается руководить собственным бизнесом, увеличивая общественное – и свое собственное – достояние, создавая условия для достойного развития своих будущих детей. В этом нет никакого противоречия. Вынашивание ребенка – слишком ответственная миссия, чтобы заниматься этим походя.

Итак, благодаря современным научным достижениям все, кто хочет стать родителями – вне зависимости от супружеского статуса, состояния здоровья, возраста, пола, сексуальной ориентации, могут осуществить свою мечту. Это возможно технически. Но в том, что касается правовой стороны, то вопросов пока гораздо больше, чем ответов.

То, что **демографический процесс управляем***, что действия (или бездействие) людей, стоящих у власти, реально отражаются на рождаемости – очевидный факт, безоговорочно принимаемый сегодня всеми серьезными учеными. Таким образом, вопрос состоит лишь в том, в какой степени демографические процессы поддаются регулированию, и какие средства и инструменты можно для этого использовать. Выделяются три основных – и давно известных – средства воздействия на динамику деторождения* – право, деньги, убеждение *и новое мощное средство содействия деторождению* – ВРТ.

Роль права

Право – *важнейший инструмент демографической политики. Для того, чтобы демографическая ситуация в стране кардинально изменилась в лучшую сторону,* чтобы колыбелей стало больше, чем гробов*, нам необходимо задуматься о внесении серьезных изменений в действующее законодательство. Пора осознать, что репродуктивные права и репродуктивное здоровье граждан нуждаются в законодательной защите, что реализация права на продолжение рода напрямую зависит от позиции «властей предержащих» и поддержки со стороны государства.*

Наряду с тем, чтобы пытаться финансовыми стимулами побудить к деторождению тех, кто детей иметь может, но не хочет, государству следует озаботиться нуждами людей, которые детей иметь хотят, но в силу разных причин не могут, и на практике обеспечить реализацию их репродуктивных прав. Финансовых затрат это не требует, требуется лишь понимание сути проблемы и политическая воля.

Репродуктивные права *можно определить как неотъемлемую часть комплекса общечеловеческих прав и свобод, обеспечивающую реализацию естественного права каждого совершеннолетнего человека на продолжение рода, включая право на использование вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе донорских и суррогатных программ, а также право*

на самостоятельное планирование семьи, включая определение количества детей, интервалов между их рождением и выбор пола.

В силу того, что социальная составляющая человеческой жизни довлеет над биологической, деторождение в огромной степени зависит от действующих в обществе правовых норм. Очевидно, что при реализации биологической, генетически детерминированной потребности в продолжении рода человек сталкивается с определенными социальными препятствиями. В соответствии с существовавшими представлениями детей следовало рожать исключительно в браке, внебрачная беременность осуждалась, а дети, рожденные вне брака, поражались в правах. Совершенно разные явления, такие как семья и брак, секс и деторождение рассматривались как тождественные, искусственно объединялись в понятии «брак».

Государство во все времена активно вмешивалось и вмешивается в осуществление человеком своей детородной функции, устанавливая минимальный и максимальный брачный возраст, ограничения на вступление в брак вплоть до полного запрещения такой возможности для определенных категорий населения, условия заключения и расторжения брака; оно регулирует наследственные правоотношения между кровными родственниками и даже регламентирует порядок прерывания беременности. Несмотря на то, что право на продолжение рода является правовым абсолютом, государство и по сей день определяет, кому из граждан позволено иметь детей, а кому нет, устанавливая условия, при которых бесплодные люди могут прибегать к услугам репродуктологов.

Более того, эту регулирующую, упорядочивающую функцию в сфере деторождения власть предержащие всегда стремились подменить функцией разрешительно / запретительной: К.П. Победоносцев в своем блестящем курсе гражданского права (8) приводит, в частности, пример Баварии и Великого Герцогства Баденского. Еще в середине XIX в. от вступающих в брак требовалось удостоверение в том, что у них есть имущество, приносящее не менее положенной меры дохода; что они не расточители; что у них есть помещение для жительства и т.п. В Баварии закон был так ревнив к интересам общины, что возлагал на священника, повенчавшего новобрачных без разрешения общины, ответственность за все издержки и убытки, какие могли произойти для общины от этого брака. Тем тяжелее были эти ограничения, что они соединяли вступление в брак с пространным письменным производством, обложенным сборами, и ставили его в зависимость от усмотрения городских чиновников. В Баварии нередко случалось так, что бедный человек в течение десяти и более лет напрасно возобновлял ежегодно просьбу о дозволении, пока не получал его, издержав значительную сумму на одно производство, а между тем жил вне брака и приживал незаконных де-

тей с той женщиной, с которой хотел в самом начале повенчаться законно.

В России вплоть до переворота 1917 г. в соответствии со ст. 6 Свода Законов Гражданских на вступление в брак требовалось обязательное согласие родителей, опекунов или попечителей (10). Лица, состоящие на гражданской и военной службе, при вступлении в брак должны были испрашивать дозволения начальства (ст. 9), причем дозволение это должно было быть удостоверено письменным свидетельством. Разрешение особого рода требовалось

и для российских дипломатов, которые вступали в брак с иностранками (ст. 66), причем начальство нужно было информировать о приданом невесты и ее потенциальном наследстве, а сама невеста должна была дать расписку о том, что согласна продать свое заграничное имение.

Целому ряду категорий населения воспрещалось вступать в брак. Нижним чинам в российской армии в принципе было запрещено жениться (10). Офицерам же разрешалось вступать в брак не ранее достижения ими 23 лет. До 28 лет в сухопутных войсках и 25 лет во флоте брак разрешался начальством лишь при условии имущественного обеспечения (16). Монашествующие, а также посвященные в иерейский или диаконский сан также не могли сочетаться браком. Понятно, что подобные ограничения сдерживали рост рождаемости, что, впрочем, в условиях активного демографического роста в Российской Империи представлялось, скорее, благом.

Наиболее типичным примером прямого воздействия государства на демографию является законодательное регулирование прерывания беременности и его влияние на демографический процесс. Не было страны, где запрет на аборты не приводил бы к значительному увеличению рождаемости. Верно, что при этом растет число криминальных абортов и соответствующая материнская смертность, но последнее ни в коем случае не сопоставима с приростом рождаемости благодаря ограничениям абортивной практики. Характерен пример Румынии. В 60-е годы прошлого века суммарный коэффициент рождаемости там был один из самых низких в мире. К 1966 г. он составлял всего 1,9. В октябре того же года правительство запретило производство абортов. Прервать беременность можно было лишь по медицинским показаниям, женщинам старше 40 лет, а также матерям, имеющим четырех и более детей. Была ужесточена уголовная ответственность за «криминальные» аборты. Одновременно была запрещена продажа контрацептивных средств. Приобрести их можно было лишь по назначению врача или же по некоторым социальным показаниям. В результате принятых мер всего за один год суммарный коэффициент рождаемости в Румынии вырос почти в 2 раза и достиг отметки

в 3,66. Это беспрецедентный результат, показывающий значение политиче-

ской воли в решении демографических проблем. Положительное воздействие на рост численности населения оказывали ограничения на прерывание беременности в Венгрии (для женщин в возрасте до 35 лет и родивших менее трех детей) и в Болгарии (для женщин в возрасте до 40 лет и родивших менее двух детей) (6, с. 334–339).

Примером обратного свойства явилась Советская Россия, стяжавшая сомнительные лавры страны, первой в мире легализовавшей аборты (ноябрь 1920 г.). Число абортов увеличилось в разы, рождаемость начала падать. В Москве в 1934 г. на одно рождение приходилось уже 2,7 аборта – и это только в учреждениях Наркомздрава (15, с. 27), не считая нелегальных абортов! Негативные демографические тенденции усугубились последствиями мировой и Гражданской войн, послевоенной разрухой, голодом и обнищанием деревни, красным террором.

Принятое 27 мая 1936 г. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» не случайно носило столь длинное название. Комплекс этих мер имел своей целью компенсировать убыль населения и стал одним из факторов активного демографического роста в нашей стране. Уже в 1937 г. число абортов по сравнению с 1934 г. снизилось почти в 9 раз, пропорция изменилась в обратную сторону – на один аборт приходилось 3,1 рождения (15, с. 27).

Постановление действовало в течение почти 20 лет (с 1936 по 1955 г.) и, вне всякого сомнения, положительно сказалось на демографической ситуации в стране даже с учетом огромных потерь, которые Россия понесла в ходе войны. После снятия этого запрета кривая абортов резко пошла вверх, СССР уверенно вышел на первое место в мире по количеству абортов на душу населения. Разрешение абортов должно было сочетаться с целым комплексом мер по поддержке рождаемости, включая материальное стимулирование, созданию культа как материнства, так и отцовства и разъяснению негативных последствий прерывания беременности, что позволило бы миллионам женщин сделать осознанный выбор в пользу ее сохранения. Однако этого не произошло, что и явилось одной из главных причин нынешнего демографического коллапса.

Примером попыток генетической селекции со стороны государства являются печально известные гитлеровские законы – расистский Закон «О защите немецкой крови и немецкой чести» от 15 сентября 1935 г., Закон «О предотвращении появления наследственно больного потомства» от 14 июля 1933 г., а также в известной степени Закон «Против опасных на-

рушителей норм традиционной морали и о мерах по ее сохранению и улучшению» от 24 ноября 1933 г.

Подобные аморальные и противоестественные «законы», направленные на селекцию «лучших» детей (понимая под этим исключительно физические характеристики) существовали и в древности. Достаточно вспомнить пример Спарты, где, как свидетельствует Плутарх, по законам Ликурга недоношенного, физически слабого, уродливого ребенка убивали, считая, что его «жизнь не нужна ни ему самому, ни государству» (7, с. 59). В некоторых африканских племенах юноши, не прошедшие жесткий отбор инициации, не могли жениться и, соответственно, не могли оставить после себя потомство. В действительности подобная «селекция», искусственно нарушая природный принцип вариативности, приводила к деградации народа. Достаточно заметить, что если бы в 1770 г. в Германии действовал закон «О предотвращении появления наследственно больного потомства», человечество лишилось бы Людвига ван Бетховена, а Рубена Гонсалеса Гальего, автора получившей Букеровскую премию книги «Белое на черном», родившегося с детским церебральным параличом, в древней Спарте сбросили бы со скалы. Кстати, далеко не случайно, что за многие века своего существования Спартанское царство не произвело на свет ни одного известного ученого, философа, драматурга или оратора.

Вместе с тем законы Ликурга предоставляли право каждому достойному гражданину без ограничений вступать в связь с женщинами ради произведения на свет потомства. Старый муж молодой жены, если был у него на примете порядочный и красивый юноша, внушавший старику уважение и любовь, мог ввести его в свою опочивальню, а родившегося от его семени ребенка признать своим. С другой стороны, если честному человеку приходилась по сердцу чужая жена, плодовитая и целомудренная, он мог «попросить» ее у мужа, дабы, словно совершив посев в тучной почве, дать жизнь здоровым детям, которые будут кровными родичами добрых граждан. Ликург первый решил, что дети принадлежат не родителям, а всему государству, и потому желал, чтобы граждане рождались не от кого попало, а от лучших отцов и матерей (7, с. 57).

Как уже отмечалось выше, в мире существуют миллионы людей, которые желают стать родителями, но не могут иметь детей – и по медицинским причинам (таких минимум 15% от популяции), и по социальным. Обрести счастье материнства и отцовства они могут лишь при помощи современных ВРТ, позволяющих стать родителями всем, кто этого пожелает. Государство тем не менее как и прежде активно вмешивается в репродуктивную сферу, накладывая надуманные дискриминационные ограничения на реализацию гражданами своих репродуктивных прав. Принятие драконовских, дискриминационных законов в области правового регулирования ВРТ

в Германии, Франции, Италии, Португалии, произвольный запрет некоторых методов ВРТ включая суррогатное материнство ввиду их пресловутой «аморальности», включая суррогатное материнство, – все это привело к значительному снижению демографического потенциала этих наций за счет «отрицательного» демографического отбора и породило так называемый «репродуктивный»[6] туризм в страны с более либеральным законодательством, в частности в США, Индию, Россию, Белоруссию, Украину – со всеми вытекающими отсюда плюсами для экономик названных стран и минусами для стран с рестриктивным законодательством в области ВРТ.

Нужно отдавать себе отчет – хотя количество детей, рожденных при помощи ВРТ, в мире составляет всего лишь три с небольшим миллиона, из вспомогательного способа деторождения ВРТ становятся альтернативным, единственно возможным для миллионов людей средством обрести счастье отцовства и материнства. Это происходит в результате набирающей силу «пандемии» бесплодия, а также кардинальному изменению традиционной семейной парадигмы. Таким образом, при помощи ВРТ можно в буквальном смысле этого слова перевернуть мир, приведя в него десятки миллионов детей, которые никогда бы не появились на свет при других условиях.

Единственное, что препятствует перевороту в деторождении, это не учитывающие реалий нового времени правовые нормы, написанные тогда, когда о ВРТ знали только понаслышке. Нынешний уровень правового регулирования ВРТ в Российской Федерации существенно ограничивает права людей, желающих стать родителями при помощи вспомогательных репродуктивных технологий в случае, если их жизненная ситуация хоть на йоту отличается от описанной в разрозненных нормативно-правовых актах.

Главной задачей сейчас является обеспечение на практике ***равного доступа всех граждан, желающих стать родителями, к ВРТ****, в том числе к донорским и суррогатным программам.*

Еще недавно в числе основных правовых проблем, препятствующих осуществлению россиянами своих репродуктивных прав, можно было выделить ограничения по признаку супружеского статуса и пола (пары, не состоящие в официально зарегистрированном браке, а также одинокие женщины могли

6. «Репродуктивный» туризм – выезд граждан, нуждающихся в помощи репродуктологов для того, чтобы стать родителями, из государства с рестриктивным законодательством в области правового регулирования ВРТ в страну с более либеральными законами, позволяющими им осуществить свое право на продолжение рода в этой стране.

воспользоваться далеко не всеми методами ВРТ, одинокие мужчины в принципе были лишены доступа в клиники репродукции[7]).

Активно дискутировавшийся в последнее время вопрос о том, могут ли не состоящие в браке женщины воспользоваться в нашей стране услугами суррогатных матерей, был недавно окончательно решен российским судом и решен положительно. В августе 2009 г. Калининский районный суд Петербурга обязал ЗАГС Калининского района зарегистрировать никогда не состоявшую в браке 35-летнюю женщину матерью ее «суррогатного» сына[8]. Отказ ЗАГС в регистрации «суррогатного» ребенка на имя истицы был признан незаконным. В ноябре 2009 г. аналогичное решение по идентичному делу вынес в Москве Кунцевский районный суд[9]. Прецедентные решения российских судов подтверждают – не состоящие в браке женщины для реализации своего права на материнство могут воспользоваться в России услугами суррогатных матерей. Супружество не является обязательным условием для осуществления «суррогатной» программы. Любая совершеннолетняя женщина детородного возраста может стать в России матерью при помощи ВРТ самостоятельно, без помощи мужчин, в крайнем случае прибегнув к услугам суррогатной матери.

Мужчина же, в отличие от женщины, в силу известных физиологических особенностей, не может самостоятельно выносить и родить ребенка, даже при условии его фертильности.

Есть две основные причины, по которым многие мужчины хотят иметь детей, не вступая в брак. Первая причина весьма проста – возраст вступления в брак как у мужчин, так и женщин увеличился. Кто-то усиленно вьет гнездо для будущей семьи, а кто-то просто не торопится и ждет свою единственную. А годы между тем идут, и биологические часы, заложенные в любом из нас, неумолимо тикают. Лучше уж родить ребенка сейчас, пока есть силы, а уж потом спокойно дожидаться своей суженой, – думают многие мужчины. Кстати, считается, что мужчинам, уже имеющим своих детей, легче создать семью, чем полностью одиноким.

Вторая причина еще проще – больше половины заключаемых браков распадаются. Так, по данным, размещенным на официальном сайте Федераль-

7. Речь идет о миллионах формально не состоящих в браке людей репродуктивного возраста. По итогам переписи 2002 г., их в стране насчитывалось около 30 миллионов – 15 млн. 138 тыс. мужчин в возрасте от 18 до 54 лет и 14 млн. 456 тыс. женщин в возрасте от 18 до 44 лет, не нашедших пока свою половину или же в принципе не желающих связывать себя узами брака.

8. Решение Калининградского районного суда Санкт-Петербурга от 05.08.2009 по делу № 2-4104, судья Корчагина А.Ю.

9. Решение Кунцевского районного суда Москвы от 03.11.2009 по делу № 2-3853/09, судья Макарова М.Э.

ной службы государственной статистики[10], в 2008 г. в России было заключено 1 179 000 браков. За этот же период распалось 703 400 семей, почти 60%. Статистика свидетельствует о том, что это устойчивая тенденция, наблюдающаяся на протяжении как минимум 17 последних лет.

Развод вообще не самая приятная процедура, причем сопряженная, как правило, со значительными финансовыми потерями. Но главное в жизни, разумеется, не деньги, а дети. С кем из родителей – с отцом или с матерью – суд оставит детей? Сообщения о дележе «звездных» детей заполняют страницы желтой прессы, родители устраивают судебные баталии, в буквальном смысле этого слова рвут собственное чадо на части. А не лучше ли попытаться завести детей одному? – начинают задумываться мужчины.

Но одинокий мужчина может реализовать свое право на отцовство лишь одним единственным образом – при помощи программы гестационного суррогатного материнства[11] в сочетании с донорством ооцитов.

*Таким образом, главной правовой лакуной, пробелом в российском семейном законодательстве остается **реализация одинокими мужчинами своего права на отцовство**. Об одиноких мужчинах репродуктивного возраста, а их у нас в стране порядка 15 млн.[12], в законе не говорится ни слова – в Семейном Кодексе РФ, Законе об актах гражданского состояния и в Приказе № 67 Минздрава РФ (а это три основных документа, регулирующих порядок применения ВРТ в нашей стране) идет речь только о супругах. Так что воспользоваться услугами суррогатных матерей одинокие мужчины фактически не могут и в принципе **лишены права иметь детей и права на собственную семью**. Но отказ мужчинам в реализации их законного права на отцовство был бы явным нарушением сразу нескольких статей Конституции РФ, в частности, ст. 7 (в России обеспечивается государственная поддержка как материнства, так и отцовства), ч. 2 ст. 19 (равенство прав и свобод независимо от природных свойств – пола, расы, национальности), ч. 3*

10. http://www.gks.ru/wps/portal/OSI_N/DEM#

11. Различают два вида суррогатного материнства – традиционное, когда яйцеклетка суррогатной матери оплодотворяется спермой генетического отца, и гестационное – когда суррогатная мать не имеет генетической связи с вынашиваемым ею ребенком, выступая в роли своего рода «инкубатора». В России в настоящее время реализуемы только гестационные программы. Весьма распространенные в мире «традиционные» суррогатные программы с инсеминацией суррогатной матери (что на порядок дешевле программы ЭКО с донацией ооцитов и могло бы стать реальным выходом для десятков тысяч малоимущих бездетных пар), в нашей стране остаются пока вне правового регулирования.

12. По итогам переписи 2002 г., в стране насчитывалось 15 млн. 138 тыс. не состоящих в браке мужчин в возрасте от 18 до 54 лет.

ст. 19 (о равноправии мужчин и женщин) и ст. 55 (о недопустимости законов, умаляющих права человека).

Правоведы не раз обращали внимание на эту явную недоработку. Так, в частности Ю.Д. Сергеев (член-корреспондент РАМН, заслуженный юрист России, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова) считает, что «для исключения указанного противоречия необходимо внести соответствующие изменения в ст. 35 Основ (законодательства РФ об охране здоровья граждан), которые бы закрепляли также и право мужчины на доступ к методам вспомогательной репродукции» (11).

Доктор юридических наук, почетный адвокат России Л.К. Айвар придерживается аналогичной точки зрения. «Программа суррогатного материнства не должна ограничиваться семейными парами. Ситуации, когда единственный родитель может вырастить ребенка, обеспечить его материально, дать ему образование, встречаются сплошь и рядом. Бабушки, няни, учителя, помощники по хозяйству, репетиторы и т.д. дают возможность одинокому родителю, имеющему возможность содержать таких работников, "родить" и самостоятельно воспитывать ребенка» (1).

Остаются ограничения в области планирования семьи (запрет на произвольный выбор пола будущего ребенка); ограничения по здоровью (к услугам суррогатных матерей можно прибегнуть только по медицинским показаниям, существующие социальные показания совершенно не учитываются; клиники репродукции не берутся работать с пациентами, инфицированными ВИЧ или гепатитом С). Разумеется, понять позицию не желающих рисковать клиник, которым хватает и других пациентов, можно. Но, только по официальным данным, в России насчитывается 516 тыс. носителей вируса иммунодефицита человека[13]. Как сообщил директор Информационного центра ООН в Москве Александр Горелик (на сайте REGIONS.RU), «число реально заболевших в России достигает 1 млн. человек», и оно постоянно растет. Вместе с тем выяснено, что при использовании ВРТ риск рождения больного ребенка у инфицированных родителей минимален, а при использовании программы суррогатного материнства сводится практически к нулю. Проблема очевидна, и ее нужно решать. Это единственный шанс обрести собственного ребенка для людей, попавших в подобные обстоятельства.

Совершенно не регламентированы ситуации, которые могут возникнуть в случае развода родителей – заказчиков репродуктивной программы, по-

13. По данным Главного санитарного врача РФ Геннадия Онищенко, озвученным им в ноябре 2009 г., см.: http://palm.newsru.com/russia/30nov2009/aids.html

смертные репродуктивные программы вообще находятся вне правового поля. Совершенно не защищены интересы родителей – заказчиков «суррогатной» программы и самого ребенка, рождающегося в результате реализации этой программы (суррогатная мать вправе прервать беременность, а захочет – может оставить ребенка себе). Данное обстоятельство является главным фактором, сдерживающим развитие замещающего материнства в нашей стране. Нужно закрепить в законе обязанность суррогатной матери передать выношенного ею ребенка его родителям, равно как и невозможность для нее прервать суррогатную беременность по своему усмотрению, без наличия установленных медицинских показаний, лишив родителей порой единственного шанса обрести собственного, родного им по крови ребенка.

Различные варианты законопроектов о репродуктивных правах и репродуктивном здоровье, обсуждаемые в последнее время[14]*, не дают ответа на все эти вопросы. Вместо закрепления общего и равного права на продолжение рода, в соответствии с которым каждый человек, желающий стать родителем, должен получить возможность реализовать это свое право на практике, в этих текстах повторяются унылые мантры биоэтики, фигуры умолчания о том, что касается «одиноких» родителей. Исходя из мифических представлений о том, в чем состоят интересы воображаемых детей, реальным людям, желающим стать родителями, не вступая в брак, отказывают в праве на создание семьи через рождение ребенка, в праве на продолжение рода, обрекая их на одиночество. Тем самым обрубаются семейные корни, уничтожается преемственность поколений, ставится шлагбаум перед зарождением еще одной ячейки общества и жизнью всех последующих поколений, которые могли бы произойти от родившегося в этой ячейке ребенка.*

Особенность ситуации заключается в том, что в обсуждении глубоко интимного вопроса о продолжении рода отдельного индивидуума охотно принимают участие все, кому не лень, от небескорыстных эскулапов, вплоть до малаховых от юриспруденции, и вопрос этот плавно перемещается совершенно в другую плоскость – кому можно иметь детей, а кому нельзя. Послушать иных «биоэтиков», так недалеко и до арийских месткомов с осмотром срамных мест перед вступлением в брак с обязательным штампом на пухлой анкете – дозволяется или нет. Пора бы уяснить раз и навсегда – вопрос деторождения каждый человек может и должен решать само-

14. 8 декабря 2009 г. в Государственной думе прошел круглый стол, посвященный обсуждению проекта закона «Об охране репродуктивного здоровья». 6 октября 2008 г. в Думе был проведен круглый стол на тему «Правовое регулирование применения вспомогательных репродуктивных технологий».

стоятельно. Общественности и в особенности ретивым общественникам – здесь не место.

Современные репродуктивные технологии – не более, чем инструмент, изобретенный на благо всех людей. Лекарство от бесплодия. Таблетка от бездетности. Не более и не менее.

Пьер Трюдо в бытность свою министром юстиции Канады как-то сказал, что государству не место в постели своих граждан. Перефразируя знаменитое изречение, можно сказать, что государству не место и в лаборатории ЭКО, когда речь идет о реализации права на продолжения рода отдельного человека. Нет и не может быть никаких ограничений в реализации этого священного права – во имя будущих родителей, будущих детей, будущих семей.

Именно из-за несовершенства законодательства ***миллионы людей в настоящее время лишены возможности реализовать установку на продолжение рода вне рамок традиционной семейной парадигмы, когда желание иметь собственных детей вступает в конфликт с социальными установками, определяющими «способ» производства потомства****. Снятие искусственных ограничений в области ВРТ позволит в кратчайшие сроки без каких бы то ни было затрат со стороны государства получить десятки тысяч дополнительных рождений в год.*

Роль материальных стимулов

В настоящее время люди предпочитают рожать детей тогда, когда для этого существуют определенные условия. Общеизвестно, что улучшение условий жизни, экономическая и политическая стабильность непременно приводят к повышению рождаемости. Столь же очевидно и то, что ухудшение жизненного уровня и неуверенность в будущем с е неизбежностью влекут за собой ее снижение[15].

Характерен пример Китая в области ограничения деторождения. Семьи с одним ребенком получали разнообразные социальные льготы: денежные

15. В опровержение этого тезиса обычно ссылаются на рост рождаемости в России в период голода 1921–1922 гг. и в тяжелейший 1943 г. Думается, что это лишь подтверждает двойственную суть репродуктивного поведения человека, его биосоциальный характер. На пике голода и в самый разгар войны, когда наша страна несла колоссальные людские потери, когда весь народ находился на грани уничтожения, включился естественный биологический механизм сохранения рода, спасая его от уничтожения. В монографии «Государственная политика вывода России из демографического кризиса» (с. 259) замечательно сказано, что «в области минимальной обеспеченности материальными условиями действует именно биологический репродукционный код человека».

премии, субсидии на медицинское обслуживание, повышенные пенсии, им в первую очередь выделялись квартиры и земельные участки. Вместе с тем многодетные семьи лишались права получения продовольственных талонов, их доходы облагались специальным 10%-ным налогом. Минимальный брачный возраст был повышен до 22 лет у мужчин и 20 лет у женщин (4, с. 346). Суррогатное материнство в Китае было запрещено. Компании, занимающиеся посредничеством в данной области, были уничтожены. Мировая пресса приводит ужасающие примеры «демографической» политики китайских властей. Вот только один из них – в апреле 2009 г. трем суррогатным матерям в китайской провинции Гуанчжоу были сделаны насильственные аборты (21). Эти меры не замедлили сказаться – рождаемость действительно понижается. Остается вопрос здоровья потенциальных родителей, семей вообще и «качества» потомства, но это, по-видимому, китайские власти не интересует.

Именно поэтому так важна материальная поддержка деторождения со стороны государства, как прямая, так и опосредованная, через предоставление льготных ссуд и снижение налогообложения, предоставление бесплатных путевок и прочих социальных льгот. Убедительным примером является улучшение демографической ситуации в СССР после принятия Постановления ЦК и Совмина «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» в период с 1980 по 1987 г., когда рождаемость увеличилась на 12,4% (суммарный коэффициент рождаемости вырос с 2,25 до 2,53 соответственно) (3, с. 226). Вместе с тем существовавший в СССР 6%-ный налог «на бездетность» нельзя не признать аморальным по самой своей сути, так как выплачивали его в большинстве своем люди, бесплодные по медицинским показаниям (минимум 15% от всей популяции) или же не имеющие материальных условий для того, чтобы стать родителями.

Нельзя не отметить и положительное влияние введения программ «материнского капитала» (18) на некоторое повышение рождаемости в нашей стране. В России общее количество новорожденных по итогам 2008 г. возросло на 23% и составило около 1,6 млн. человек[16]. Кроме того, по данным Фонда социального страхования, по сравнению с 2007 г. в семьях на 7% увеличилось количество вторых детей, на 12 – третьих детей, на 14% – четвертых и более детей. Улучшением здоровья можно объяснить и возросшую материнскую фертильность. В 2008 г. в шести российских семьях родились четверни, тройни появились у 188 женщин (в 2007 г. их было 147), двойни же родились у 11,8 тыс. женщин (в 2007 г. – 10 тыс.)[17].

16. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo21.htm
17. http://www.rian.ru/society/20081225/158067642.html

Рост продолжился и в первые шесть месяцев 2009 г. – вторых и последующих детей родилось на 5,5% больше (355 500 человек), чем за аналогичный период 2008 г.

Поддержка же ВРТ на государственном уровне, выделение средств на проведение ЭКО в малоимущих семьях, льготный режим налогообложения многодетных семей – все эти меры могут способствовать дальнейшему росту позитивных демографических тенденций в нашей стране.

Сейчас ***наибольшую угрозу для демографической безопасности России и репродуктивного здоровья нации представляют аборты****, количество которых в связи с финансово-экономическим кризисом значительно увеличилось. Можно ли решить эту проблему при помощи денег? И какова цена вопроса?*

Понятно, что во время кризиса женщины откладывают беременность «на потом» или идут на ее прерывание в основном по материальным причинам. Представляется, что материальная поддержка в период беременности и дополнительной поддержки в течение первого года жизни ребенка в корне изменила бы этот негативный тренд. Выходом из этой ситуации могло бы стать создание общественного благотворительного фонда «Право на жизнь»*, оказывающего морально-психологическую и материальную помощь беременным женщинам и матерям в течение года после родов. По данным нашего социологического исследования*[18]*, речь идет о сумме порядка 12 тыс. руб. в месяц. Именно эта представляющаяся весьма незначительной сумма может реально изменить решение женщин, настроившихся на прерывание беременности, и побудить их сохранить жизнь своему ребенку. Таким образом, общие затраты на рождение нового человека составят порядка 250 тыс. руб. Насколько было бы выгодно такое вложение?*

К материальным аспектам демографической ситуации относится и вопрос о так называемой ***стоимости человеческой жизни.*** *Разумеется, жизнь каждого человека бесценна. Но говоря не о моральной, а об экономической стороне дела, о материальном выражении вклада человека в экономику на протяжении его жизни, можно оперировать вполне конкретными цифрами. Так, по исследованию Минфина РФ*[19]*, стоимость человеческой жизни составляет 2–3 млн. руб., этот расчет основывается на размере государственных пособий и сложившейся судебной практике по выплатам в*

18. В октябре-декабре 2008 г. были опрошены 62 женщины из восьми регионов России.

19. http://atombroker.ru/news/?id=3846&t=1 Данные были приведены заместителем директора департамента финансовой политики Минфина РФ В. Балакиревой на заседании одного из экспертных советов комитета Государственной думы по финансовому рынку 2 февраля 2009 г.

случае смерти граждан учитывая социальное положение, возраст, пол, доход, наличие и состав семьи пострадавшего, а также причины смерти. По иной методике расчета, исходящей из экономической теории человеческого капитала, стоимость жизни оценивается в 3–3,5 млн. руб., причем такая же оценка получена в результате социологического опроса[20].

Эти оценки представляются весьма заниженными, так как человек обладает куда большим экономическим потенциалом. В США, например, после теракта 11 сентября 2001 г. была разработана специальная методика по компенсации вреда пострадавшим с учетом экономического убытка, связанного с гибелью человека. Методика расчета учитывает очень многие факторы: вклад человека в общественное благосостояние, уплачиваемые им налоги, процентный рост зарплаты по годам, личные траты. Если считать подобную методику верной, то стоимость жизни у молодого человека с учетом того общественного продукта, который он произведет, налогов, которые он заплатит, и тех детей, которые у него родятся, выше, чем у пожилого (12). Таким образом, в США стоимость жизни здорового человека средних лет в десятки раз выше, чем в России и составляет в среднем 3,7 млн. долл., стоимость жизни пожилого – 2,3 млн. долл. В Великобритании адекватные выплаты за вред, причиненный жизни человека, оцениваются в 1,5 млн. фунт. стерлингов, в Швеции – 2,5 млн. долл.

Итак, даже если исходить из методики подсчета Минфина, каждый рубль, вложенный, к примеру, в предотвращение абортов, принесет как минимум 12 руб. прибыли, а в реальности эта цифра будет на несколько порядков выше. Можно сделать однозначный вывод: вложения в демографию окупятся всегда и в любом случае, ведь главным богатством страны являются не нефть, не золото и алмазы, а люди, ее человеческий потенциал. Именно он определяет, какое место занимает та или иная страна на мировой арене.

Роль убеждения

Психологической составляющей деторождения долгое время не уделялось должного внимания, рождение ребенка рассматривалось как нечто само собой разумеющееся. Рожать детей хорошо для семьи и для общества в целом. Это аксиома. Материнство выполняет важнейшую социальную функцию обеспечения преемственности поколений и поступательного развития общества. Но нужно не только констатировать этот простой факт, но и обеспечить всемерное поощрение деторождения на государственном уровне, создать в обществе настрой, благоприятствующий дето-

20. Там же.

рождению, настоящий культ материнства и детства. Награды за материнство, чествование матерей-героинь – все это неотъемлемые элементы государственной политики, направленной на повышение рождаемости. Введение в 1944 г. в СССР целой системы награждения многодетных матерей[21] *оказало свое благоприятное воздействие на формирование позитивных репродуктивных установок в обществе.*

О необходимости общественного признания и всемерного поощрения многодетности в нашей стране вспомнили только в 2008 г. – одним из первых указов Президента Д.А. Медведева был учрежден орден «Родительская слава» (14). Этим орденом награждаются родители (усыновители), состоящие в официальном браке, либо, в случае неполной семьи, один из родителей (усыновителей), которые воспитывают и (или) воспитали четверых и более детей – граждан Российской Федерации, образуют социально ответственную семью, ведут здоровый образ жизни, обеспечивают надлежащий уровень заботы о здоровье, образовании, физическом, духовном и нравственном развитии детей, полное и гармоничное развитие их личности, подают пример в укреплении института семьи и воспитании детей. Награждение производится по достижении четвертым ребенком возраста трех лет и при наличии в живых остальных детей. При этом учитываются дети, погибшие или пропавшие без вести при защите Отечества или его интересов, при исполнении воинского, служебного или гражданского долга, а также умершие либо вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в указанных обстоятельствах, либо вследствие трудовых травм и профессиональных болезней.

Награждение орденом «Родительская слава» усыновителей производится при условии достойного воспитания и содержания усыновленных (удочеренных) детей в течение не менее пяти лет. Родителям, удостоенным этого звания, выплачивается также единовременное денежное поощрение в сумме 50 тыс. руб.

При разработке статута этой награды были учтены новые реалии – сейчас в обществе «многодетной» считается семья, в которой больше двух

21. «Медаль материнства» двух степеней (за рождение пяти и шести детей соответственно; всего вплоть до распада СССР было произведено около 13 150 000 награждений), орден «Материнская слава» трех степеней (за рождение семи, восьми и девяти детей соответственно, 5 534 724 награждений). Высшая награда за материнство – звание «Мать-героиня» с вручением одноименного ордена, стилизованного под золотую звезду Героя – присуждалась за рождение десяти и более детей (было произведено около 431 000 награждений). Награждение производилось по достижении последним ребенком возраста одного года и при наличии в живых остальных детей этой матери. При награждении учитывались также и усыновленные дети.

детей, а «неполной» – семья, в которой дети могут воспитываться и отцом.

Хотел бы заметить, что сам термин «неполная» семья является некорректным и привносит негативную коннотацию в обозначаемое понятие. Новый термин «монородительская» звучит гораздо пристойнее и точнее передает суть предмета. Да, было бы лучше расти и воспитываться в «полной», патриархальной семье из телевизионной рекламы. Но в жизни не всегда все получается так, как на экране телевизора. У нас в стране ежегодно почти полмиллиона детей рождаются вне брака (по данным председателя Комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей Е.Б. Мизулиной, внебрачные дети составляют 29% от общего числа рождений[22]). На Западе наблюдается аналогичная картина, что лишь подтверждает универсальность указанной тенденции. Так, в Скандинавии от 40 до 60% детей рождаются вне брака (2).

Миллионы детей в нашей стране воспитываются одинокими родителями. По данным Е.Б. Мизулиной, в России сейчас 9 млн. монородительских семей, из них 2,4 млн. – это семьи, где единственный родитель – отец (5, с. 23). Так что, этим детям было бы лучше не родиться? Но разве это помогло бы преодолению переживаемого нашим обществом кризиса семьи? Жизнь в любом случае лучше небытия. И «неполная» семья лучше, чем никакая. Рождение ребенка у «одинокого» родителя в любом случае порождает новую семью, новую ячейку общества, укрепляет наш социум и дает еще один шанс изменить наш мир к лучшему. И нет большего цинизма, чем, ссылаясь на «кризис семьи», отказывать детям в праве на рождение, обрекая несостоявшихся родителей на смерть в одиночестве.

Общественное «неодобрение» бездетности, негативного репродуктивного выбора также может сыграть свою положительную роль. Например, в Спарте Ликург установил позорное наказание для холостяков: их не пускали на праздники, зимою, по приказу властей, они должны были нагими обойти вокруг площади, распевая песню, сочиненную им в укор, и, наконец, они были лишены тех почестей и уважения, какие молодежь оказывала старшим (7, с. 57).

При минимальных затратах поддержка установки на деторождение на государственном уровне, поддержка материнства и отцовства, семьи в любом ее виде, «полном» или «неполном» способна значительно увеличить рождаемость.

Для достижения оптимального демографического результата необходимо задействовать все три вышеуказанных средства воздействия на дето-

22. http://www.ami-tass.ru/article/57708.html

рождение. Так, чтобы кардинально сократить число абортов в нашей стране необходимо было бы не только скорректировать действующее законодательство в этой области (огромную положительную роль могло бы сыграть введение института пренатального усыновления)[23]*, но и материально и психологически удерживать женщин от прерывания беременности, а также создать соответствующую благоприятную атмосферу в обществе. В настоящее время в России полностью отсутствует понимание всей вредоносности, противоестественности и аморальности прерывания беременности, необходима целенаправленная пропагандистская кампания, направленная на коренное изменение отношения к абортам. Прерывание беременности по существу рассматривается не как убийство собственного ребенка, а как безболезненная и не имеющая никаких последствий процедура, сравнимая с удалением какого-нибудь полипа.*

По инициативе депутатов Виктора Звагельского и Киры Лукьяновой в декабре 2009 г. Государственной думой был принят Закон «О внесении изменений в ст. 24 Федерального закона "О рекламе"» (17). Закон ввел некоторые ограничения на рекламу абортов, объявления «абортариев» теперь обязательно должны содержать предупреждение о возможности вредных последствий для здоровья женщины. Представляется, что это не более, чем полумера. Реклама абортов должна быть полностью и повсеместно запрещена, как это в свое время совершенно справедливо предлагала первый заместитель председателя комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Наталья Карпович.

Удивительно, что вместо этого профессор Александр Баранов, председатель исполкома Союза педиатров России, предлагает запретить… рекламу ЭКО (19).

Принимая во внимание, что примерно одна треть абортов приходится на женщин в возрасте до 18 лет, снижение минимального возраста вступления в брак *могло бы также сыграть свою положительную роль в уменьшении числа абортов и улучшении демографической ситуации. В Российской империи женщины могли выходить замуж с 16 лет (а в Закавказье дозволялось вступать в брак по достижении женихом 15, а невестой 13 лет) (10), этот возраст больше соответствует реалиям современной жизни с учетом*

23. Когда женщины, не планировавшие ребенка и собирающиеся сделать аборт, имели бы возможность получить некую материальную поддержку в период беременности и определенную сумму на реабилитацию после родов от государства или же напрямую от потенциальных усыновителей, чтобы потом передать им спасенного от смерти малыша. Более подробно о пренатальном усыновлении см.: Свитнев К.Н. Не щадя живота своего. «Российская газета» – Неделя № 4394 от 22 июня 2007 г.

акселерации. Отсутствие увеличения рождаемости при уменьшении возраста начала половой жизни объясняется именно огромным количеством подростковых абортов в силу социального осуждения «ранней», внебрачной беременности.

И «ранние» аборты делаются, как правило, по настоянию родителей.

Принципиально важным является создание сети загородных пренатальных профилакториев, где любая женщина, вынашивающая «нежелательную» внебрачную беременность, могла бы находиться начиная с четвертого-пятого месяца беременности вплоть до родоразрешения и прохождения соответствующей реабилитации после родов. После родов женщина могла бы оставить выношенного ею ребенка себе – каковая цель, собственно, и преследуется, или же, по прошествии установленного срока (не менее 72 часов) передать этого ребенка для последующего усыновления в ведение органов опеки и попечительства.

В настоящее время все больше специалистов в области биоэтики склоняется к тому, что человеческий эмбрион имеет безусловное право на жизнь. Если это верно, то нельзя не признать за каждым пока еще не родившимся ребенком неотъемлемое право на рождение, что находится в разительном противоречии с узаконенным правом на прерывание беременности. Принимая во внимание негативные последствия для репродуктивного здоровья женщины (аборт в структуре материнской смертности занимает одну треть, при этом от 16 до 52% абортов влекут за собой осложнения различной степени тяжести (3, с. 459), до 10% всех женщин после аборта становятся бесплодными; во многих случаях прямым следствием аборта является невынашивание последующих беременностей), речь идет не только об убийстве одного отдельно взятого «нежелательного» ребенка, но и всех последующих поколений.

Необходимо срочно разработать концепцию права на рождение, которая, исходя из принципа святости права на жизнь гармонично сочетала бы в себе защиту интересов личности и общества в целом, а также и закрепляла механизмы конституционной защиты и реализации этого права. Конституционное закрепление права на рождение как составляющей права человека на жизнь, права, которое должно гарантироваться и защищаться государством с момента зачатия, будет способствовать формированию в российском обществе гуманного и морально оправданного отношения к человеческой жизни на всем ее притяжении.

Эта тема заслуживает самого пристального внимания законодателя – аборты наносят здоровью нации колоссальный вред, в разы превосходящий вред от наркотиков, алкоголя и курения. Наркотики законодательно запрещены, аборты же являются повсеместной практикой. Необходимо серьезно задуматься хотя бы об ограничении круга лиц, имеющих право на прерыва-

ние беременности (несовершеннолетние женщины; женщины, уже имеющие двух детей; женщины старше 40 лет). Следует отметить, что даже ограничение абортивной практики позволит в кратчайшие сроки полностью переломить демографическую ситуацию, рождаемость более чем в 2 раза превысит смертность, демографическая проблема в России будет практически решена. Но для принятия этого непопулярного – и спасительного для страны реше-
ния – требуется политическая воля...

Классический пример комплексного сочетания средств управления деторождением – демографическая трансформация Германии в 30-е годы прошлого века. Демографическая ситуация в Веймарской республике была катастрофической. Если в 1901 г. в Германии было зарегистрировано 36 рождений на 1 тыс. человек, то к 1933 г. этот показатель понизился более чем в 2 раза, до 14,7 рождений (24). Реформа была направлена, прежде всего, на создание образа «новой» немецкой женщины, ориентированной не на работу или общественную деятельность, а на деторождение, дом и семью. Не стоит с порога отвергать эту реформу только потому, что она была инициирована нацистским руководством, озабоченным увеличением демографического веса Германии в мире, в том числе ради экспансионистских целей. Важнее увидеть в ней рациональное зерно, приемлемое для любого общества, отвергнув расистские нюансы (о расистских ограничениях материнства см., напр., 22, с. 31). Материнство рассматривалось как основная работа *женщины, к матерям относились как к героям, школьные учебники были заполнены картинками с изображениями счастливых женщин, окруженных многочисленными детьми. Германия стала первой страной в мире, учредившей государственную награду для многодетных матерей*[24]*. Обладательницы этой награды получали существенные социальные льготы, бесплатные путевки в санатории, лучшие места в театрах, их приветствовали на улицах. Не достигшие 25 лет одинокие девушки несли обязательную трудовую повинность, помогая в уходе за детьми этим многодетным матерям, перенимая одновременно их опыт (3, с. 223).*

Предпринимались и другие меры. В случае, если женщина после замужества уходила с работы и целиком посвящала себя семье, семья могла рассчитывать на получение значительной беспроцентной ссуды, при этом 25% из этой ссуды списывалось при рождении каждого нового ребенка. Для того, чтобы полностью рассчитаться с государством, нужно было родить четверых детей, по рождении последнего ребенка ссуда считалась погашенной.

24. Материнский крест, имевший три степени отличия. Бронзовый крест вручался после рождения четвертого ребенка, серебряный – после рождения шестого, мать восьми детей получала золотой крест.

*Рождение новых детей стимулировалось и налоговыми льготами – при рождении каждого нового ребенка налоговые выплаты родителей уменьшались на 15%. Матери шести детей полностью освобождались от уплаты подоходного налога (23). Начатая в 1936 г. программа «*Lebensborn*» («Источник жизни») была направлена на увеличение рождаемости через предотвращение нелегальных абортов. В январе 1941 г. в Германии было запрещено производство противозачаточных средств, что наряду с полным запрещением абортов не могло не сказаться на увеличении численности населения.*

Результаты реформы впечатляют – всего за пять лет рождаемость в Германии возросла в полтора раза – с одного миллиона до полутора (9, с. 209). При этом резко улучшилось и здоровье младенцев – матери вынашивали их не в условиях постоянного стресса, существующего на любой работе, а в спокойных домашних условиях. Эти, пришедшие из небытия дети, во многом обеспечили нынешнее экономическое процветание новой Германии, превратив ее в богатейшую страну Европы.

Таким образом, можно однозначно сделать вывод о том, что ликвидируя правовые препятствия для осуществления гражданами своей детородной функции в сочетании с ограничением абортивной практики при одновременном созданиии экономических и социальных стимулов, поощряющих деторождение, государство может в минимальные сроки и с минимальными затратами добиться значительного повышения рождаемости.

Подчеркнем еще раз, что право на продолжение рода относится к числу важнейших и неотъемлемых естественных прав человека. Все, что способствует приходу в этот мир нового человека – морально и приемлемо. Все, что этому препятствует – аморально и недопустимо. Учитывая зарубежный опыт и тяжелейшую демографическую ситуацию в стране, российским законодателям следует не ограничивать, а на государственном уровне поддерживать всех людей, которые хотели бы иметь собственных детей, в том числе и при помощи ВРТ, включая программы суррогатного материнства и донорства. Необходимо снять все препятствия на пути людей, желающих реализовать свое право стать родителями и как можно быстрее принять максимально либеральный всеобъемлющий федеральный закон о вспомогательных репродуктивных технологиях и гарантиях репродуктивных прав граждан. Каждый день промедления – это неродившиеся дети.

Литература

1. Айвар Л.К. Правовые проблемы суррогатного материнства: Законодательные предложения // Представительная власть. Законодательство, комментарии, проблемы. М., 2008. – Вып. № 5, 6.

2. Без брака // Общая газета, 25 декабря 2007 г.

3. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. – М., 2007.

4. Здравоохранение в России. – М., 2005.

5. Мизулина Е.Б. Эволюция прав женщин: к 100-летию Первого Всероссийского женского съезда. По материалам парламентских слушаний. Издание Государственной думы. – М., 2009.

6. Население мира: Демографический справочник. С. 334–339.

7. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Изд. 2-е, испр. и доп. – Т. I. – М., 1994. – 702 с.

8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 2. Права семейственные, наследственные и завещательные. – М., 2003. – 638 с.

9. Полян П.М. Опыт иммиграционной политики государства и положение иностранцев в Германии // Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие тенденции, М., 2004.

10. Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Подъ редакціею И.Д. Мордухай-Болтовского. СПБ, 1912 г. Том десятый. Часть первая. Сводъ Законовъ Гражданских. Изданіе 1900 года. Книга первая. О правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Ст. 3. С. 1.

11. Сергеев Ю.Д., Павлова Ю.В. Проблемы правового регулирования применения методов вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. – 2006, № 3.

12. Сколько стоит жизнь в России // Российская газета – Неделя № 3746. – 15 апреля 2005 г.

13. Страна нерожденных // Российская газета. – 23 августа 2005 г.

14. Указ Президента РФ № 775 от 13 мая 2008 г.

15. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. – М., 1963. – 136 с.

16. Устав о Воинской Повинности – СПб, 1913. – Ст. 25, п. 1.

17. Федеральный закон от 17 декабря 2009 г. № 320-ФЗ «О внесении изменений в статью 24 Федерального закона "О рекламе"».

18. Федеральный закон от 29 декабря 2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (принят ГД ФС РФ 22.12.2006).

19. ЭКОномить не будем! // Аргументы и факты. – М., 2009. – 16 декабря.

20. «Экоребенок»: не в капусте, а в пробирке // Российская газета (Неделя). М., 2007. – 25 мая.

21. Forced abortions shake up China wombs-for-rent industry. Reuters, 30.04.09.

22. Heineman, Elizabeth D. What Difference Does a Husband Make? Women and Marital Status in Nazi and Postwar Germany. Berkeley, 1999.

23. Koonz, Claudia. Mothers in the Fatherland: Women, the Family and Nazi Politics. New York, 1987. – XXV, 556 p.

24. Pine, Lisa. Nazi Family Policy 1933–1945. New York: Berg, 1997.

Н.Ю. Лапина, А.Е. Чирикова

ЖЕНЩИНА ВО ВЛАСТИ В РОССИИ: КАРЬЕРНЫЙ РОСТ И МОТИВАЦИЯ

Лапина Наталья Юрьевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Чирикова Алла Евгеньевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

На протяжении последних десятилетий в научной литературе и публицистике не утихают споры о том, почему в высшей иерархии власти во всем мире так мало женщин. По оценкам аналитиков, представительство женщин на руководящих постах в исполнительной власти в среднем в разных странах мира находится на уровне 8–10%, и лишь в Скандинавии этот показатель существенно выше (25–40%) (6, с. 495). В парламентах женщины представлены лучше, чем в исполнительной власти, их доля варьирует от 21,2% в большинстве стран Европы до 41,4% в Скандинавии (1, с. 225). Исследователи гендерных проблем склонны интерпретировать этот факт наличием «стеклянного потолка», преодолеть который женщинам непросто.

Существует ли «стеклянный потолок» в России, и если существует, то, что собой представляет и насколько преодолим? Как женщины все-таки оказываются на высших постах во власти? Является ли их карьерное продвижение результатом осознанного выбора или следствием решения, принятого наверху? Что движет женщинами, когда они соглашаются занять руководящие посты во власти? Все эти вопросы были поставлены нами в ходе социологического исследования «Женщина на высших этажах власти: российские практики и французский опыт» (9). Исследование было проведено в 2008–2009 гг. Институтом социологии РАН совместно с Франко-российским центром гуманитарных и общественных наук в Москве. В ходе

него были сопоставлены два национальных случая – российский и французский. Цель исследования состояла в изучении практик продвижения и закрепления женщин на высших руководящих позициях в системе исполнительной и законодательной власти в России и во Франции. В России объектом исследования стал региональный уровень власти (изучен на примере двух российских регионов – Пермского края и Тамбовской области), во Франции – высший уровень государственной власти. Выводы исследования конструировались на основе авторских интервью (в общей сложности было проведено 57 интервью в РФ и Франции с женщинами – лидерами исполнительной и законодательной власти и экспертами), а также аналитических материалов, полученных французскими и российскими специалистами в разные годы.

Путь во власть: случайность или карьерный проект?

В научной литературе широко распространено мнение о «гендерно-кастовой» структуре, российской элиты, ее закрытости для «талантливых и образованных женщин» (5). Обращаясь к региональному опыту, эксперты утверждают, что в России практически отсутствуют регионы, где женщины играли бы серьезную политическую роль[1]*. Лишь один из 83 регионов в РФ (Санкт-Петербург) возглавляет женщина – В. Матвиенко. Во всех органах власти и на всех ее уровнях в России, считает Е. Кочкина, действует закон «гендерной властной пирамиды», в соответствии с которым на ключевые посты назначаются исключительно мужчины (6, с. 492). Этот вывод, справедливый для рубежа 1990–2000 гг., не совсем правомерен для современной России. В последние годы в российских регионах женщины стали активно продвигаться в исполнительную власть, где им удается завоевать новые позиции. Все больше женщин избираются в органы местного самоуправления. Однако средний показатель представительства женщин в региональных парламентах за последние годы остался практически без изменения на уровне*
8–10% депутатского корпуса[2]*.*

Материалы интервью позволяют судить о том, как происходит кадровый рост женщин в региональной власти. Можно выделить две основные модели продвижения женщин в российской власти: ***модель постепенного роста и модель парашютирования****. Первая модель* – модель постепенного

1. К таким регионам О. Гаман-Голутвина относит Санкт-Петербург, что, на ее взгляд, свидетельствует о доминировании в регионе «модернизационной модели политической культуры» (2, с. 63).

2. В 1990-е годы этот показатель был равен 9% (6, с. 495).

роста *реализуется, как в исполнительной, так и в законодательной (представительной) власти. Внутри исполнительной власти она предполагает постепенное завоевание зон влияния за счет профессионализма и эффективности управленческих шагов. Условием ее осуществления является успешный и длительный опыт работы внутри структур исполнительной власти. Претендентки, продвигающиеся в рамках модели постепенного роста, как правило, зависимы от выбора лидера и не проявляют карьерного рвения даже при наличии выраженных профессиональных достижений. Инициатива со стороны вышестоящих руководителей никогда не бывает случайной, а решение о высоком назначении должно быть «заработано» всей предшествующей деятельностью. «*Каждое мое новое перемещение по горизонтали или вертикали всегда следовало за инициативным предложением извне. Я в принципе ведомая. Но на пустом месте предложения не поступают. На протяжении всей жизни я начинала не с руководящей должности, а потом постепенно до нее дорастала. Каждый раз я несамостоятельно отыскивала себе следующую ступеньку*», – говорит в своем интервью вице-мэр крупного города.*

Эта модель также может реализоваться внутри законодательной власти. В этом случае карьера делается постепенно – «step by step». Вот как свой путь в представительную власть описывает заместитель председателя Городской думы: «Я пришла в Думу в 2001 году. До этого девять лет возглавляла Центр социального обслуживания населения Советского района. Поначалу в Центре не было ничего – ни людей, ни помещения, а проблемы были непростые. Эти годы меня настолько закалили, что потом я уже могла решать любые человеческие проблемы. Когда мне предложили баллотироваться в Думу, то я отказывалась до последнего дня, пока мне не сказали, что это надо. Отказы с моей стороны не принимались».

Вторая модель – модель парашютирования *построена на привлечении кандидатов на высокий пост в исполнительной власти извне. Она предполагает наличие у претенденток значительного социального капитала в виде связей и знакомств, а также опыта управления или общественного признания.*

В отличие от модели постепенного роста, эта модель отличается скоростью реализации. Опыт показывает, что условием парашютирования на высокую должность являются доверительные отношения с первыми лицами. Именно так на министерские посты в российском правительстве были назначены женщины, хорошо знакомые президенту Д. Медведеву по совместной работе над Национальными проектами. Аналогичная ситуация складывается в российских регионах. В Пермском крае губернатор О. Чиркунов назначил на министерские посты женщин, известных ему по совместной работе в коммерческих структурах. В современной России парашютирова-

ние в исполнительную власть из бизнеса достаточно распространено. В Пермском крае основную роль сыграл тот факт, что губернатор сделал карьеру в бизнесе. Коллег, хорошо зарекомендовавших себя по предыдущей работе, он пригласил работать во власть, невзирая на то, что они не имели опыта работы во властных структурах. «Я попала во власть совершенно случайно, – *делится своим опытом министр правительства Пермского края.* – Не хотела. Всегда считала, что это грязное дело, всегда держалась от власти на дистанции. Госслужба никогда не была моей целью. Так сложилось. Я работала в компании "ЭКС" топ-менеджером[3] и получила от нынешнего губернатора предложение занять министерский пост».

*Анализ материалов интервью свидетельствует о том, что в России, во-первых, попадание женщин во власть остается достаточно случайным и, во-вторых, карьерный рост является не результатом целенаправленных усилий самих женщин, а следствием решения, принятого руководителем, чаще всего мужчиной. Зависимость карьерного роста во власти от руководителя настолько велика, что собственные интенции женщин просто часто не берутся в расчет. Приведем выдержку из интервью, в котором участница исследования рассказала о своем назначении на должность регионального министра: «*Меня просто не спросили, когда назначали на должность. Я не могла обмануть ожидания премьера правительства, которого уважаю. Мне было очень комфортно на моем старом месте, где я работала руководителем агентства. В любом случае я премьеру никогда в жизни не сказала бы нет».

Для женщин важным является не только авторитет руководителя, но и внутреннее понимание тех функций, которые ей предстоит исполнять в новой должности. Женщины, добившиеся успеха в рамках модели постепенного роста, чаще говорили о решающей роли профессиональных качеств. Нельзя при этом забывать об их персональных качествах и полученном образовании. Российские регионы на протяжении двух последних десятилетий живут в состоянии неопределенности, а это, в свою очередь, предъявляет повышенные требования к прогнозным навыкам руководителя. Материалы исследования свидетельствуют, что те женщины-руководители, которые не обладают сильным характером, профессиональным любопытством и склонностью к решению трудных задач, не могут удержаться во власти, даже если им удалось на какое-то время подняться на высокую ступеньку во властной иерархии.

В России сложно говорить о преобладании определенной модели продвижения во власть. Тем не менее выделим три принципиальные момента:

3. В 1990-е годы группа предприятий «ЭКС» была создана О. Чиркуновым, тогда известным пермским бизнесменом.

1. На сегодняшний день в нашей стране ***преобладает бюрократический путь наверх****, идет ли речь о постепенном выращивании кандидатов на высокие посты внутри бюрократических структур или кооптации в них. Результатом такой политики, как отмечают многие исследователи, в России 2000-х годов стало усиление позиций бюрократического сегмента элиты (3; 4).*

2. Одной из наиболее характерных особенностей России является переход во власть представителей бизнеса, что относится и к женщинам. В ближайшем будущем эта тенденция, скорее всего, получит дальнейшее развитие, поскольку продвижение успешных кадров из бизнеса во властные структуры рассматривается нынешним российским руководством как способ решить проблему дефицита кадров.

3. Партии в России не превратились в эффективный социальный лифт. В нашем исследовании эта особенность выявилась особенно ярко, хотя бы потому, что основным объектом нашего изучения являлись представители исполнительной ветви власти, которая не формируется по политическому принципу. В перспективе эта ситуация может измениться, так как властью предпринимаются усилия, направленные на превращение партий в каналы вертикальной мобильности. Именно так следует рассматривать новый порядок выдвижения на губернаторский пост кандидатов от партии, одержавшей победу на региональных выборах, а также создание «Единой Россией» собственного кадрового резерва.

Мотивация женщин во власти

Размышляя о том, что послужило толчком для карьерного роста, российские женщины в своих интервью, как правило, говорят об отсутствии стремления сделать карьеру. При этом они особо подчеркивают важность самореализации и сознание того, что им удалось осуществить поставленные задачи. Мотивация достижений у женщин во власти ярко выражена. Можно доверять или не доверять высказанным мнениям респонденток. Но нельзя не согласиться с тем, что при попытке описать свой собственный «мир внутренних побудителей» они опираются, прежде всего, на «мотивацию самореализации», оставляя далеко позади материальные мотивы и мотивы личной выгоды, которые, кстати, далеко не всегда осознаются.

Какая внутренняя мотивация заставляет женщин напряженно работать? Что такое власть для женщин как сфера деятельности, если они согласны ради сохранения себя во власти жертвовать семейными обязанностями, а иногда и личным счастьем? Попытаемся найти ответы на эти вопросы, проанализировав мотивационную структуру женщин, занимающих

высокие посты в российской исполнительной и законодательной власти городского и регионального уровней.

Исполнительная власть. *Перечисляемые женщинами в ходе интервью мотивы можно условно разбить на несколько групп. Первый и основной мотив – самореализация, достижительность в решении определенных задач, желание добиться определенного успеха. Второй – интерес к работе. Третий, не менее важный мотив, – доказать первому лицу, что его выбор при назначении на руководящую должность был правильным. И лишь потом женщины упоминают о мотивах материального преуспевания и достижения высокого социального статуса. Но нельзя также исключить, что респондентки не желают обсуждать эти сюжеты в интервью.*

*Лидирующие позиции в устремлениях женщин занимают мотивы самореализации и профессионального интереса. По мнению опрашиваемых, власть предоставляет уникальные возможности для самореализации, которую трудно достичь, даже занимаясь бизнесом: «*Такой самореализации, какую можно достичь во власти, в бизнесе достичь намного сложнее. Главное, что меня мотивирует во власти – колоссальнейшая сложность любой задачи*».*

Поддерживает профессиональный интерес у женщин не только чрезвычайная сложность решаемых задач, но и необходимость их креативного решения. Креативность как ресурс повседневной управленческой деятельности выгодно противостоит рутинизации, которая нередко сопровождает работу в других сферах деятельности. Власть же, как это ни парадоксально, предоставляет возможность решения творческих задач чрезвычайной сложности. «Мое попадание во власть является достаточно случайным. На третьем курсе учебы в институте меня взяли на работу в Пермский финансово-юридический колледж. В октябре 2001 года мне предложили поработать юристом в комитете социальной защиты. Я согласилась, потому что на старом месте мне было скучно. Я хотела реализовать себя, я хотела делать то, что трудно, но обязательно добиться результата», – *вспоминает свой приход во власть вице-премьер правительства Пермского края.*

Ориентация на результат является определяющей для многих из наших респонденток. Именно поэтому они согласны брать на себя сверхзадачи, лишь бы дело, которым они занимаются, двигалось вперед: «Для меня в работе важно чувство под названием: “Я это сделала”. Я хочу видеть результат. Я должна все время видеть, что цели реализуются, проект продвигается», – *подчеркивает высокопоставленная респондентка.*

Важное место в мотивационной структуре женщин занимает желание доказать вышестоящему руководителю, назначившему женщину на должность, что она оправдала его доверие. Может быть, именно поэтому женщины так развернуты на оценки своей деятельности первыми лицами.

«Сейчас женщин прибавилось во власти, но им очень трудно. Им совсем не хочется сдаваться. Хочется доказать, особенно губернатору, что женщины могут делать свою работу не хуже других», – *считает одна из респонденток.*

*Не вызывает сомнений, что помимо мотивов самореализации и профессионального интереса, важную роль играет материальная мотивация, о которой в интервью женщины упоминали нечасто. Думается, не следует недооценивать значение величины заработной платы и гарантий занятости, особенно когда достойная зарплата дополняется уважением и пониманием со стороны вышестоящего руководителя. «*Зарплата у нас хорошая. В два-три раза выше средней. В Москве в федеральных структурах больше получают, но мы не обижаемся». *Высокий уровень оплаты труда нередко служит женщинам дополнительным толчком для карьерного роста, хотя бы ради того, чтобы создать «подушку безопасности» от возможных потрясений в семейной жизни.* «Я долго прожила в этом городе и знаю, что женщины во власти стремятся расти не из амбиций. Они реальные люди, ходят по земле и знают, что к 40 годам неразведенных семей остается очень мало. Женщине лучше самой пробиваться в жизни. Сегодня так думают немало женщин во власти», – *убеждена советник вице-губернатора.*

*Среди материальных мотивов важное место занимают гарантии занятости, которые предоставляет государственная служба. Многие из женщин говорят о том, что гарантии очень важны для них, и они не хотели бы рисковать ими ни при каких условиях. Тем более что женщинам нередко приходится нести ответственность за своих близких. «*Гарантии, которые дает власть, очень важны. Маме надо ежемесячно покупать лекарства, нужно оказывать помощь сестре, она учительница, мало зарабатывает. Я не могу позволить себе рисковать. Поэтому продолжаю работать во власти с бешеными нагрузками», – *говорит одна из респонденток.*

Законодательная власть. *Структура мотивов женщин-депутатов в законодательной (представительной) власти региона и города близка к мотивации женщин, работающих в исполнительной власти. В этом случае женщины особо подчеркивают возможность иной самореализации, чем на основном месте работы, например в бизнесе. Важное значение для них имеет перспектива расширить свой социальный капитал – познакомиться с большим числом интересных людей. Дополнительным мотивом выступает возможность помочь нуждающимся людям. Как и в случае с исполнительной властью, мотивация участия женщин в законодательной власти носит множественный характер и нацелена не на получение привилегий, а на помощь региону и городу в решении насущных проблем.*

В мотивации женщин, находящихся в законодательной власти, есть свои особенности: женщины-депутаты часто говорят о возможности реализовать обещания, сформулированные в ходе предвыборной кампании, а

*также о стремлении оказать помощь своим избирателям. Депутаты-женщины чаще всего лично ведут свою кампанию, «*знают своих избирателей в лицо*», а став депутатами, по их собственным словам, работают с избирателями напрямую, что отличает их от мужчин.*

*Несмотря на акцентирование альтруистической мотивации, некоторые из депутатов-женщин все же признают: законодательная власть дает им возможности для реализации собственного бизнес-проекта. При этом они настаивают на том, что достижение прагматических целей – второстепенная, а не основная мотивация, поддерживающая интерес к работе во власти. «*У меня есть в задумке мегапроект. Он связан с построением центра бизнес-образования. Для этого надо наладить контакты с властью, надо сделаться публичным человеком, тогда и спонсоры появятся. Не скрою, что прагматический мотив присутствовал, когда я сюда избиралась. Но когда начала работать, поняла – депутатская деятельность мне нравится сама по себе, безотносительно к моим бизнес-задачам».

Другим важным мотивом прихода женщин в законодательную власть служит желание помочь отрасли или учреждениям, которые они возглавляют. Для этого они объединяются с другими представителями отрасли, чтобы продвинуть отраслевые интересы при утверждении бюджета. «Я пошла во власть, потому что в городскую Думу избирались еще три главных врача.

Я подумала, что вместе мы сможем отстаивать интересы медицины. Если честно, то мне просто интересно. Сегодня нельзя замыкаться внутри своего учреждения, если хочешь двигаться вперед», – *убеждена депутат Тамбовской городской думы*.

Анализ интервью позволяет заключить, что женщины, оценивая собственные мотивы попадания во власть, в первую очередь, говорят о стремлении реализовать себя и ведущей роли профессионального интереса. Ориентированность женщин на результат, высокая мотивация достижений свидетельствуют о том, что женщина как руководитель на высоких постах во властной иерархии имеет все необходимые личностные ресурсы для достижения поставленных целей.

Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве мотива деятельности российских женщин часто выступает желание оправдать доверие лидера. Выраженность данного мотива свидетельствует, во-первых, о том, что в российской власти женщины остаются сильно зависимы от мужчин и, во-вторых, что власть в России – это сфера не только формальных, но и межличностных отношений, где человеческое приятие и эмоциональное взаимодействие являются важными составляющими. А это, в свою очередь, может как способствовать, так и препятствовать реализации важных решений. Ориентация женщин-руководителей на лидера подтвер-

ждает, что они являются системными игроками внутри управленческих команд, готовыми, несмотря ни на что, отстаивать внутригрупповые интересы.

Полученная в процессе анализа интервью картина мотивационной структуры женщин-руководителей в известной степени идеализирована. Скрытые мотивы, прежде всего связанные с материальными интересами или интересами продвижения собственного бизнеса, зачастую респондентками либо не озвучивались, либо озвучивались в усеченном варианте. А, следовательно, о них можно только догадываться. Тем более что из исследований, посвященных российской власти, хорошо известно, что в современной России власть и бизнес тесно взаимосвязаны, а доступ к власти открывает большие возможности для личного обогащения (7; 8). Но нельзя и утверждать обратное, а именно что респондентки постоянно искажали свои побудительные мотивы. Истина, надо полагать, находится где-то посередине.

Еще одна важная особенность мотивации российских политиков, включая женщин, вытекает из слабости политических институтов. На сегодняшний день российская власть не формируется по политическому принципу, а партии не являются политическими институтами в полном смысле этого слова, как на Западе, где они имеют свою идеологию и общественно-политический проект, который стремятся осуществить в случае прихода к власти. Именно поэтому отличительной чертой мотивационной структуры российских представителей власти (за исключением некоторых депутатов, олицетворяющих демократическую волну конца 1980-х – начала 1990-х годов), является отсутствие собственно политической составляющей. Безусловно – это не приговор российским политикам. Но политическая мотивация может сформироваться только в процессе реальной политической деятельности. В перспективе, если в России возникнут подлинные политические партии, развернется реальная политическая конкуренция, у действующих фигур российской политики сформируется реальная политическая мотивация, которая, возможно, послужит основой для политических преобразований.

Таким образом, в целом, если ориентироваться на материалы интервью, можно говорить о неком сложившемся внутреннем мотивационном балансе у женщин-руководителей, где ведущая роль самими женщинами отдается собственно профессиональным мотивам, а второстепенные позиции – инструментальным. Перевес инструментальных мотивов над профессиональными, или наоборот, у представителей власти вполне возможен. Однако это может быть следствием ситуационных воздействий, а не базовым элементом мотивационной структуры женщины-руководителя. Скажем, в условиях кризиса нельзя исключить, что для некоторых женщин резко упадет

мотивирующая роль профессионального интереса и возрастет роль инструментальной составляющей.

Барьеры на пути продвижения женщин во власть

Анализируя препятствия на пути продвижения женщин во власть, российские исследователи делают упор на сохранении культурных и гендерных стереотипов в обществе и социально-психологических ограничителях, свойственных самим женщинам и мешающих им делать карьеру. Насколько сложившиеся представления соответствуют реальным практикам? Что по этому поводу думают сами женщины? Хотят ли они занимать во власти самые высокие позиции?

Проведенный нами анализ позволяет говорить о том, что выявленные в более ранних исследованиях, в том числе в наших собственных, представления о том, что именно провоцирует закрытость властных структур для женщин-руководителей, должны быть, с одной стороны, расширены, с другой – переосмыслены под влиянием перемен, происходящих в структурах современной российской власти. Барьеры попадания во власть могут как различаться, так и совпадать, если речь идет о двух уровнях власти: представительной и исполнительной.

Законодательная власть. *Если следовать материалам интервью, в России наиболее серьезными препятствиями для женщин при избрании в органы региональной законодательной власти являются:*

– высокий уровень конкуренции;

– слабое представительство женщин в бизнес-элите региона;

– несформированность каналов продвижения женщин в законодательную власть;

– социокультурные стереотипы электорального поведения избирателей;

– слабая активность самих женщин.

*Самым серьезным барьером для продвижения женщин в законодательную власть областного уровня, по мнению женщин-депутатов и экспертов, является конкуренция со стороны мужчин, занятых бизнесом и располагающих серьезными финансовыми ресурсами. Вот что по этому поводу думает одна из наших респонденток, работающая в аппарате регионального парламента: «*Следует понимать, что Законодательное собрание – это конкурентная среда, клуб влиятельных людей. Здесь решаются многие вопросы помимо законодательных. Совершаются сделки, рождаются взаимно интересные бизнес-проекты. Более слабых игроков сюда не пустят, они просто никому не интересны». *Обоснованность подобной позиции подтверждается тем, что в 2000-е годы социальный состав законодательных собраний в России существенно изменился: их покинули представители социальной сферы*

*(врачи, учителя, социальные работники), а их места заняли представители бизнеса, составляющие на сегодняшний день от 65 до 85% депутатов. Складывается ситуация, при которой законодательная власть отражает структуру бизнес-элиты региона. А из этого следует, что пока женщины не станут значимыми экономическими акторами регионального уровня, продвинуться в областную законодательную власть им будет достаточно трудно. Это мнение разделяет тамбовский эксперт В. Пеньков: «*Зная структуру малого и среднего бизнеса, могу сказать, что пока не будет активного прихода женщин в бизнес, у них не появится рычагов политического влияния. Спонтанного прихода женщин в политику вряд ли стоит ожидать».

Вместе с тем сдвиги уже происходят: женщины присутствуют и в бизнесе, и в политике, правда, пока в небольших городах, где уровень конкуренции невысок. Распространится ли этот процесс в перспективе на областные столицы, а вслед за ними и на региональные парламенты, покажет время: «Мне кажется, что сегодня процесс вхождения женщин в бизнес и власть уже начался. Возьмем председателей и заместителей городских советов. Среди председателей районных советов женщин появилось достаточно много, однако их статус невелик. Их туда пустили только потому, что это неконкурентная ниша для мужчин», – *убежден профессор Тамбовского государственного университета Д. Сельцер.*

Не менее важным фактором для России выступает сниженная политическая активность самих женщин, на чем настаивает Н. Баяндина, руководитель департамента взаимодействия со СМИ Законодательного собрания Пермского края: «Женщины сами не проявляют должной активности. Нет заметных активных женщин в регионе. Пермский край – промышленный регион, во главе всех важных предприятий всегда были мужчины. С появлением бизнеса эта традиция стала постепенно размываться, но все равно сильна. Женщины еще не показали и не доказали элите, что они могут быть достойными игроками, в том числе в политике».

Сниженное представительство женщин в областной законодательной власти нередко объясняется гендерными стереотипами избирателей, в том числе женщин, которые не готовы голосовать за женщин-политиков. Нежелание допускать женщин во власть со стороны электората некоторые из экспертов склонны интерпретировать завистью к чужим успехам и ментальными ограничениями женщин-избирательниц.

Серьезным препятствием на пути продвижения женщин в политику и власть является ограниченность каналов рекрутирования в законодательную власть. До сих пор не работают партийные каналы, хотя сами партии, и особенно «партия власти» «Единая Россия», претендуют на статус «элитных инкубаторов». Слабым остается такой канал, как общественные организации. Не сформировался механизм привлечения в законодательную

*власть региона женщин, имеющих опыт работы в городской думе. Почему так происходит? По мнению респонденток, партии и общественные движения пока не занимаются выращиванием женщин-лидеров. «*Свою задачу выращивания лидеров и продвижение их во власть женские общественные объединения не выполняют. Я не вижу у них такой цели. У нас в 1990-е годы были слышимые организации, они занимались на местном уровне решением социальных проблем. Но задач "выращивания" своих лидеров перед собой не ставили. "Выращивание" женского движения – это очень серьезная проблема, у нас нет молодых лидеров», *– считает Т. Марголина, уполномоченный по правам человека в Пермском крае. Аналогичные оценки звучат в адрес политических партий. Участники исследования отмечают, что женщины привлекаются партиями, как правило, на этапе проведения предвыборной кампании, но потом по неизвестным причинам в финал гонки не попадают.*

Можно предположить, что со временем партийные и общественные организации начнут выполнять функцию социальных лифтов. Тем более, что уже сегодня есть случаи продвижения во власть при поддержке партий. «Партийный ресурс становится все более значимым, поэтому многие женщины вступают сегодня в партии. Легче всего женщине продвинуться в рамках демократической партии. В ЕР или ЛДПР другие принципы, хотя у них сегодня больше женщин избрано в Государственную думу. Женщинам в партии непросто. Например, у нас в Перми у истоков создания ЕР была одна активная женщина, но руководство партии ее сейчас постепенно задвигает*», – говорит одна из респонденток. Некоторые участницы исследования не скрывают, что для них работа в партийных структурах может стать «запасным аэродромом» в случае провала на выборах.*

В будущем, чтобы партии стали более открытыми для женщин, необходимо более жестко регулировать их деятельность, утверждают некоторые эксперты. «Надо создавать жесткие законодательные условия для политических партий, которые могли бы стать реальным механизмом. Ведь когда происходит формирование первой десятки списка кандидатов от партии, женщины практически не бывают представлены. Движение в партию бизнеса сметает на своем пути женщин, впрочем, как и мужчин из бюджетной сферы, которые не обладают нужными ресурсами. Требуется формулировка более четких условий попадания женщин во власть», *– убеждена цитировавшаяся выше Т. Марголина. Однако следует признать, что в условиях России вторжение государства в деятельность партий и некоммерческих организаций уже сегодня превратилось в серьезную проблему. А, следовательно, дополнительное регулирование их деятельности вряд ли может рассматриваться как рецепт для вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь.*

О необходимости принятия законодательства, обеспечивающего равный доступ мужчин и женщин к выборным должностям, говорили и другие

участники исследования. Но при этом у респондентов не сложилось общее представление о мерах, которые могли бы быть приняты. Опрошенные женщины-политики и эксперты в большинстве своем не являются сторонниками законодательного введения квот. Некоторые даже считают, что на практике эта мера может привести к ухудшению качественного состава Законодательного собрания. «Есть возможность увеличения женщин в партийных списках, но для этого не избежать квотирования. Это могут быть внутренние партийные директивы. Но при формальном квотировании качественный состав депутатов будет явно страдать. Поэтому я против…*», – высказывает свое мнение один из экспертов-мужчин.*

*Серьезным препятствием на пути продвижения женщин на более высокие позиции во власти является отсутствие в современной России механизма выдвижения в областную власть политиков, сделавших карьеру на низовом, в частности, городском уровне. В результате женщины, имеющие опыт политической деятельности на городском уровне, не могут перейти на уровень областной власти. Возникает логичный вопрос: почему это происходит? Эксперты полагают, что для подобного перехода женщинам не хватает инициативы. Но сами женщины-депутаты городской думы подчеркивают, что областная дума – «*это клуб богатых людей», *куда путь для них закрыт.*

*В целом в российских регионах наиболее трудно достижимыми для женщин остаются кресла в областном парламенте. Достаточно сказать, что всего по одному депутату-женщине заседает в региональном парламенте Тамбовской области и Пермского края. Городская представительная власть для женщин более открыта. Наше исследование выявило большую внутреннюю готовность женщин работать именно на этом уровне власти. Одни участницы исследования объясняют это «*трезвой оценкой своих возможностей*», другие – хорошим знанием городской среды и повседневных проблем, с которыми сталкиваются жители. Применительно к женщинам, пришедшим в городскую представительную власть из бизнеса, действует прагматический интерес: именно городской уровень власти обеспечивает им должный уровень защиты, ведь чаще всего женщины представляют малый и средний бизнес.*

Исполнительная власть. *Женщины из исполнительной власти также признают, что существуют барьеры, мешающие их приходу в высшую исполнительную власть региона и города. Прежде всего – это косность властных институтов, в которых вышестоящие начальники не всегда благоволят к женскому руководству.*

Как и в случае с представительной властью, в исполнительной власти не сформировался механизм продвижения кадров с городского на региональный

уровень. Удивляться этому не приходится: в постсоветский период в российских регионах не утихало жесткое противостояние между губернаторами и мэрами областных столиц, нередко носившее персонифицированный характер. В этой ситуации сложно представить, чтобы областная власть «открыла двери» для лиц из конкурирующей команды. Сложившаяся ситуация крайне негативно сказывается на кадровом потенциале, поскольку наиболее деловые, агрессивные и продвинутые претенденты, не видя для себя перспектив в регионе, уезжают работать в Москву или занимают свои ниши в бизнесе.

*Среди других препятствий, на которые указывают женщины, фигурирует и предвзятое отношение мужчин к женскому руководству. Одна из респонденток в этой связи говорит о желательности «*формировать женские сети поддержки». *Однако эксперты, отвергая версию о «заговоре мужчин», подчеркивают неумение женщин договориться друг с другом и болезненное восприятие успеха своих соратниц, которых они сами воспринимают как соперниц: «*Женщинам труднее договориться между собой. Женщины чужой успех воспринимают как собственную неудачу*». А. Пучнин, председатель избиркома Тамбовской области, акцентирует роль институциональных факторов:* «Не существует заговора, согласно которому мужчины не хотят женщин пускать во власть. Может быть, он был когда-то, но сейчас его нет, сейчас площадка открыта. Единственное чего нет – это системы продвижения женщин во власть, нет квотирования. Я против него. Должен действовать естественный отбор, в котором женщины вполне способны выигрывать».

Какие бы внешние барьеры продвижения женщин во власть мы ни анализировали, открытым остается вопрос: каких высот во власти хотели бы достичь те женщины, которые уже занимают руководящие позиции? И хотели бы они оказаться на более высоких ступенях властной иерархии? Исследование позволяет говорить о том, что женщины скорее ориентированы на то, чтобы сохранять свои позиции во власти*, чем добиваться еще большего. Объяснение тому простое: слишком высоки нагрузки и широк масштаб деятельности. Нередко участницы исследования ссылались на недостаток опыта, который тормозит их карьерные амбиции. «*Я сегодня вице-премьер, до этого работала министром социального развития. Но если бы меня спросили, хочу ли я быть губернатором, то ответила бы “нет”. Потому что надо уметь рассчитывать силы по дистанции. Сейчас я в себе таких сил не чувствую*», – говорит одна из наших респонденток. Характерно, что наибольшие сомнения у женщин вызывает пост губернатора, требующий огромного напряжения физических и моральных сил, которые, как думают женщины, у них отсутствуют. Кроме того, женщины честно признаются: жизнь работой не ограничивается, в ней есть много другого. «*Губернатором лучше пусть будет мужчина. Нагрузка очень высока. У женщины есть чисто

физические ограничения для занятия самой высшей позиции. Это может выдержать только тренированный мужчина, да и то не любой. Мне это не надо. Кроме карьеры надо сохранять здоровье. Есть и другие интересы, которые не менее важны, чем работа. Надо уметь сохранять внутреннюю гармоничность, жизнь на работе не замыкается», – *аргументирует свою позицию высокопоставленный руководитель.*

Некоторые из них называют работу во власти жертвенностью и не хотят изменять своему личностному началу: «Мне трудно планировать будущее. Но любая ступенька вверх – это обязательно жертва. Своей личной жизнью. Своим пространством. Своими привязанностями. Это всегда выбор. Хотя если я захочу, мне не будет особых препятствий на нашем региональном уровне. Сегодня мне достаточен тот уровень, который у меня есть», – *считает одна из наших респонденток. Другая статусная чиновница не может дать рационального объяснения своему нежеланию расти выше министерской позиции, честно признаваясь, что не хочет этого:* «Мне кажется, что у меня есть определенный предел моих возможностей. Не хочу и все».

Выводы

Завоевания женщинами высших постов на всех уровнях власти становится заметным явлением политической жизни России. Сегодня женщины берут карьерные рубежи, которые еще 15–20 лет назад были доступны исключительно мужчинам. Однако феминизация российской политической элиты происходит преимущественно сверху. Женское движение в нашей стране, как и другие гражданские инициативы, слабо и не имеет политического влияния. Гендерные исследования востребованы внутри узкого сообщества, а их результаты, как правило, не становятся достоянием общественности. Ни «открытие» политической системы в 1990-е и децентрализация, ни «вертикализация власти» в 2000-е годы не сформировали в социуме ощутимого запроса на женское лидерство.

Сохраняются барьеры на пути продвижения женщин в политику и власть. При этом общество и власть продолжают не замечать существующие проблемы в этой сфере и не делают осознанных шагов по их решению. Слабо работающими остаются партийные каналы продвижения женщин во власть. Доминируют неформальные практики и закулисные согласования, в результате которых женщины не попадают в число финалистов на региональных выборах. Наряду с внешними сильны внутренние ограничения на пути продвижения женщин во власти. Они связаны с воспитанием, предписывающим традиционные женские нормы поведения; заниженной самооценкой женщин; завышенным страхом не справиться с поставленными задачами; незаинтересованностью женщин в собственном карьерном

росте. Несомненно потребуется время, чтобы воспитать поколение женщин, более уверенных в себе, а главное – самодостаточных. Но если на Западе над этими проблемами размышляют политики и интеллектуалы, ими озабочено общество, то в России новый тип женщины формируется стихийно преимущественно в бизнес-среде.

Российские женщины делают свою карьеру в большей степени случайно, не проявляя выраженной готовности бороться за свое место «под солнцем». Отсутствие институциональных условий, гарантирующих женщинам представительство в законодательной власти, приводит к тому, что именно эта ветвь власти является наиболее закрытой для женщин. Однако сами женщины, как и российское общество в целом, не воспринимают сложившуюся ситуацию как недопустимую. Опрос, проведенный организацией «World Public-Opinion.org» (2008), показал, что в России лишь треть населения (35%) считают очень важным, чтобы женщины имели права полностью равные с мужчинами, а 17% полагают, что это не слишком важно (1, с. 234). В известной степени именно поэтому российским женщинам пока не удалось переломить ситуацию и повысить уровень своего представительства в структурах власти.

И при Б. Ельцине, и при В. Путине женщины в большой политике оставались маргиналами. Тем не менее сегодня в этой области намечаются сдвиги, и происходит это прежде всего благодаря переменам внутри самой власти. Присутствие женщин в правительстве одни эксперты рассматривают как элемент современного политического дизайна, символический жест российской власти в сторону мирового сообщества, другие – как искреннее стремление обновить политическую элиту и способствовать продвижению во власть новых кадров. Говорить об устойчивой тенденции пока рано. Речь идет о «точечных назначениях», решения о которых принимаются на уровне федеральной или региональной власти. Главное состоит в другом: в России до сих пор отсутствуют институциональные условия соблюдения гендерного паритета при формировании выборных органов или назначении на государственные посты.

Анализ мотивации женщин, работающих на высших руководящих постах в региональной власти, несмотря на все ограничения метода исследования, позволяет убедиться в том, что женщины во власти менее прагматичны, профессионально-ориентированы и пытаются достичь высоких результатов в своей деятельности, чтобы доказать команде, что они умеют работать не хуже мужчин. Мотивация достижения, в противовес выгоде, является для них мощным мотивационным стимулом. Однако не следует слишком идеализировать ситуацию. Несмотря на выраженность профессиональной мотивации и мотивации достижения, женщина на руководящем посту во власти никогда не будет действовать в ущерб своему

карьерному росту и сделает все возможное, чтобы защитить себя от карьерного падения. Однажды покорив вершину власти, они не хотят с ней расставаться. Не следует забывать, что у женщин-депутатов нередко ведущими являются скрытые коммерческие мотивы или мотивы защиты организаций, которыми они руководят. В современной России доступ к власти открывает большие возможности для личного обогащения, что вряд ли стоит забывать (7; 8). Гендерные различия, как бы существенны они ни были, не могут кардинально трансформировать исходные мотивационные установки, поэтому и мужчины, и женщины во власти остаются проводниками тех норм, которые там уже сложились.

В политологической литературе широко распространена точка зрения, что вступление женщин в политику и власть способствует демократизации общества (1, с. 8). Применительно к западному обществу этот тезис вполне обоснован, поскольку в странах с развитой демократией на ведущие позиции во власти продвигаются женщины, представляющие гражданское общество. В России складывается иная ситуация. В исполнительную власть на высокие посты назначаются женщины, хорошо знакомые первым лицам и лояльные им, многие женщины фактически «назначаются» депутатами. Могут ли подобранные по этому принципу кадры способствовать демократизации российской политической системы? Думается, нет. Пока российские элиты формируются в соответствии с бюрократической логикой, они будут реализовывать исключительно охранительные функции.

Литература

1. Айвазова С. Российские выборы: гендерное прочтение. – М.: ОАО «Московские учебники и картолитография», 2008.

2. Гаман-Голутвина О. Региональные элиты России: Персональный состав и тенденции эволюции. – В кн.: Самые влиятельные люди России, 2003. – М.: Ин-т ситуационного анализа и новых технологий, 2004. – С. 36–83.

3. Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2007.

4. Гаман-Голутвина О. Российская элита в годы президентства В. Путина // Два президентских срока В.В. Путина: динамика перемен. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 72–96.

5. Канакьянова Р. Современные тенденции преодоления гендерной асимметрии в государственном управлении // Власть. – М., 2006. – № 12.

6. Кочкина Е. Политическая система преимуществ для граждан мужского пола в России, 1917–2002 гг. – В кн.: Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Степано-
ва Н., Кочкина Е. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 477–523.

7. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005.

8. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. Дуки А.В. – СПб.: Алетейя, 2001.

9. Чирикова А., Лапина Н. Женщина на высших этажах власти: российские практики и французский опыт: Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2009.

Г.Л. Воронин

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: КОРРЕЛЯЦИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ

Воронин Геннадий Леонидович – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе Института социологии РАН.

В процессе изучения социума согласование объективных и субъективных показателей его состояния на уровне теоретической социологии воспринимается как аксиома, но вопрос о характере этой взаимосвязи остается открытым и достаточно редко попадает в поле зрения эмпирической социологии. При этом данные, характеризующие те или иные стороны общественного благополучия, взяты из различных источников. В качестве объективных показателей использованы статистические данные (http://www.gks.ru/), а в качестве субъективных – результаты социологического исследования (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения – РМЭЗ, проводившийся практически ежегодно с 1992 по 2007 г. и охватывавший 10–12 тыс. человек)[1].

Прежде всего, дадим необходимые пояснения к понятию «общественное благополучие». В документах Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС) все настойчивее ставится вопрос о необходимости перехода от измерения социального капитала к измерению общественного благополучия.

1. РМЭЗ представляет собой серию общенациональных репрезентативных опросов, проводящихся в Российской Федерации с 1992 г. по вероятностной, стратифицированной, многоступенчатой территориальной выборке репрезентативной на федеральном уровне. Мониторинг проводят Институт социологии РАН, Исследовательский центр «Демоскоп», ГУ – Высшая школа экономики и Университет Северной Каролины в Чепел Хилле (США).

В практике международных организаций проблема измерения последнего получила свое отражение. В частности, существующие индексы, такие как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), индекс человеческого развития (ИЧР) и другие, фиксируют определенные параметры общественного благополучия, но прежде всего как экономический компонент. Задача состоит в том, чтобы измерить общественное благополучие социологическими

методами, имея в виду такие его параметры как сеть социальных связей, активная гражданская позиция, чувство гражданской сопричастности, добрососедство, знания и навыки, социальное самочувствие и др. Другими словами, сложность задачи заключается в том, чтобы научиться измерять «человечное[2] в обществе». Как указано в документе ЭКОСОС «От измерения социального капитала к измерению общественного благополучия: некоторые исходные соображения Соединенного Королевства»: «Мы (Управление национальной статистики Соединенного Королевства. – Г.В.*) воспринимаем это понятие как благополучие общества в целом, включая такие факторы, как экономическое благополучие, состояние здоровья нации, размер человеческого капитала и т.д.»[3].*

Большой вклад в популяризацию темы «капиталов» внесли как зарубежные (П. Бурдье, Дж. Коулман, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма, К. Эрроу и др.), так и отечественные ученые (Н.П. Иванов, Р.И. Капелюшников, П.М. Козырева, В.В. Радаев, Н.Е. Тихонова, Е.А. Уваров и др.). Что касается «социального капитала», то это направление в социологии остается активно востребованным. Его значимость состоит в том, что социальный капитал тесно связан с показателями общественного благополучия. Понятно, что эффективная реализация социального капитала в современной России является обязательным условием преодоления всех видов кризисов. Прежде всего, речь идет о социальном кризисе или кризисе социальных отношений. Содержательная сторона понятия «социальный капитал» находится в стадии теоретико-методологического осмысления на протяжении уже нескольких десятилетий, что же касается его социологической интерпретации, то здесь имеет место разнообразие точек зрения. Но не решив вопрос об эмпирических социологических индикаторах социального капитала («человеческий капитал», «потенциал личности»), мы не сможем операционализировать понятие «общественное благополучие».

Анализ размещенной в Интернете информации свидетельствует о различной степени внедренности в научные исследования понятий «социальный

2. Человечное как гуманное (humane – англ.).

3. <http://www.unece.org/stats/documents/ece/ces/2007/25.r.pdf>.

капитал» и «общественное благополучие». На сайте Федерального образовательного портала (http://www.ecsocman.edu.ru) словосочетане «социальный капитал» содержит 502 отклика (статьи, учебные курсы, книги), тогда как «общественное благополучие» дает лишь 54 отклика. Единый электронный каталог Российской государственной библиотеки (http://www.rsl.ru/) предоставляет 38 ссылок на словосочетание «социальный капитал», 347 ссылок на словосочетание «человеческий капитал», 68 ссылок на «человеческий потенциал» и 29 – на «потенциал личности». В то время как термин «общественное благополучие» представлен только одной ссылкой на книгу, не имеющую никакого отношения к изучаемой проблеме. В поисковой системе библиотеки Конгресса США (http://catalog.loc.gov/) словосочетание «social capital» как ключевое слово (keyword) встречается 2352 раза, а в названиях публикаций (name / title keyword) в 159 случаях. Понятие «human capital» в названиях публикаций встречается 252 раза, как ключевое слово – 2190 раз. Термин «societal well-being» дает только восемь ссылок как ключевое слово, а в названиях книг не встречается. В популярной поисковой системе Google на словосочетание «social capital» выдается 56 200 000 ссылок, а на русский аналог «социальный капитал» – 251 000; «societal well-being» – 291 000 000 ссылок, «общественное благополучие» – 382 000 ссылок.

Проблема измерения общественного благополучия крайне сложна и, прежде всего, своей гуманитарной, человеческой составляющей. Перефразируя В.А. Лефевра, отметим, что современная математика плохо приспособлена для употребления в социологии и не позволяет регистрировать содержание «общественного благополучия» (4, с. 314). Как при помощи цифр зафиксировать общественное благополучие? Именно эта проблема актуализирована в последних официальных документах ЭКОСОС. Подчеркивая взаимосвязь понятий «социальный капитал» и «общественное благополучие», отметим, что социальный капитал следует понимать как некую позитивную направленность человека на социум: «что есть в человеке для общества». В работе «К философии поступка» М.М. Бахтин употребляет термин «я-для-другого» (2, с. 132). Общественное благополучие следует понимать как позитивную составляющую социума, направленную на человека: «что есть в обществе для человека», или перефразируя М.М. Бахтина – «другой-для-другого».

Общественное благополучие как «ощущение счастья» невозможно измерить без субъективной оценки уровня удовлетворенности жизнью, уровня тревожности и видения своего будущего. Именно эти первичные индикаторы мы используем в качестве инструмента для замера общественного благополучия. К упомянутым параметрам необходимо добавить субъективную оценку человеком своего положения в экономическом, правовом и метасоциальном пространствах.

Понятно, что субъективные оценки социальной ситуации в той или иной мере должны согласовываться с объективными показателями. «...Человеческое действие, – отмечает З. Бауман, – будучи по допущению произвольным (voluntary), очевидно не является случайным (random)» (1, с. 15). В статье в качестве действия мы рассматриваем оценку «человеческого в обществе». Как пишет М.М. Бахтин: «все, даже мысль и чувство, есть мой поступок» (2, с. 85). Таким образом, мы вправе утверждать наличие статистических взаимосвязей между субъективными индикаторами социального благополучия и его объективными проявлениями.

К объективным параметрам общественного благополучия отнесены поступки людей, которые фиксируются на уровне статистических показателей и мало подвержены намеренной или ненамеренной фальсификации. Полагаем, что такими показателями могут служить определенные универсальные характеристики любого современного общества: число самоубийств и убийств, зарегистрированные браки и рождаемость. В частности, самоубийства, по мнению исследователей, являются «наиболее серьезным симптомом социального нездоровья» (5, с. 72). На социальные аспекты самоубийства указывал П.А. Сорокин. «Главная общая причина роста самоубийств – это рост одиночества личности, ее оторванность от общества, в свою очередь представляющая результат нашего беспорядочно организованного общества *(выделено мной. – Г.В.)» (6, с. 113). Э. Дюркгейм в работе «Самоубийство» показывает взаимосвязь состояния «беспорядочно организованного общества» с браками и разводами («брачная аномия», «домашняя аномия», «супружеская аномия») и убийствами («состояние отчаяния и раздражительной усталости, которая может… обратиться против самого субъекта или против других… в первом случае мы имеем самоубийство, во втором – убийство»)*[4].

Таблица 1

ДИНАМИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ / НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИИ* В ТЫС. ЧЕЛОВЕК

Годы	*Самоубийства*	*Убийства*	*Зарегистрированные браки*	*Число родившихся*
1994	61,9	47,9	1 080 600	1 408 159
1995	61,0	45,3	1 075 219	1 363 806
1996	57,8	39,1	866 651	1 304 638
1998	51,8	33,5	848 691	1 283 292
2000	56,9	41,1	897 327	1 266 800
2001	57,3	42,9	1 001 589	1 311 604
2002	55,3	44,3	1 019 762	1 396 967

4. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социол. этюд / Пер. с фр. // Эмиль Дюркгейм; – СПб., 1998. – 492 с.

2003	51,7	41,8	1 091 778	1 477 301
2004	49,4	39,3	979 667	1 502 477
2005	46,1	35,6	1 066 366	1 457 376
2006	42,9	28,8	1 113 562	1 479 637
2007	41,2	25,6	1 262 500	1 610 122

**В таблице показаны только те годы, по которым имеются данные опроса РМЭЗ.*

Исходя из вышесказанного, к объективным показателям общественного благополучия мы относим количество самоубийств и убийств, количество зарегистрированных браков и уровень рождаемости в стране (табл. 1). Данные по этим показателям представлены в Российских статистических ежегодниках за 2000–2007 гг. и на сайте Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/).

Обращает на себя внимание высокий уровень корреляции между уровнем убийств и самоубийств (R=0,898; знач. менее 0,01), между количеством самоубийств и уровнем рождаемости (R= – 0,714; знач. менее 0,01), между уровнем рождаемости и количеством браков (R= 0,842; знач. менее 0,01).

Субъективными показателями общественного благополучия в нашем случае выступают самооценки респондентами своего положения в экономическом[5], правовом[6] и метасоциальном[7] пространствах (данные РМЭЗ). В качестве индикаторов выступают также: прогноз на ближайшее будущее[8], уровень удовлетворенности жизнью[9], уровень тревожности[10] и субъективная оценка здоровья[11]. Все перечисленные параметры служат первичными индикаторами общественного благополучия. Подчеркнем еще раз, под общественным благополучием мы понимаем «удовлетворенность условиями жизни» / «вкупе с ощущением счастья». Применительно к данным РМЭЗ «ощущением счастья» можно считать высокие оценки респондентами слагаемых своего существования. Отметим, что между субъективными показателями,

5. Вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»

6. Вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»

7. Вопрос: «И ещё одна лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей – те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»

8. Вопрос: «А как Вы думаете, через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?»

9. Вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?»

10. Вопрос: «Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?»

11. Вопрос: «Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете Ваше здоровье?»

фиксирующими общественное благополучие, существует значимая корреляционная взаимосвязь (табл. 2).

Рассмотрим, насколько взаимосвязаны объективные и субъективные показатели общественного благополучия, т.е. насколько взаимосвязаны данные официальной статистики с результатами РМЭЗ. Выделим два уровня взаимодействия. Первый условно назовем «оценкой себя в мире»: насколько этот мир комфортен, удобен для нас. Второй уровень является результатом своеобразной интериоризации социальных структур и условно называется «оценка мира в себе»: как мы реагируем на этот мир, как он воздействует на нас.

Таблица 2

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ, СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ШКАЛЫ

Год обследования	*Экономическое положение **	*Правовое положение**	*Метасоциальное положение**	*Прогноз на будущее ***	*Удовлетворенность жизнью***	*Тревожность ***	*Субъективная оценка здоровья ***
1994	3,41	2,73	5,64	1,54	1,30	3,08	2,13
1995	3,36	2,81	5,58	1,54	1,24	3,14	2,17
1996	3,39	2,84	5,69	1,56	1,17	3,20	2,17
1998	3,18	2,68	5,71	1,32	1,10	3,35	2,19
2000	3,66	3,16	5,94	1,97	1,41	2,98	2,19
2001	3,85	3,45	6,03	2,14	1,62	2,85	2,19
2002	3,79	3,37	5,90	2,19	1,89	2,89	2,20
2003	3,79	3,41	5,92	2,19	1,81	2,86	2,21
2004	3,95	3,66	6,07	2,15	1,94	2,86	2,22
2005	3,95	3,61	6,03	2,20	1,99	2,86	2,26
2006	3,94	3,60	6,02	2,27	1,96	2,80	2,23
2007	3,94	3,70	6,05	2,21	2,03	2,79	2,26

** По девятибалльной шкале.*

*** По пятибалльной шкале.*

К первому уровню взаимодействия (оценка себя в мире) отнесены взаимосвязи оценок респондентами своего положения в экономическом, правовом и метасоциальном пространствах и уровень самоубийств в РФ. Основная гипотеза исследования состоит в том, что субъективные оценки гражданами отдельных параметров уровня общественного благополучия не могут не согласовываться с объективными показателями статистики.

Некоторые пояснения по ходу анализа. Взаимосвязь между объективными и субъективными данными, т.е. между статданными и мнением населения достаточно сложна и неоднозначна. В этих условиях выбор зависимой и независимой переменных диктуется исследовательскими задачами. Они в данном случае состоят в выявлении характера взаимосвязи субъективных и объективных признаков. Так, не самоубийства определяют уровень общественного благополучия / неблагополучия, а именно этот уровень обусловливает количество суицидов. Здесь мы воспользовались известной теоремой У. Томаса, которая гласит: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» (цит. по: 7, с. 518). Интерпретируя эту мысль, А. Шюц поясняет: «социальная реальность содержит верования и убеждения, которые, будучи определены самими участниками, вполне реальны, но не поддаются чувственному наблюдению» (7, с. 37). Так ли это? Каковы объективные выходы верований и убеждений людей?

В качестве зависимой переменной мы определяем результаты официальной статистики, а именно статистику самоубийств, так как убеждены, что «…все научные объяснения социального мира могут и в определенном смысле должны ссылаться на субъективное значение действий людей, из которых берет начало социальная реальность» (8, с. 493).

Взаимосвязь уровня самоубийств (С) в качестве зависимой переменной и характера самоидентификации респондентов в экономическом пространстве (Э), в качестве независимой переменной, описывается квадратичной функцией:

$y = b_0 + (b_1 \times t) + (b_2 \times t^2)$, где y – зависимая переменная (С), t – независимая переменная (Э).

Применительно к нашим данным формула выглядит следующим образом:

$С = – 925{,}609 + 562{,}578 \times Э – 80{,}203 \times Э^2$; $R^2 = 0{,}790$; знач. менее 0,01.

Пики суицидов приходятся на 1994–1996 и 2000–2001 гг., что соответствует средним показателям уровня идентификации населением своего экономического положения. Вероятно, когда социальное окружение «беспорядочно организовано» и в обществе господствуют неопределенность и растерянность, а именно такими были 1994–1996 (первая Чеченская война) и 2000–2001 гг. (выход из кризиса 1998 г., взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске; вторая Чеченская война) для определенной категории

граждан грань между жизнью и смертью становится более призрачной, чем обычно.

Мы видим (рис. 1), что после 2001 г. идет достаточно резкий спад числа самоубийств в Российской Федерации (на 33,4% в 2007 г. по сравнению с 1994 г.) при повышении, а затем стабилизации уровня оценок населением своего положения в экономическом пространстве.

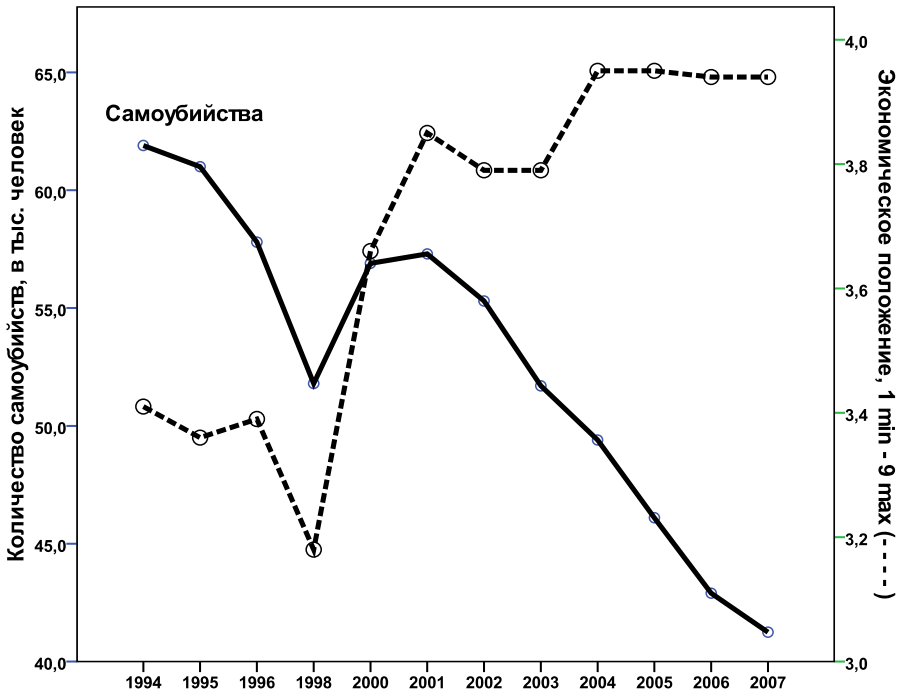

Рисунок 1. Динамика суицидов в соотношении с оценками населением своего положения в экономическом пространстве с 1994 по 2007 г.

Важным, на наш взгляд, представляется тот факт, что изменениям статистики рассматриваемых нами объективных показателей «общественного благополучия» (в данном случае речь идет о статистике самоубийств) предшествуют изменения на субъективном уровне. Так, например, с 1998 по 2001 г. наблюдался значительный рост показателя идентификации респондентами своего экономического положения, но при этом увеличивалось число суицидов в стране. И только по прошествии этого времени наступает перелом поведенческих практик, а именно снижение этого числа.

Небольшое снижение оценки респондентами своего экономического положения в 2002–2004 гг. незначительно сказалось на количестве суицидов.

Подобная взаимосвязь существует между уровнем самоубийств (С) и самоидентификацией респондентов в правовом пространстве (П). Эта зависимость статистически корректно описывается квадратичной функцией.

Применительно к нашим данным формула выглядит следующим образом:

$C = – 251{,}973 + 208{,}079 \times П – 34{,}712 \times П^2$; $R^2 = 0{,}758$; *при знач. менее 0,01.*

Тем не менее можно констатировать, что в период с 1998 по 2001 г. зафиксирован рост уровня правовой защищенности населения, и в этот же период наблюдается рост числа суицидов среди россиян. Вероятно, речь идет о значительном отставании поведенческих практик по отношению к субъективным оценкам. После накопления положительных тенденций в оценке уровня правовой защищенности мы видим достаточно резкий спад числа

самоубийств. Так, например, количество самоубийств в 2001 г. составляло 57,3 тыс. человек при оценке уровня правовой защищенности 3,45 баллов. Именно в этом году происходит перелом негативных тенденций, что косвенно свидетельствует о позитивных изменениях в обществе.

Усиление правовой защищенности населения ведет к снижению уровня суицидов. Самое высокое количество самоубийств в РФ было зафиксировано в 1994 г. (61,9 тыс. человек.). В этом же году отмечена достаточно низкая субъективная оценка населением своего правового положения – 2,73 балла. Самый низкий уровень суицидов за весь постсоветский период зафиксирован в 2007 г. (41,2 тыс. человек). Для этого года характерна высокая в сравнении с предыдущими годами оценка населением своего правового положения – 3,7 балла.

Взаимосвязь между уровнем самоубийств (С) и самоидентификацией населения в метасоциальном пространстве (М) описывается линейной регрессионной моделью:

$C = 213{,}417 – 27{,}312 \times M$; $R^2 = 0{,}51$; *при знач. менее 0,01.*

Отметим, что существует линейная зависимость между уровнем уважения в обществе и числом суицидов, увеличение среднего показателя в метасоциальном пространстве на 0,1 ведет к снижению случаев суицида на 2,73 тыс. Между уровнем самоубийств и субъективным восприятием людьми своего положения в пространстве уважения и востребованности в обществе (в метасоциальном пространстве) наблюдается отрицательная корреляция (рис 2): возрастание уважения в обществе способствует сокращению количества суицидов (R – 0,714, *знач. менее 0,01). Отметим, что между средними значениями уровня идентификации населением своего положения в экономическом, правовом и метасоциальном пространствах существует*

внутренняя согласованность, т.е. изменение одного из показателей ведет к соответствующим изменениям других показателей.

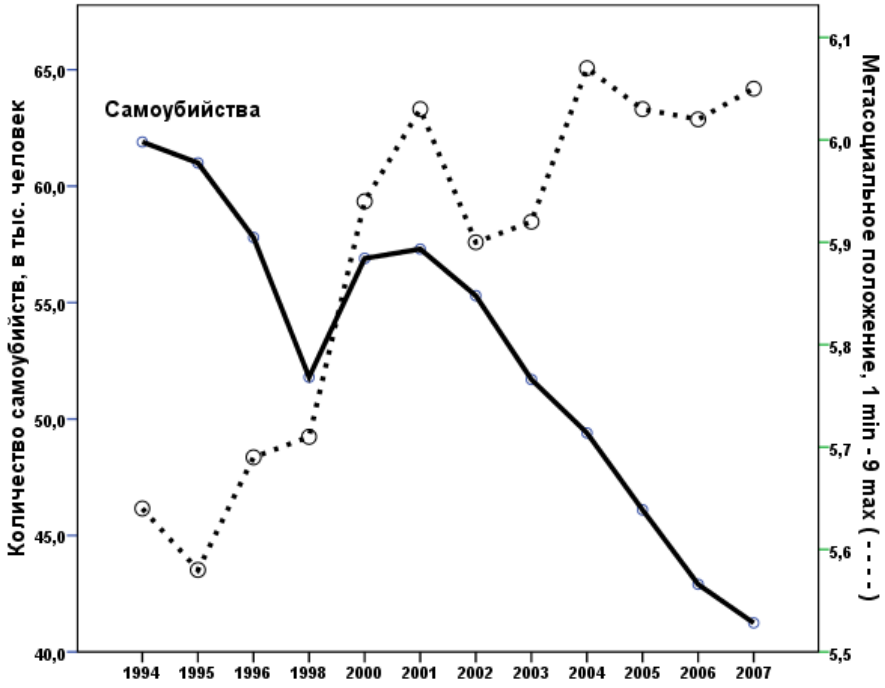

Рисунок 2. Динамика самоубийств в Российской Федерации и оценки населением своего положения в метасоциальном пространстве с 1994 по 2007 г.

Ко второму уровню взаимодействия объективной и субъективной информации – «оценка мира в себе» – отнесена взаимосвязь, с одной стороны, уровня удовлетворенности респондентами своей жизнью и уровня тревожности, с другой – количества зарегистрированных браков. С 1994 по 1998 г. снижались количество зарегистрированных браков и уровень удовлетворенности жизнью (рис. 3). После выхода из кризиса 1998 г. эти показатели стали повышаться. Исключение составляет 2003 год, когда происходит снижение уровней удовлетворенности жизнью, а в 2004 г., как следствие, – сокращение числа зарегистрированных браков. Подчеркнем, что опять наблюдается отставание поведенческих практик по отношению к субъективным оценкам. Затем следует подъем по обеим переменным вплоть до 2007 г. Обращает на себя внимание непропорциональный рост числа зарегистрированных браков и числа родившихся в этом году. При увеличении числа зареги-

стрированных браков примерно на 150 тыс., уровень удовлетворенности жизнью возрос лишь на 0,07 балла. Вероятно, что такое несоответствие обусловлено мерами государства по стимулированию рождаемости. Можно, однако, предположить, что подобная мера даст кратковременный эффект, долгосрочная перспектива требует повышения качества жизни и, как следствие, повышения субъективной удовлетворенности населением своей жизнью. Примечательно, что с 1994 по 2007 г. уровень рождаемости тесно корреллирует с уровнем удовлетворенности жизнью (R=0,792, знач. менее 0,01).

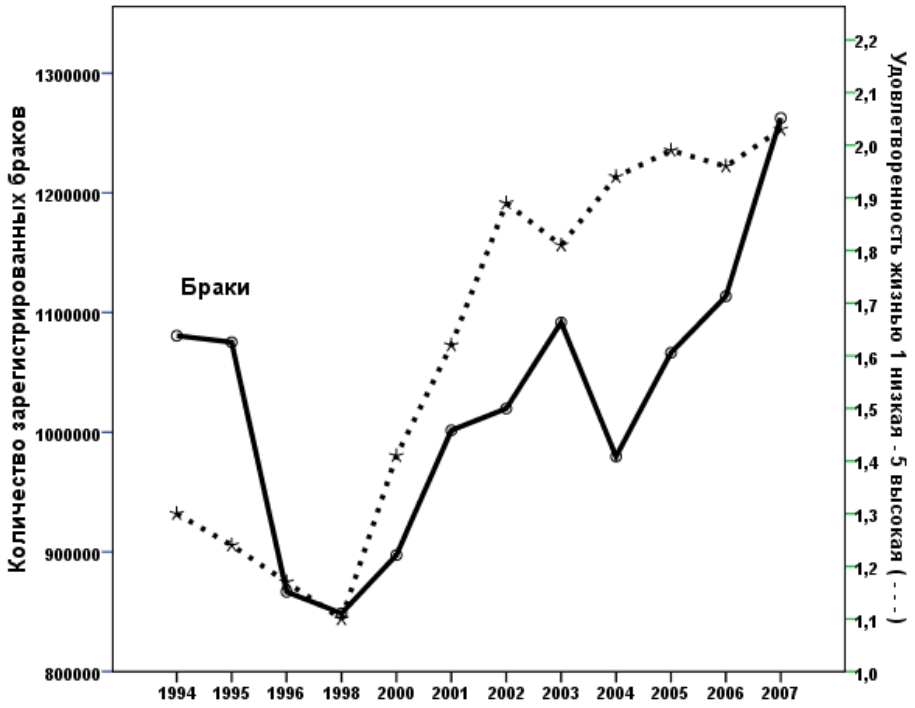

Рисунок 3. Динамика зарегистрированных браков в Российской Федерации и оценка населением уровня удовлетворенности жизнью с 1994 по 2007 г.

Между уровнем удовлетворенности жизнью и уровнем тревожности существует значимая отрицательная корреляция (R= – 0,925, при значимости менее 0,01). Чем выше первая, тем ниже вторая. Анализ показывает наличие взаимосвязи между количеством заключенных браков и уровнем

тревожности. Чем выше тревожность, тем меньше зарегистрированных браков. Наиболее ярко эта зависимость проявилась в 1998 г., когда уровень тревожности 3,35 балла, а число зарегистрированных браков составило 848 691 (рис. 4). Это практически на ⅓ меньше, чем в 2007 г. (1 262 500 зарегистрированных браков), когда уровень тревожности составлял наименьшее значение на все 12 лет наблюдений РМЭЗ (2,79 балла).

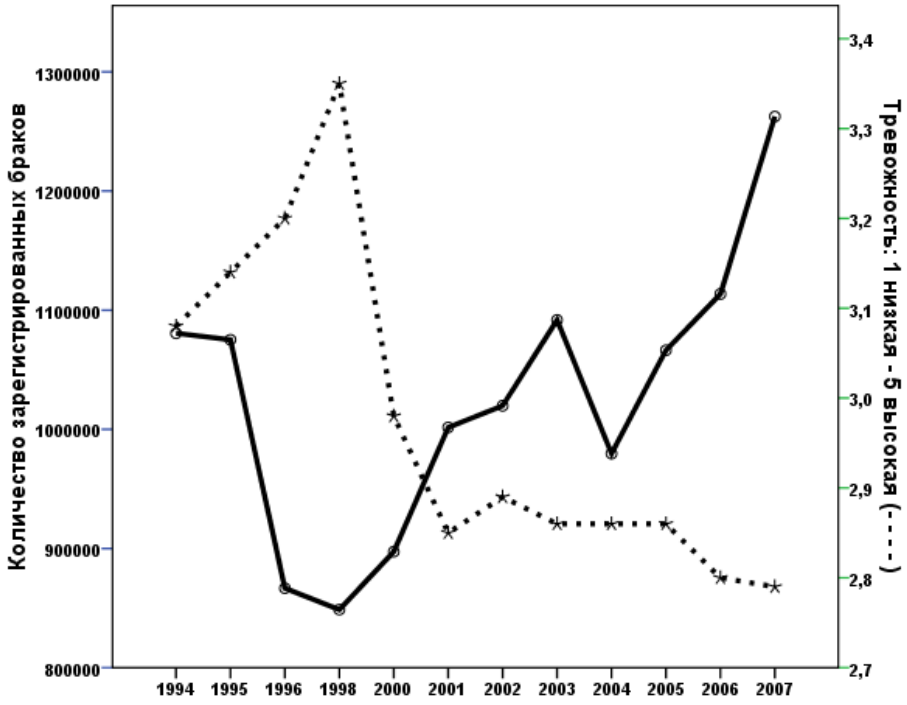

Рисунок 4. Динамика зарегистрированных браков в Российской Федерации и уровень тревожности населения с 1994 по 2007 г.

Подводя итог сказанному, выделим три, на наш взгляд, наиболее значимых вывода и обозначим их как методологический, прогностический и социологический.

– Согласование результатов двух независимых замеров – статистики и данных опросов относительно состояния российского социума методологически и методически конструктивно и плодотворно для сопоставления объективных и субъективных показателей жизни общества.

– Прогностическая значимость полученных результатов состоит в том, что эмпирически доказано наличие лага между субъективными оценками людей и их поведенческой реакцией. Для социума, двигающегося к улучшению общественного благополучия, этот лаг составляет около двух лет. При этом отметим, что субъективная оценка ситуации в кризисном 1998 г. и поведенческая реакция практически совпадают по времени.

– Полученные результаты свидетельствуют об ошибочности широко распространенного мнения о возможности полного *преодоления последствий экономического кризиса: социальные последствия экономического кризиса нельзя преодолеть никаким экономическим подъемом.*

Литература

1. Бауман З. Свобода / Пер. с англ. Г.М. Дашевского, предисл. Ю.Г. Левады. – М., 2006. – 130 с.

2. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984–1985. – М., 1986. – С. 132.

3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социол. этюд / Пер. с фр. – СПб., 1998. – 494 с.

4. Лефевр В.А. Психографика: знаки страстей в математических структурах / Рефлексия. – М., 2003. – С. 314.

5. Орлова И.Б. Самоубийство – явление социальное // Социологические исследования. – 1998, № 8.

6. Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. – 2003, № 2.

7. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. – М., 2004.

8. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. – М., 1994.

Б.А. Хейфец

КРИЗИС И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОЛГОМ В РОССИИ

Хейфец Борис Аронович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Снова бюджетный дефицит

Мировой финансовый кризис, остро сказавшийся на российской экономике, вновь *привлек особое внимание к проблеме эффективного управления государственным долгом России, прежде всего его внешней составляющей. Российская долговая политика была проблемной областью все 1990-е годы, но особенно усугубил ее положение кризис 1998 г. Внутренний долг в июне 1998 г. составлял около 450 млрд. руб., или 75 млрд. долл. по докризисному курсу. Максимальная глубина внешнего долга в 159 млрд. долл. была достигнута в конце 1999 г.*

В отличие от внутреннего долга, с которым достаточно легко удалось «расправиться» с помощью дефолта по основным рублевым обязательствам государства и обвальной девальвации национальной валюты, внешняя задолженность потребовала существенных политических и дипломатических усилий и решение проблем с ней было связано с определенными моральными издержками. Резкая активизация долговой политики[1]*, а также благоприятная внешняя конъюнктура способствовали досрочному погашению значительной части внешнего долга, который к концу 2008 г. уменьшился до 40 млрд. долл. Внутренний долг хотя и вырос, опередив в 2007 г. внешний, но в*

1. Принятие ряда жестких ограничительных норм, закрепленных в Бюджетном кодексе РФ, существенное снижение новых заимствований и усиление контроля за использованием уже полученных иностранных кредитов в рамках начавших разрабатываться с 2003 г. и ежегодно уточнявшихся трехлетних стратегий по управлению государственным долгом и т.п.

количественном выражении – почти 1,5 трлн. руб. (примерно 51 млрд. долл.) на конец 2008 г. представлял вполне «удобоваримую» для бюджета величину (см. рис. 1). Если в 2000 г. отношение государственного долга к ВВП составляло 61,3% (53,7% – внешний долг и 7,6% – внутренний), то в 2008 г. оно снизилось до 8,5% (3,9 и 4,6% соответственно).

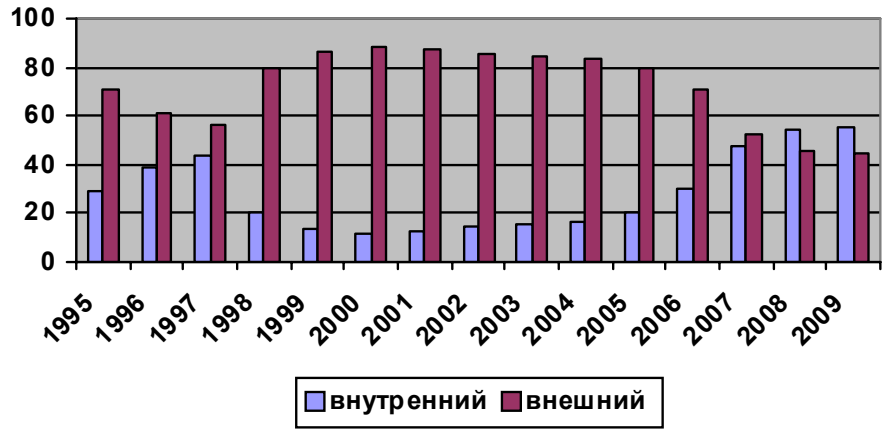

Рисунок 1. Соотношение внешнего и внутреннего долга, начало года, %

Источник: *Рассчитано автором по данным Минфина (данные по внутреннему долгу пересчитаны по курсу Банка России на соответствующую дату).*

Удачные решения в долговой политике, прежде всего в управлении внешним долгом, не означают, что в этой сфере не были допущены определенные просчеты. Так, на наш взгляд, слабо использовались операции buy back, а также своповые операции, для которых часто привлекались сомнительные посредники, получившие крупные «комиссионные». Досрочные выплаты по внешнему долгу начались с самых «дешевых» кредитов МВФ. Решение же о досрочном погашении долга перед Парижским клубом запоздало на два-три года, и это погашение было проведено не единовременно, а поэтапно, завершившись, когда финансовое положение России стало наилучшим со времени обретения ею независимости, что привело к существенному увеличению общей массы реструктурированного долга (более подробнее см. 11) Счетная палата в этот период неоднократно выявляла недостатки в учете госдолга (см., например, рис. 1).

Однако эти просчеты в целом не носили стратегического *характера и привели лишь к дополнительным, но не критичным для прежнего уровня бюджетных доходов затратам на обслуживание долга. Вместе с тем в тот период был серьезно ослаблен контроль за корпоративной задолженностью, бурный рост которой стал одной из острейших проблем второй половины 2008 г.*

Ухудшение внешней конъюнктуры для основных российских экспортных товаров и уменьшение положительного сальдо счета текущих операций платежного баланса, с одной стороны, и необходимость выполнения взятых ранее социальных и некоторых других финансовых обязательств – с другой, привели к составлению бюджета на 2010 г. с первичным дефицитом. Одним из главных источников его покрытия, как это принято в мировой практике, наряду со средствами резервных фондов должны стать финансовые заимствования*, в том числе на международных рынках.*

Какие есть варианты

Возникает вопрос, насколько оправданна политика использования внешних займов, т.е. фактически возврат на уже пройденный путь с последующим перераспределением нагрузки на будущие поколения для выплаты долга. Похоже, что новые заимствования – неизбежный шаг, учитывая сегодняшние реалии квазирыночной экономики России. Логика проста: покрыть бюджетный дефицит можно за счет увеличения доходов и / или снижения расходов. Быстрое повышение доходов, если исключить значительный рост налогов, нереальный в условиях кризиса, при вялой глобальной и внутренней конъюнктуре рынков и слабо диверсифицированной структуре экономики, невозможно. Это долгосрочная перспектива, связанная с переходом на инновационную модель развития.

Конечно, имеются и краткосрочные резервы. Однако к действенным практическим *шагам, например по осторожному «декларационному» наступлению на коррупцию или сокращению одного из крупнейших в мире офшорного сектора экономики, правительство явно не готово. Не говоря уже о «теневой экономике», которая не наблюдается официальной статистикой. Такая экономика, по оценке председателя Счетной палаты РФ С. Степашина, достигла 25% ВВП, в то время как в США 0,8%, Швеции – 1,3%, Канаде – 2,7%. Только легализация производства и реализации алкогольной продукции могла бы увеличить доходы казны на 35–40 млрд. руб. (7).*

Не удается в силу различных причин существенно сократить и расходы, что на практике считается одним из самых эффективных способов покрытия бюджетного дефицита, способным дать относительно скорые финансовые результаты. Например, в 2008 г. расходы на государственное и муни-

ципальное управление выросли на 30%, в 2009 г. – еще на 4%. Каждый третий бюджетный рубль в этой сфере был потрачен без должной отдачи[2].

Большие потери связаны и с использованием офшорных схем минимизации налогообложения и нелегального вывоза капитала. Точных интегральных оценок по России, где от 70 до 90% всех крупных частных предприятий принадлежит структурам, инкорпорированным в офшорных и связанных с ними юрисдикциях, а госкомпании активно используют офшорных трейдеров и офшорные инвестиционные компании, нет. Но есть данные по другим странам. Так, согласно оценкам, приведенным в 2009 г. Б. Обамой, за последнее десятилетие одни только не запрещенные законом схемы по использованию «налоговых гаваней» стоили американскому бюджету 190 млрд. долл. (2). В Германии, как утверждает министр финансов П. Штайнбрюк, уклонение от налогов (главным образом с помощью офшоров) обходится бюджету примерно в 30 млрд. евро. В целом же ЕС ежегодно теряет из-за этого примерно 100 млрд. евро (12).

Могут быть задействованы и различные резервные фонды, включая золотовалютные запасы. Но это крайне рискованный шаг, угрожающий финансовой стабильности страны. Прежде всего, это может привести к росту инфляции. Кроме того, при наихудших вариантах средств одного только резервного фонда может не хватить даже на весь 2010 г.

Плюсы и минусы новых займов

В пользу выпуска новых государственных облигационных займов говорит то, что на мировых финансовых рынках появились свободные ресурсы, а присутствие на них России благоприятно скажется на российских финансовых рынках. Вопрос заключается в масштабах, цене и формах *этого присутствия. Бюджетные наметки правительства по внешним заимствованиям на ближайшие три года таковы: в 2010 г. – 16,3 млрд. долл.; в 2011 г. – 17,5 и в 2012 г. – 18,6 млрд. долл. (5; Приложение 21), что в целом составляет 52,4 млрд. долл. и практически не очень существенно (менее 10%) для современного российского ВВП. По критериям ЕС отношение государственного долга к ВВП не вызывает опасений, если не превышает 60%. При условии, конечно, что не станет стабильным повышение мировых цен на топливо и сырье, которое наблюдалось в сентябре-декабре 2009 г. Последнее позволило бы значительно уменьшить размеры заимствований или отказаться от них вообще.*

В конце 2009 г. появились новые оценки. Как заявил заместитель министра экономического развития РФ А. Клепач, в 2010 г. Россия может со-

2. http://www.gazeta.ru/financial/2009/10/22/3275968.shtml.

кратить объем выпуска государственных облигаций почти вдвое по сравнению с намечавшимся ранее – до 8–10 млрд. долл. Это связано с тем, что изначально в бюджете 2009 г. среднегодовая цена нефти была заложена в 41 долл. за баррель, летом ее повысили до 54 долл., а в начале осени – еще до 57 долл. В ноябре-декабре нефть торгуется выше отметки в 70 долл. По расчетам Минфина РФ, если цена нефти достигнет 100 долл. за баррель, то бюджет может быть бездефицитным. Однако есть и другие прогнозы, говорящие о возможном падении нефтяных цен в связи с новой волной кризиса (9).

Цена займов также пока невысока. Даже крупным корпорациям сейчас удается организовать среднесрочные заимствования на уровне 6–7% годовых. Россия как суверен *за пятилетние еврооблигации может рассчитывать на плату не более 6% годовых, а еще есть возможность получения более дешевых кредитов от МВФ. Кроме того, еврооблигационная форма заимствований позволяет проводить более гибкую политику управления внешним долгом.*

Существенно возрастут и внутренние займы. За 2009 г. суверенный внутренний долг возрос почти на 0,5 трлн. руб., в том числе за счет значительного увеличения госгарантий. В 2010 г. с внутреннего рынка должны будут привлечены 568 млрд. руб., в 2011 г. – 749 млрд. руб. и в 2012 г. – 237 млрд. руб.

Реальная нагрузка на бюджет будет еще выше. Нужно учитывать, что Россия взяла на себя обязательства в размере 10 млрд. долл. для покупки облигаций МВФ, выручка от продажи которых пойдет в Международный антикризисный фонд для поддержки платежных балансов нуждающихся стран по линии Фонда. Были предоставлены кредиты ряду зарубежных стран – Беларуси, Кыргызстану, Армении, Кубе, Венесуэле и некоторым другим. Правда, многие из этих займов и кредитов несут политическую нагрузку или пойдут на финансирование российских предприятий, которые будут поставлять в счет данных кредитов экспортную продукцию. Однако в любом случае правительству необходимо будет объяснить обществу, почему наряду с кредитованием зарубежных стран мы прибегаем к внешним заимствованиям. Сейчас кредитная политика практически не объясняется, а Программа предоставления государственных финансовых кредитов из открытого приложения к Федеральному закону о бюджете стала в последние два года секретной. Например, совсем нелогичным представлялось возможное (но, к счастью, не состоявшееся) предоставление кредита в 4 млрд. долл. Исландии осенью 2008 г.

И очень серьезным является вопрос об использовании кредитов. Исходя из прежнего российского опыта, обеспечить действенный контроль за эффективностью долгового финансирования практически невозможно. Как

планируется, новые кредитные ресурсы поступят в распоряжение бюджета. Поэтому вряд ли здесь можно ожидать серьезных изменений. Тем более что сейчас ослаблена роль бюджетного кодекса и государственного контроля за исполнением бюджета и использованием средств на антикризисные мероприятия. Поэтому велика вероятность низкой эффективности новых займов. По большому счету, все упирается в смену модели развития и управления экономикой.

Груз корпоративной задолженности

Немаловажен и факт, что государственные заимствования будут вытеснять частные заимствования. Вместе с тем вопрос о рефинансировании корпоративной задолженности в настоящее время стоит очень остро: за 2001–2008 гг. она выросла практически в 15 раз, составив почти 500 млрд. долл., а на 1 января 2010 г. уменьшилась до 425,4 млрд., из которых 299,8 млрд. приходится на нефинансовый сектор, а 125,6 млрд. долл. – на банки (см. табл. 1).

Таблица 1

РОСТ КОРПОРАТИВНОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ, МЛРД. ДОЛЛ.

	1.01. 2000 г.	*1.01. 2002 г.*	*1.10 2004 г.*	*1.01. 2006 г.*	*1.01. 2007 г.*	*1.01. 2008 г.*	*1.10 2008 г.*	*1.01. 2009 г.*	*1.01. 2010 г.*
Совокупный внешний долг*	**180,0**	**150,8**	**182,0**	**257,4**	**309,7**	**465,4**	**542,1**	**479,9**	**469,7**
Корпоративная задолженность, в том числе	29,3	37,6	75,1	175,2	260,7	419,0	498,3	447,7	425,4
*Банковская система (без участия в капитале)***	*8,2*	*13,6*	*24,8*	*50,2*	*101,2*	*163,7*	*197,9*	*166,3*	*125,6*
*Нефинансовые предприятия (без участия в капитале)****	*21,1*	*24,0*	*50,3*	*125,0*	*159,5*	*255,3*	*301,4*	*281,4*	*299,8*

** Включает государственный, региональный и корпоративный внешний долг.*

*** Включены обязательства ВЭБа. Внешняя суверенная задолженность, учитываемая ВЭБом как агентом Правительства РФ, отражается в обязательствах органов государственного управления.*

**** Включается рыночная стоимость привилегированных акций, находящихся в собственности нерезидентов. Привилегированные акции классифицируются в качестве компонента внешнего долга в связи с обязательством эмитента выплачивать по ним дивиденды, при этом эмитент не принимает на себя обязательств по выкупу их по рыночной цене.*

Источник: *Хейфец Б.А. Кредитная история России. Характеристика суверенного заемщика. – М., 2003. – С. 267; данные Банка России (www.cbr.ru*)

Некоторые эксперты, занимающиеся проблемами государственного долга, предлагают считать корпоративную задолженность, прежде всего задолженность контролируемых государством корпораций и банков, условными (обусловленными) суверенными обязательствами (см. подробнее: 8, с. 251–253). За них государство при определенных обстоятельствах должно нести установленную ответственность в виду их угрозы для обеспечения стабильности экономического развития страны. Современный кризис показал справедливость этих утверждений, когда значительная государственная финансовая помощь была оказана корпорациям и банкам, испытывавшим острую нехватку ликвидности, во многих развитых странах.

Большую финансовую поддержку получил корпоративный сектор и в России, в частности целевую – на погашение внешней задолженности частных компаний. В самый острый период кризиса (октябрь 2008 г.) государство выделило ВЭБу 50 млрд. долл. для рефинансирования внешнего долга корпорациям, но выдало нескольким частным компаниям 11 млрд. долл. под льготные проценты (в основном, LIBOR+5%)[3]*, тогда как на финансовых рынках деньги российским компаниям в сентябре-октябре 2008 г. можно было получить только под 20–25%. Однако вскоре правительство остановило эту акцию, т.е. фактически признало ошибочность такого преференциального подхода к отдельным финансовым группам.*

Интересно, что после этого ничего катастрофичного не произошло. Должники сами стали выкручиваться из критического положения – путем договоренностей с кредиторами и реструктуризации долга, продажи части активов, новых займов, банкротств и использования других, принятых в таких случаях форм управления.

Начались и прямые выплаты по задолженности из увеличившихся доходов компаний. Так, Evraz group в декабре 2009 г. досрочно погасил большую часть кредита, взятого у ВЭБа – 800 млн. долл. из 1,8 млрд. долл. «Альфа-групп» погасила 500 млн. долл. из кредита ВЭБа в 2 млрд. долл. Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) досрочно погасил кредит в 5,8 млрд. руб. «Газпромбанку». «Роснефть» из китайского кредита в 25 млрд. долл. погасила 800 млн. долл. ВЭБу.

3. Среди «спасенных» госпомощью компаний были UC RUSAL (долг – 4,5 млрд. долл.), «Альфа-групп» (2 млрд. долл.), Evraz Group (1,8 млрд. долл.), «Роснефть» (800 млн. долл.), «Газпром нефть» (750 млн. долл.), ПИК (262 млн. долл.), «Ситроникс» (230 млн. долл.).

Даже самый крупный частный должник UC RUSAL, получив срочную помощь от госбанков (ВЭБа, Сбербанка, Газпромбанка на сумму примерно 6,5 млрд. долл.), после почти года переговоров с пулом частных кредиторов в декабре 2009 г. достиг договоренности о реструктуризации 7,4 млрд. долл. своих внешних обязательств перед ними. В конце концов кредиторы заинтересованы в возврате своих денежных средств, а не в банкротстве должника.

А некоторые должники, опасаясь перехода под контроль государства закладываемых «под помощь» своих акций, сами отказались от кредитов ВЭБа, найдя другие источники финансирования.

Российские банки и компании значительно активизировали собственную деятельность по снижению своего долгового бремени. Можно выделить следующие главные направления такой работы.

1. Прямое погашение или выкуп задолженности (об этом частично уже говорилось выше).

2. Реструктурирование задолженности перед конкретными кредиторами или группами кредиторов.

Кроме UC RUSAL, здесь очень характерен пример крупного девелопера «Группа ПИК», которая в связи с обвалом рынка недвижимости и сильной долговой нагрузкой попала в очень тяжелое экономическое положение. Тем не менее уже в декабре 2009 г. она объявила о реструктуризации 80% взятых ею кредитов, что наряду с получением госгарантий на 14,38 млрд. руб. позволило ей выполнить требование «Сбербанка» для получения от него нового кредита в 12,75 млрд. руб.

3. Замещение кредитов одних банков или облигационной задолженности кредитами других банков.

Так, «Металлоинвест» для погашения задолженности перед «Сбербанком» использовал кредит ВТБ. «Ситроникс» получил кредит у «Банка Москвы» в размере 230 млн. долл. для погашения своей задолженности перед ВЭБом. Для аналогичных целей ПИК взял кредит у «Номос-банка», который выкупил его долг у ВЭБа. Трубная металлургическая компания (ТМК) заняла в ЕБРР 200 млн. долл. для погашения своих евробондов (3), а также кредиты в «Газпромбанке», «Сбербанке» и ВТБ на сумму 1750 млн. долл. для погашения коротких долгов. «Вымпелком» выкупил собственные еврооблигации на 320 млн. долл., заместив их привлеченным в сентябре 2009 г. кредитом «Сбербанка».

4. Эмиссия новых выпусков еврооблигаций.

В 2009 г. было осуществлено размещение пяти выпусков еврооблигаций нефинансовыми компаниями (за весь 2008 г. их было девять): «Газпром» разместил четыре выпуска долговых бумаг для рефинансирования своей задолженности в размере – 500 млн. швейцарских франков, 5,5 млрд. евро и

850 млн. евро и 600 млн. долл.; «ЛУКОЙЛ» – один (1,5 млрд. долл.). При этом «Газпром» опробовал новый инструмент – еврокоммерческие бумаги, которые он размещал на короткий срок в три месяца всего под 3,4% годовых. Начали размещать еврооблигации и банки. Первым это сделал «Промсвязьбанк», разместивший в ноябре 2009 г. субординированные еврооблигации на 200 млн. долл. со ставкой 12,75% годовых на срок в пять с половиной лет. ТМТ запланировала четыре выпуска трехлетних биржевых облигаций – двух по 5 млрд. руб. и двух по 10 млрд. руб., которые будут размещаться не одновременно, а по мере необходимости для рефинансирования долга компании. Такие же планы и у Evraz Group, который хочет выпустить четыре серии десятилетних облигаций на 30 млрд. руб.

5. Размещение новых выпусков акций и депозитарных расписок.

ТМК обратилась с заявкой на регистрацию новых выпусков американских депозитарных расписок (ADR) на Нью-Йоркской бирже на сумму до 100 млн. долл. ВТБ в сентябре 2009 г. разместил в России дополнительную эмиссию акций на 60,5 млн. руб. UC Rusal готовится провести крупное размещение своих акций на бирже Гонконга: она намерена предложить инвесторам до 10% акций от нынешнего уставного капитала, которые могут принести ей 2–2,6 млрд. долл.

6. Продажа зарубежных и внутренних активов, прежде всего непрофильных.

АФК «Система» продала за 1 долл. 20% акций девелопера «Системы-галс» из 51%, заложенных в банке, но с условием продлить срок до начала погашения долга «Системы-галс» в размере 23,5 млрд. руб. Одна из крупнейших зерновых компаний России – «Настюша» отдала за долги «Россельхозбанку десять из 13 своих зернохранилищ (4).

7. Личные финансовые «вливания» основных собственников.

А. Абрамов и Р. Абрамович вложили 400 млн. долл. личных средств в новый выпуск евробондов Evraz Group объемом 500 млн. долл., а облигации на остальные 100 млн. долл. так же как и глобальные депозитарные расписки (GDR) Evraz Group были размещены на свободном рынке; Е. Батурина для расплаты по задолженности «Интеко» продала принадлежавшие ей акции «Газпрома» и «Сбербанка».

Конечно, о прекращении госпомощи в уменьшении долгового бремени российских компаний говорить пока нельзя. Однако эта помощь начала осуществляться в косвенных формах. Например, ее важнейшим элементом стали государственные гарантии под долговое финансирование, которого после получения таких гарантий уже добивались самостоятельно российские компании. Суммарный объем государственных гарантий в 2009 г. был запланирован в размере до 300 млрд. руб., однако фактически было использовано гарантий на менее чем 200 млн. долл. В 2010 г. возможно увеличение

рублевых госгарантий до 532,5 млрд. руб. (в том числе гарантии на 410 млрд. руб. с правом регрессного требования или с уступкой прав требования к лицу, по обязательствам которого предоставлена государственная гарантия РФ), а в 2011–2012 гг. они уменьшатся до 64,5 млрд. руб. и 53,5 млрд. руб. соответственно.

В то же время будут значительно увеличены гарантии в иностранной валюте, что значительно расширит возможности заимствований на зарубежных рынках российских корпораций. Согласно «Программе государственных гарантий Российской Федерации в иностранной валюте на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов», эти гарантии в 2010 г. могут составить до 8 млрд. долл., в 2011 г. – 4,4 млрд. долл. и в 2012 г. – 3 млрд. долл. (5; приложение 22).

Другой формой госпомощи стал выкуп части дополнительных эмиссий облигаций или акций. Так, значительную часть намеченных к выпуску в 2009–2010 гг. РЖД необеспеченных облигаций (200 млрд. руб.), вероятно будет выкуплена госбанками. Из планирующейся продажи 10% акций UC RUSAL ВЭБ может купить 3% акций (10).

Что касается одного из главных аргументов для оказания прямой государственной помощи осенью 2008 г. – «заложенные иностранным банкам при получении кредитов акции российских стратегических предприятий перейдут к иностранным собственникам» – то он недостаточно убедителен. Если здесь недостаточно Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и государства» (от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ), то закон нужно дополнить соответствующими поправками, касающимися залога акций российских предприятий. Или необходимо разработать и принять с учетом таких обстоятельств новый закон о залоге. Сейчас залоговые правоотношения регулируются Законом РФ от 29 мая 1992 г. № 2872-I «О залоге» (с изменениями от 26 июля 2006 г.) и ГК РФ, которые не учитывают современные глобальные реалии экономического развития России.

Так ли велика корпоративная задолженность?

Следует также тщательно разобраться с самой корпоративной задолженностью. Дело в том, что значительная ее часть сформировалась за счет кредитов от компаний и банков из классических офшоров и стран, задействованных в офшорных финансовых схемах. В 2007 г. из 93 млрд. долл., на которые увеличилась задолженность нефинансовых структур, 70 млрд. пришлось на офшоры и связанные с ними юрисдикции (там обычно размеще-

ны головные компании холдингов). Во внешнем долге небанковских корпораций на 53,6 млрд. долл. за 2008 г. на Кипр пришлось 14,0 млрд., Великобританию – 7,0; Люксембург – 4,0; Британские Виргинские острова – 2,0 млрд. долл.

Конечно, это могут быть реальные кредиты от западных банков и корпораций и *перекредитование через свои* «дочки» *– кредиторы предпочитают таким образом оформлять кредиты. Но есть основания предполагать, что частично это кредиты самим себе (страхование рисков ввиду особенностей инвестиционного климата в России). Иными словами, это обычные внутрикорпоративные финансовые проводки. Реальная внешняя задолженность российских компаний, по нашему мнению, может быть на 20–50% ниже.*

Такой вывод подтверждают и данные Росстата по инвестициям: в поступивших в страну в 2008 г. 104 млрд. долл. инвестиций, на различные виды кредитов приходилось почти 84 млрд. (80%), а в прямых инвестициях доля кредитов, полученных от зарубежных совладельцев предприятий, – 36% (27 и 9,7 млрд. долл. соответственно).

В первом полугодии 2009 г. из 32,1 млрд. долл. инвестиций на различные виды кредитов приходилось более 27 млрд., или 84%, а в прямых инвестициях доля кредитов, полученных от зарубежных совладельцев предприятий, составила 39% (2,4 из 6,1 млрд. долл.). Сейчас ситуация немного начала меняться: корпорации рефинансируют ранее полученные кредиты в ВЭБ или получают новую помощь, оформляя ее на свои российские дочки, т.е. камуфлируя свою «офшорную изнанку».

Среди важных мер в этой области можно назвать создание долгового агентства, которое кроме вопросов активного управления суверенным долгом занималось бы мониторингом корпоративной задолженности. Такая идея была в начале 2000-х годов, но в силу различных причин не была реализована. Обсуждается идея о создании финансового агентства в форме открытого акционерного общества, которое будет управлять фондом национального благосостояния, свободными средствами бюджета и долгами.

В пользу создания специального органа говорит и то, что деятельность государственных представителей, равно как и независимых директоров в госкомпаниях, на которые приходится около 50% всего долга, оказалась нерезультативной с точки зрения управления корпоративной задолженностью.

Минфин, правда, планирует внедрить в начале 2010 г. новый механизм мониторинга корпоративной задолженности для компаний с государственным участием, пользующихся господдержкой и квазисуверенным рейтингом. Речь идет о неформальном совещательном органе, который следил бы за планами госимитентов и координировал их действия. Если же такой меха-

низм
не сработает, то, как считает заместитель министра финансов Д. Панкин, придется вводить правила распоряжением или постановлением правительст-
ва (6).

Но до конца ясности в этом вопросе нет. Например, Минэкономразвития считает, что мониторинг внешних долгов должен коснуться не только государственных, но и частных компаний. Как отмечает глава ведомства Эльвира Набиуллина, «речь не идет об ограничении: вводить ограничения или запреты, наверное, нецелесообразно, но нужно понимать, что в этой сфере происходит, не доходим ли мы до какой-то опасной черты с корпоративным долгом» (9). Другой вопрос, какие эффективные меры могут предпринять госведомства, если ситуация окажется неблагоприятной? И прежде, без мониторинга, было ясно, что многие госкомпании игнорируют риски внешних займов.

Для ограничения роста корпоративной задолженности были предприняты попытки повышения нормы обязательного резервирования при осуществлении заграничных займов (2006). Некоторые эксперты предлагали замораживание внешних заимствований госпредприятий до утверждения правительством жестких правил таких операций вплоть до включения в программы государственных заимствований.

На наш взгляд, возможно включение в Бюджетный кодекс и закона о бюджете максимального уровня государственного внешнего и внутреннего долга в расширенном толковании, т.е. с учетом задолженностей контролируемых государством компаний. Но при этом необходимо обеспечить строгое соблюдение этих норм, что заставит Минфин РФ тщательнее отслеживать динамику корпоративной задолженности госкомпаний и принимать возможные даже в рамках действующего законодательства меры.

Банк России прорабатывает вопрос о резком снижении необлагаемой налогом ставки по валютным кредитам (до 3%), что станет экономическим обременением на привлечение капитала и снизит возможность использования платы за кредиты для минимизации налогообложения и вывоза капиталов. Предлагаются различные варианты ограничения внешних займов госкомпаний, в том числе с помощью увязки роста их внешней задолженности с другими экономическими показателями, прежде всего ростом выручки. Для ограничения внешних займов финансовых предприятий в разное время выдвигались предложения об ограничении валютной позиции, лимите доли внешних займов в пассивах, более тесной связи заимствований с обязательными резервами банков и т.п. Планируется стимулировать привлечение финансовых ресурсов с внутреннего рынка, хотя его объем и стоимость ре-

сурсов и раньше являлись существенным тормозом для долгового финансирования.

Таким образом, необходимо не только усиление внимания к отдельным, хотя и важным проблемам долговой политики, а комплексный подход к решению всех макроэкономических проблем, включая повышение доходов и эффективности расходов средств госбюджета. Что касается самой долговой политики, то наряду с внесением посткризисных коррективов в ее общую стратегию настало время для определенных институциональных изменений. Прежде всего, речь идет о создании механизма, который позволил бы осуществлять мониторинг и определенное регулирование корпоративной задолженности, которая в настоящее время таит наибольшие угрозы макроэкономической стабильности страны.

Литература

1. Аналитический доклад по результатам анализа механизма учета и отчетности участников процесса управления государственным долгом Российской Федерации // Бюллетень Счетной палаты РФ. – 2009, № 5. – С. 196–203.

2. Ведомости. – М., 2009, 5 мая.

3. ЕБРР поможет // Ведомости. – М., 2009, 22 мая.

4. «Настюша» теряет активы // Ведомости. – М., 2009, 6 июля.

5. Федеральный закон от 2 декабря 2009 г. № 308-ФЗ «О федеральном бюджете на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов». Приложение № 21; Приложение № 22 // Парламентская газета. – М., 2009, 8 декабря 2009 г.

6. Письменная Е., Кравченко Е., Хуторных Е. Займы под контролем // Ведомости. – М., 2009, 24 декабря.

7. Степашин С. В долгу у самих себя // Российская газета. – М., 2009, 8 октября.

8. Сторчак С. Условные обязательства. – М., 2009. – 464 с.

9. Танас О. Правительство ограничит корпорации извне // http://www.gazeta.ru/financial/2009/12/23/3303183.shtml

10. Федоринова Ю., Письменная Е. Помощь Дерипаске // Ведомости. – М., 2009, 20 ноября.

11. Хейфец Б.А. Долговая политика России: актуальные проблемы. – М., 2007. – С. 37–51.

12. The independent. – L., 2008. – March 11.

***Н*.В. Панкевич**

ДИСПРОПОРЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РФ: ПРОБЛЕМА БЕЗ РЕШЕНИЯ?*

Панкевич Наталья Владимировна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург.

Последнее десятилетие стало для России периодом стабильного экономического подъема и социального развития. В 2008 г. национальная экономика вышла на шестое место в мировом рейтинге по показателю объема ВВП по паритету покупательной способности[1], уверенно обогнав такие развитые страны, как Канада, Бразилия, Италия, Франция, Великобритания. Тем не менее подобный рост сегодня не только является поводом для оптимизма перед лицом разворачивающегося мирового кризиса, но и заставляет вновь поднять проблему регионального развития страны.

Не секрет, что диспропорции социально-экономического развития российских регионов давно и закономерно возглавляют список ключевых, однако по сей день не решенных политических проблем. Статистические исследования все чаще выявляют поистине катастрофические разрывы в уровнях развития отдельных территорий страны, между составляющими ее субъектами Федерации и макрорегионами. И даже внутри самих регионов существует критический уровень неодновременности и неравномерности. Растет разрыв между региональными центрами и городами второго эшелона, малыми населенными пунктами. Благополучные города соседствуют с явно вымирающими и фактически используют их как источник более дешевой рабочей силы, ресурс внутренней трудовой миграции. Еще более сложная

* Публикация осуществляется при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-03-83304 а/у.

1. Оценка МВФ на октябрь 2008 г.: World economic and financial surveys. World economic outlook database. – Mode of access: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/02/weodata/index.aspx

обстановка складывается в аграрных территориях и сельскохозяйственных районах, которые практически утратили возможность для самовоспроизводства.

Российский народ вынужденно распределен между полюсами избыточного потребления и нетерпимой в рамках социального государства нищеты. Доступность конституционно гарантированных прав резко разнится в зависимости от места жительства, что прямо противоречит принципам равноправия и справедливости, особенно в том случае, если значительная часть российского социума оказывается отрезанной от возможности потребления услуг и благ, гарантом которых выступает само государство. Исследования показывают, что именно региональная специфика, уровень развития региона являются сегодня не просто одним из факторов, влияющих на распределение уровня благосостояния и социальное неравенство. Это фактор, доминирующий в объяснении и интерпретации причин социальной дифференциации российского общества[2]. Ни гендерная принадлежность, ни состав семьи, ни уровень образования, ни другие факторы, значимые для иных политических систем, не вносят столь существенного вклада в формирование общества неравенства в России, как его пространственная организация.

В стране сложилась ситуация, когда часть ее территорий находится на одном уровне развития с лидерами мировой экономики (например, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа в составе Тюменской области, где объем производства валового регионального продукта по паритету покупательной способности сопоставим с экономиками Норвегии и Сингапура), однако в Российской Федерации существуют поистине депрессивные регионы, подобные Ингушетии, где уровень развития сопоставим с Бангладеш и Ганой, занимающей по этому показателю 96-е место в мире[3].

Чрезвычайно важно и то, что значимость пространственного фактора нисколько не снижается с течением времени, несмотря на масштабные усилия федерального центра в осуществлении политики выравнивания уровней развития различных территорий и регионов.

По данным Министерства регионального развития, отраженным в концепции Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации*, в конце 1990-х годов, на старте новой российской государствен-*

2. Вступление России в ВТО: мнимые и реальные социальные последствия / Под ред. Овчаровой Л.Н. – М., 2004. – С. 58.

3. Ким А. Российские регионы по уровню ВРП соответствуют разным странам мира // Финанс. – М., 2008. – № 25. – Режим доступа: http://www.finansmag.ru/articles/700; см. также расчеты по базе данных МВФ: Mode of access: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/02/weodata/index.aspx

ности, разрыв между субъектами РФ по объемам производства валового регионального продукта (ВРП) на душу населения составлял 18,9 раза и существенно превышал аналогичные показатели как большинства развитых, так и беднейших государств мира. К 2006 г. этот разрыв увеличился практически в 1,5 раза и составил 26,9 раза[4].

Последнее прямо указывает на крайнюю поляризованность развития страны, ее мозаичность как в экономическом, так и в политическом, идеологическом и социальном пространствах в течение всего периода реформ. Россияне живут в разных измерениях, территории с постиндустриальным укладом жизни и структурой экономики соседствуют с деиндустриализованными регионами, которые не только стремительно теряют экономический вес, но в результате закономерного процесса депопуляции превращаются в новые неосвоенные территории.

Подобную динамику сегодня невозможно объяснить только «эффектом колеи», зависимостью от предыдущих стадий, когда неравномерность развития российских регионов легко можно было оправдать неравенством политических условий, в которых находились отдельные субъекты Федерации, неравнозначностью их конституционных статусов, реального объема прав и ресурсов, который контролировали региональные администрации. И соответственно, возможностями региональных элит к активному стратегическому действию в интересах подведомственной территории.

Следует отметить, что ни одна из реформ государственного устройства, ни децентрализация политической системы 1990-х годов, ни ее реинтеграция и восстановление вертикали управления в 2000-х, не внесли существенного вклада в эффективное разрешение проблемы неравномерности регионального развития. В условиях последовательно сменявших друг друга реформ региональная дифференциация в России только усугубилась. В 1998 г. душевое производство ВРП в десяти наиболее экономически развитых регионах России превышало среднестатистический уровень в 2,5 раза, а в 2000 г. – уже в 3,2 раза. К 2004 г. 10–12 субъектов Федерации из 89 обеспечивали более 50% ВВП страны[5]. *В 2006 г. ту же половину производства ВВП осуществляли уже всего девять субъектов Федерации*[6]. *Заметим, что шесть из них не представляют собой разрозненные единицы, разбросанные по всей*

4. Рассчитано по данным Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b01_19/IssWWW.exe/Stg/d000/vrp98-06.htm

5. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.minregion.ru/WorkItems/DocItem *aspx?DocID=136&PageID=148*

6. Рассчитано по данным Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b01_19/IssWWW.exe/Stg/d000/vrp98-06.htm

территории страны, и составляют два крупных экономических района. Это, во-первых, Москва и Московская область, в сумме дающие более 27% совокупного ВРП страны. Во-вторых, Тюменская область и автономные округа, входящие в ее состав (11,7%). К этому же крупному региону непосредственно прилегает Свердловская область, вносящая еще 2,9% в совокупный ВРП. Невозможно искусственно провести границы между экономическими и социальными комплексами подобных территорий, даже если они подпадают под юрисдикцию разных региональных администраций. Среди других лидеров российской региональной экономики, вносящих наибольший вклад в производство совокупного ВРП, – Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Красноярский край. Нетрудно заметить, что фактор разнообразия законодательных статусов регионов, столь актуальный для 1990-х годов, сегодня не имеет принципиального значения для формирования лидерских позиций.

Одновременно в 60 субъектах Федерации на 2006 г. региональное производство в каждом из них не дотягивает до 1% всего объема ВРП, в том числе в семи из них – не дотягивает даже до десятой доли процента (республики Ингушетия, Алтай, Калмыкия, Тыва, Адыгея, Чукотский АО, Еврейская АО).

Таким образом, региональные диспропорции равным образом нарастали в рамках обеих парадигм государственного управления. И в период стремительной децентрализации, совпавшей с серьезными экономическими проблемами, создавшими условия для стабильности лишь экспортно-ориентированных регионов, и в условиях рецентрализации и стабильного экономического подъема различия обозначались все более четко. Примечательно, что для всех периодов не фиксируется существенное изменение состава регионов, которые наращивают свой потенциал по отношению к другим, используя преимущества как экономического бума, так и рецессии. Совершенно противоположные по своему вектору тенденции макроэкономического характера равным образом работают в интересах одного и того же круга субъектов Федерации.

Все эти факторы предполагают необходимость активных действий по преодолению столь значимых негативных эффектов со стороны федерального центра. Фактически программа реформ, направленная на решение этой проблемы, сосредоточилась в двух направлениях. Во-первых, федеральный центр осуществил концентрацию экономически значимых ресурсов за счет реформы налогового законодательства. Налоговая база, доступная регионам, была перераспределена в пользу центра. Это дало ему возможность проводить активные редистрибутивные действия, что потребовало внести коррективы в бюджетную политику и процесс межбюджетных отношений. Во-вторых, экономическое доминирование центра было закреплено реформой политической, при которой федеральный центр существенно сократил

фактические полномочия и возможности региональных администраций, а всю их деятельность, принципы формирования и функционирования поставил в зависимость от многочисленных контрольных механизмов федерального значения. Таким образом, сформировалась достаточно централизованная модель государственного управления, основанная на политической и экономической недостаточности регионов при радикальном усилении федерального центра.

Но даже масштабные усилия федерального центра по выравниванию экономического положения регионов за счет усиленной распределительной политики оказались малозначимыми: в 2000 г. финансовая помощь Федерации регионам и муниципалитетам составляла 8,09% в структуре расходов федерального бюджета, будучи третьей по объему выделяемого финансирования статьей. За прошедшие несколько лет значимость этой статьи в структуре расходов федерального бюджета существенно увеличилась. В 2003 г. объем помощи другим бюджетам бюджетной системы составлял уже 13,61% от расходной части федерального бюджета. К 2005 г. эта статья занимает в расходной части федерального бюджета 31,32% и является самой значимой по объему затрат[7].

В 2006–2008 гг. к этому добавился новый редистрибутивный механизм – программы по реализации национальных проектов, которые перенаправляют значительные объемы федеральных средств на региональный уровень.

Показательную динамику дает анализ данных по доле федеральной помощи в региональных бюджетах с 2000 по 2004 г.[8]*. Во-первых, происходит сокращение численности малозависимых региональных бюджетов. Если в 2000 г. число регионов, в бюджетах которых доля федеральной помощи была менее 10%, составляло 22 (или около четверти всех субъектов), то уже в 2001 г. эту группу составили всего восемь регионов, в 2002 г. – всего семь. К 2004 г. три региона «вернули» себе утраченные позиции. Однако даже в этой группе доля федеральной помощи в региональных бюджетах в среднем увеличилась в 2 раза.*

В настоящее время абсолютное большинство региональных бюджетов находится в группе, бюджеты которых на 30–40% состоят из федеральных перечислений. Следует также отметить, что расширение этой группы происходило не за счет снижения федеральной помощи высокодотационным

7. Информационно-аналитический комплекс «Бюджетная система РФ». – Режим доступа:
http://www.budgetrf.ru/Publications/2005/Adoption/Federal/Npd/Budgetlaws/173fz231204/173fz231204_short.htm

8. Здесь и далее рассчитано по данным Минфина об исполнении бюджетов субъектов Федерации. – Режим доступа: http://www. minfin.ru

регионам, не за счет повышения их экономической самостоятельности, но за счет наращивания федеральной компоненты в малодотационных бюджетах.

Достаточно интересны следующие данные: вне федеральной помощи абсолютное большинство профицитных региональных бюджетов становятся дефицитными. Причем объем федеральной помощи оказывается достаточным только для покрытия разницы между реальными расходами и доходами региональных бюджетов. Иными словами, несмотря на различия в абсолютных объемах перечисления и процентном соотношении долей федерального финансирования и собственных доходов в региональных бюджетах, центр осуществляет единую политику в отношении субъектов Федерации и обеспечивает себе равномерное распределение бюджетного влияния по всей территории РФ. Причем это влияние имеет не только сугубо экономический характер, но и блокирует региональную административную самостоятельность: у регионов не остается средств для осуществления дополнительных функций и инициативных программ.

Описанная структура управления государственными финансами имеет очевидные политические последствия. Начиная с 2000-х годов федеральный центр формирует и закрепляет вертикальный дисбаланс финансовой системы, при которой собственные источники дохода регионов, включая налоговые поступления и доходы от управления экономическими ресурсами, не являются достаточными для осуществления расходных полномочий, даже в их обязательной части. Региональные и местные администрации в отсутствие федеральной помощи оказываются неспособными к выполнению своих обязательств, даже при эффективных налоговых усилиях с их стороны.

Дальнейшее нарастание дисбаланса регионального развития или даже простая его консервация представляют собой серьезную угрозу для благополучия страны, ее государственного единства. От решения этой проблемы зависят адекватное встраивание России в международную политическую систему, участие в международной конкуренции с позиций, соответствующих ее ресурсному, человеческому, политическому значению. Эта задача тем более актуальна, что, по экспертным оценкам, ежегодные потери страны от неэффективной пространственной организации оцениваются в 2,25–3,0% ВВП[9].

Следует отметить, что, несмотря на интенсивность редистрибутивных процессов, новый формат государственного управления не решил значительной части заявленных модернизационных задач. Эффекты централиза-

9. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx?DocID=136&PageID=148

ции коснулись скорее формата циркуляции политически и экономически значимых ресурсов, а также групп, которые их контролируют, что позволяет говорить о ее эффективности исключительно как технологии оптимизации дистрибутивных отношений между элитными группами. *Активная централизация государственного управления на данный момент не смогла решить ни задач выравнивания ландшафта экономического пространства страны, ни проблему бюджетной достаточности отдельных регионов, ни вопрос установления единых правил формирования бюджетных потоков, ни многочисленные социальные проблемы, имеющие общенациональный характер.*

По данным Министерства регионального развития РФ на конец 2006 – начало 2007 г., как и прежде большинство регионов продолжают эксплуатировать ресурсы федерального трансферта, и лишь 16 из них могут уйти от дотационности. Положение дотационных регионов в значительной степени оптимизировалось, поскольку в новых условиях от них не требуется организации системы политической поддержки своих интересов, а от руководителей регионов – решения вопросов электоральной легитимации своих полномочий.

Несмотря на декларируемую формализацию межбюджетных отношений, Счетная палата РФ зафиксировала, что при формировании бюджета 2007 г. не были соблюдены требования 30 статей Бюджетного кодекса. Нет прозрачности в системе предоставления трансфертов на адресные субсидии гражданам (на оплату жилья и коммунальных услуг, на транспорт и пр.)[10]*, т.е. именно того комплекса мер, который способен эффективно решать задачи выравнивания региональных диспропорций. Практически неограниченные возможности для неформальной коммуникации между центром и отдельными регионами представляют федеральные целевые программы, а также программы по созданию в субъектах Федерации особых экономических зон по промышленности, туризму и пр.*

К 2008–2009 гг. ситуация продолжает отражать крайние диспропорции регионального развития, которые не ограничиваются уровнем производства и потребления, но распространяются буквально на все сферы общественной жизни. Разрывы фиксируются в уровне доступа к системам образования, здравоохранения, социального обеспечения. Существенно разнится уровень бюджетных расходов в отдельных регионах. Бюджетные расходы на душу населения в 2008 г. в Москве составили рекордные 133 тыс. руб., что почти в 2 раза выше, чем в Петербурге, и практически в 10 раз

10. Режим доступа: http://www.minregion.ru/WorkItems/NewsItem.aspx?NewsID=493&PageID=340

больше того же показателя в Самаре, Казани, Омске, Нижнем Новгороде, Уфе, других городах-миллионниках России[11].

Парадоксальным образом в новых условиях воспроизводится система асимметричной Федерации, которая воспринимает эту форму уже не в силу разнонаправленных стратегий регионов, что было характерно для 1990-х годов, а в силу специфичной политики центра в отношении различных регионов. *Сегодня этот ресурс остается одной из немногочисленных возможностей для реализации региональной автономии, который может использоваться региональными группами, несмотря на то, что они теряют свой независимый статус, а их возможности к самостоятельному политическому действию все более ограничиваются.*

В современных условиях центр как и прежде вынужден ранжировать отдельные регионы по степени их политической и экономической значимости. Это практически неизбежно ведет к дифференциации федеральной политики в отношении различных групп регионов. Политика центра в стратегически значимых регионах приобретает наиболее интенсивный характер. Подобные регионы имеют возможность привлечь наибольшее количество федеральных ресурсов. Именно в таких регионах наблюдаются наиболее заметные действия по достижению контроля над региональной политикой, и в первую очередь, над персональным составом управленческого корпуса. Наиболее эксплицитно это проявляется в современной тенденции назначения губернаторов из числа внешних по отношению к ряду ключевых регионов персоналий.

Усилий федерального центра оказалось достаточно только для того, чтобы выравнять политическое пространство, в котором существуют субъекты Федерации, поставить региональные политические процессы под контроль федеральных факторов. Обязательное присутствие в региональной политике федеральных партий, введение принципа назначаемости губернаторов, наращивание контрольных механизмов, безусловно, создают в регионах равные условия политического характера.

Однако принципиально важным в терминах регионального развития оказывается следующий важный эффект от действий федерального центра. Резкое сокращение сферы полномочий региональных администраций, постановка ключевых институтов регионального управления под жесткий федеральный контроль, а также концентрация ресурсов экономического характера в федеральном центре сводят к минимуму возможности региональной инициативы. Политически этот дефицит инициативы закрепляется за счет нового способа формирования кадрового состава региональных администт-

11. Режим доступа: http://rating.rbc.ru/articles/2008/08/26/32083992_tbl.shtml?2008/08/26/32083983

ративных элит. В условиях доминирования принципа назначаемости, при возросшем уровне значимости федерального партийного контроля основным источником легитимности для них сегодня являются не население и заинтересо-
ванные группы, но корреспондирующие органы управления федерального уровня.

В экономическом плане в рамках сложившейся модели государственного управления резко возрастает привлекательность федеральных бюджетных ресурсов, а стратегическая инициатива региональных властей сводится преимущественно к лоббированию бюджетных интересов территорий на федеральном уровне исключительно в рамках государственной системы. Большинство инициатив региональных властей в последние годы имели характер собственно лоббистских усилий, целью которых была либо эксклюзивная локализация федеральных ресурсов в границах своих регионов, будь то проекты создания гигантских промышленных зон (подобных Титановой долине в Свердловской области), создание технопарков, формирование рекреационных зон, федеральных мегауниверситетов и т.д., либо включение региона в федеральные проекты инфраструктурного развития. И в этом смысле региональное развитие ставится в прямую зависимость от таких внеинституциональных факторов, как персональная эффективность представителей администраций субъектов Федерации, наличие у них разветвленной и устойчивой системы межличностной коммуникации с представителями органов управления федерального уровня.

В то же время в условиях разворачивающегося глобального кризиса привлечение в регионы частных инвестиций на внутренних и зарубежных рынках становится все более проблематичным, особенно учитывая политическую ограниченность самостоятельного действия региональных властей. Отток из регионов частного капитала, замораживание значительной части инвестиционных проектов, ставшие нормой уже со второй половины 2008 г., создают все условия для дальнейшего роста политической значимости федерального центра как источника собственно экономического благополучия на региональном уровне. И поскольку подобная коммуникация между уровнями управления сегодня не контролируется обществом, то можно прогнозировать дальнейшее повышение уровня непрозрачности российского государственного управления, возрастание степени неопределенности в принятии решений относительно региональных проектов.

Практически единственным источником и ресурсом развития территорий страны становится федеральный центр. Именно ему принадлежат стратегическая инициатива и право определения перспектив развития всей пространственной структуры страны. Политические возможности и эко-

номический потенциал региональных администраций даже в благополучных регионах сегодня несопоставимы с потенциалом федерального центра.

Однако анализ стратегии пространственного развития, предложенный федеральным центром, отнюдь не внушает оптимизма в плане того, что данный комплекс мер способен внести существенный вклад в решение проблемы диспропорциональности регионального развития. Заявленная федеральным правительством целевая политика, направленная на «развитие конкурентоспособных в глобальном масштабе территориальных производственных кластеров, на обеспечение перехода к поляризованному развитию и создание пространственного каркаса страны из "опорных регионов"»[12]*, предполагает в краткосрочной перспективе нарастание региональных диспропорций как экономического, так и социального характера. И только в среднесрочной перспективе возможно появление условий для их преодоления за счет трансфера позитивных изменений, а точнее, перераспределения добавочных ресурсов от более развитых регионов в пользу менее развитых. Это также подтверждается тезисом* Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации *о том, что в перспективе 10–12 лет успешный регион – локомотив развития – должен стать «девелопером» для соседних территорий. А предложенная идея «новой регионализации» – консолидации ресурсов российских регионов «для ускоренного экономического роста и изменения структуры экономики»*[13] *– имплицитно подразумевает и фактически переносит проблематику выравнивания социально-политического и экономического пространства на уровень регионов.*

Нетрудно заметить, что подобный процесс является скорее производной от благоприятных условий, в которых экономика имеет тенденцию к расширению и преодолению границ региональных комплексов. Однако этот же процесс не является объектом прямого регулирования ни одного из уровней управления, поэтому реально гарантировать реализацию подобной цели вряд ли возможно.

Таким образом, если данный комплекс мер будет осуществлен в полной мере, в средне- и долгосрочной перспективе можно прогнозировать дальнейший рост региональной специализации и связанных с ней неравенств развития. Наибольшие выгоды в рамках этой системы могут получить регио-

12. Концепция стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx?DocID=136&PageID=148

13. Концепция стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx?DocID=136&PageID=148

ны, готовые к глубокой интеграции в структуру мировой экономики, однако именно для этих регионов резко возрастают риски, связанные с сегодняшней экономической нестабильностью глобального характера.

Между тем ресурсно зависимая стратегия развития экономики российских регионов в интерпретации федерального центра по-прежнему остается базовой идеологемой. Основные направления развития федеральных округов, заявленные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года[14], *представленной МЭРТ и принятой Правительством РФ 17 ноября 2008 г., прямо свидетельствуют о том, что сырьевая направленность развития остается доминирующей. Основной перспективой для регионов Арктики и Дальнего Востока, Уральского ФО, Северо-Западного ФО остаются освоение природных ресурсов океанского шельфа, добыча углеводородного сырья, минеральных ресурсов. Для Сибирского ФО сформулирована стратегия эффективного использования природных ресурсов, в Центральном ФО приоритетом становится модернизация производств, эксплуатирующих ресурс Курской магнитной аномалии, и т.д.*

Несмотря на используемую риторику о внедрении новых высоких технологий, создании конкурентоспособных производственных кластеров, тенденция остается прежней. Конкурентными преимуществами регионов, которые должны стать основой их развития, остаются углеводороды, лес, пахотные земли, запасы минеральных ресурсов и ресурсов океана. За счет эксплуатации сырьевого сценария развития для абсолютного большинства территорий РФ возможность для ускоренной модернизации получает лишь меньшинство субъектов Федерации, локализованных преимущественно в Центральном ФО. Развитие и рост закладываются как целевые приоритеты для небольшого числа крупных городов и городских агломераций. Очевидно, что исполнение данного сценария даже при достижении заявленных параметров развития в целом по России приведет лишь к дальнейшему обострению проблемы региональных дисбалансов и разрывов в уровнях развития.

В новых условиях система воспроизводит традиционные пороки, преодолеть которые сегодня не в состоянии ни федеральный центр в отсутствие видения реальных механизмов решения этой задачи, ни региональные администрации в отсутствие реального объема политических полномочий и экономического потенциала. Сложившийся формат распределения ресурсов и полномочий между уровнями, ответственными за социальное и экономическое развитие регионов, отличается кардинальной неэффективностью.

14. Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/myconnect/economylib/mert/welcome/pressservice/eventschronicle/ *doc1217949648141*

Представляется, что подобный эффект объясняется несколькими важными факторами. При явно превышающем средние страновые значения внутренней региональной дифференциации российский опыт все же не является чем-то совершенно уникальным. Глобальный тренд демонстрирует тенденцию к «стягиванию» и сжатию пространств, для которых характерен повышенный и ускоренный темп развития. Городские агломерации растут быстрее регионов, в которые они входят, благополучные регионы получают преимущественный доступ к источникам роста и прогресса в отличие от их менее удачливых соседей.

Фактически для всего современного мира характерен процесс складывания нового формата пространственной организации социальных и политических систем, которые отличаются одновременно сверхконцентрацией ресурсного потенциала в ряде немногочисленных и компактных узлов и в буквальном смысле слова опустыниванием остальной части территорий.

Но является ли включенность России в глобальный тренд поводом для того, чтобы слепо следовать ему и позволять распространять сопоставимые пространственные эффекты на все большее количество регионов? Представляется, что подобная ситуация не является в российских условиях вполне естественной и нормальной. Существенным и главным отличием российского региона – субъекта Федерации является принципиальная неспособность к осуществлению стратегического действия за пределами системы государственного управления. Несмотря на обширную риторику о необходимости усиления региональной конкурентоспособности, основанной на стратегическом видении, активной инициативной деятельности региональных администраций в отношении частного корпоративного сектора, в том числе зарубежного, подобная концепция вряд ли заработает без надлежащего изменения формата распределения полномочий между уровнями управления.

Если среднестатистический регион, входящий в состав развитых стран, может позволить себе стиль поведения как достаточно автономный и ответственный участник мирового рынка, не вписанный в более общие политические универсалии, то регионы России испытывают явный дефицит подобной свободы и в политическом, и в административном, и в законодательном смыслах.

Стратегическое действие региональных администраций возможно лишь в ограниченном числе типов политических систем, где они, во-первых, конституционно или законодательно наделены соответствующими полномочиями и, во-вторых, обладают соответствующими ресурсами для ведения переговоров с корпоративными контрагентами. Этот набор условий выполняется для систем, построенных на принципе дуализма центрального и регионального уровней управления, каждый из которых наделен соответст-

вующими функциональными полномочиями. Фактически только в немногочисленных системах англо-американского типа и в радикально регионализованных государствах возможна ситуация осуществления на региональном уровне полноценного самостоятельного стратегического действия.

В результате выгоды от подобной стратегии могут извлечь лишь регионы, которые де-факто обладают значительной степенью автономии и одновременно действительно являются равным по мощи контрагентом по отношению к корпоративному капиталу: отсутствие второго обозначенного условия делает регионы просто контейнерами ресурсов, легко доступных для изъятия как федеральным центром, так и частными экономическими агентами.

Справедливости ради следует отметить, что реализация подобной стратегии действительно создает немало шансов для поиска эффективных решений регионального развития даже в депрессивных территориях, конструирования собственных конкурентных преимуществ и неконкурентного позиционирования в структурах страновой и глобальной экономики. Шансы для того, чтобы стать «чемпионом в одном виде спорта», неизменно остаются высокими для всех участников[15]. Но эти участники непременно должны иметь минимальный обозначенный набор институционально защищенных ресурсов, гарантирующих необходимую степень автономии.

В отношении всех остальных институционально иначе оформленных политических систем, включая и современную Россию, регионы не имеют возможности извлечь выгоды из концепций поляризованного развития и региональной конкурентоспособности. Более того, попытки политических центров применить к ним подобную концепцию, искусственно заставить их конкурировать между собой ведут лишь к нарастанию негативных последствий.

Последнее предполагает новый этап корректировки формата распределения функциональной ответственности за региональное развитие между федеральным центром и субъектами Федерации, очередной доработки модели федеративного устройства.

15. Федотова В. Модернизация и глобализация // Мегатренды мирового развития. – М., 2001. – С. 31–91.

Е.Е. Шестакова

КОНЦЕПЦИЯ «СОЦИАЛЬНОГО КАЧЕСТВА» КАК НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Шестакова Елена Евгеньевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Современные европейские государства благосостояния вступили в новый этап своего развития, для которого характерен поиск новой социальной модели. Причины этого связаны не только с тяжелым экономическим кризисом. Они уже давно сталкиваются с серьезными вызовами, являющимися результатами как внешних процессов развития (интеграция и глобализация), так и внутренних социально-экономических трансформаций (демографические изменения, увеличение миграционного потока, формирование новых потребностей населения в сфере социальной защиты и др.)

Интеграционные процессы сужают возможности национальных правительств в проведении экономической и социальной политики, переводят отдельные вопросы ее формирования в компетенцию международных органов, меняют направление и приоритеты проводимой социальной политики.

Глобализация и развитие информационного общества ведут к изменениям в области занятости и в структуре социальных рисков и формированию дуалистичной постиндустриальной экономики, предъявляющей спрос как на квалифицированных специалистов, так и формирующей рынок низкооплачиваемых, рутинных услуг, и снижающей надежность рабочих мест в промышленности. По меньшей мере половину существовавшего спроса на рабочую силу в ЕС в докризисном периоде составлял спрос на работников высокой квалификации, в том числе четверть – на работников в сфере информационных технологий. В то же время более трети рабочей силы относились к категории работников низкой квалификации: один из шести молодых людей покидает школу не получив полного среднего образования и минимальной квалификации (4, с. 14). По данным Евробарометра, половина

граждан ЕС в 2007 г. назвали безработицу одним из двух наиболее важных вопросов своей страны (в 2 раза превышающим проблему преступности, медицинского обслуживания или иммиграции). Одновременно меняются мотивы, установки, потребности населения: все в большей степени становится характерной дифференциация жизненных стилей и индивидуальных условий жизни при одновременном возрастании разнообразия и степени социальных рисков. Жизненные шансы современных индивидов зависят в значительной степени от состояния рынка труда, образования, правовой системы, возможностей медицинской, психологической и социальной помощи, что в свою очередь формирует потребность в социальном государстве не только на коллективном, но и на индивидуальном уровнях, индивидуализации социальной поддержки и ухода от присущего ей патернализма. Желание защитить частную жизнь и естественные права граждан становятся одной из важнейших причин усиления интереса к возможностям индивидуальных систем страхования и развитию взаимопомощи и самопомощи в рамках гражданского общества.

Появляются новые уязвимые точки и новые риски. Так, современные реформы социального обеспечения и здравоохранения в Европе предполагают повышение участия получателей услуг в покрытии медицинских расходов, ужесточение условий предоставления социальных льгот, повышение пенсионного возраста и расширение мер стимулирования занятости.

Более четверти (28%) европейской рабочей силы ощущают риск для своего здоровья из-за условий труда или рабочих перегрузок. Несмотря на сохранение широкой системы социальной поддержки, появляются новые группы населения, которые не удовлетворены своим положением, неравным и несправедливым доступом к социальным услугам. Более влиятельные в обществе группы эффективно используют находящиеся в их распоряжении ресурсы для сохранения своего привилегированного положения. Заметная часть (16%) европейской рабочей силы относится к категории самозанятых (что особенно популярно среди пожилых работников) и 18 – наемные работники, занятые неполное рабочее время, 14 – имеющие временные контракты (4, с. 22). Для этих категорий наиболее высок риск нестабильной занятости. Связанные с занятостью системы обязательного социального страхования, успешно действовавшие в условиях стабильной полной занятости и пожизненного найма, снижают свою эффективность в отношении работников с нерегулярной занятостью или в кризисных условиях. Легальная иммиграция в ЕС составляет 1,5 млн. человек в год. Одним из новых поводов потенциальных и реальных конфликтов в европейских обществах является доступ мигрантов к правам и услугам, при этом распространенной реакцией является защита национальных культур и национальных ресурсов. В Германии в вузы поступает только один из десяти турок, живущих в стране, сре-

ди коренного населения этот показатель один из четырех. Около 2/3 (60%) граждан ЕС считают необходимым установление лимита на прием иммигрантов. Сталкиваясь со множеством угроз экологического, техногенного, социального, криминального происхождения, от которых власть не может защитить, человек ищет поддержку в других общественных институтах: организациях самозащиты, этнических, религиозных и др. Государства благосостояния ищут пути приспособления своих систем социальной защиты не к узкому универсальному набору, а к широкой гамме индивидуальных рисков.

Разрабатываемая с начала 90-х годов концепция «социального качества, заявляется авторами как новая общеевропейская социальная модель, направленная на достижение качественного гражданства и социальной включенности. Одновременно авторы считают ее своеобразной альтернативой узкой неолиберальной идеологии глобализации, выражающейся в социальной сфере пересмотром социальной ответственности государства, уменьшении социальных расходов. Неолиберальные рецепты приватизации и маркетизации социальных услуг, поддержка индивидуализации удовлетворения социальных потребностей и замены социальной солидарности индивидуальной социальной ответственностью, с точки зрения разработчиков концепции, чреваты повышением риска бедности и социального исключения для значительной части населения, что в свою очередь несет угрозу для устойчивого развития (6).

В качестве интеграционной формы взаимодействия экономической и социальной политики предлагаемая концепция социального качества создает условия и механизмы обеспечения гражданам достойной жизни, минимизации социальных рисков и формирования условий для самореализации потенциала личности. Под социальным качеством авторы понимают «степень, в которой люди способны участвовать в социальной и экономической жизни их сообществ на условиях, способствующих повышению их благосостояния и индивидуальных возможностей» (6, с. 49). Это подразумевает приспособление государства благосостояния к новому типу гражданина, соединение индивидуализма и свободы выбора с солидарностью, когда помощь со стороны государства и гражданского общества может увеличить выбор человека, а не ограничить его. Высокое социальное качество основывается на способности и готовности общества обеспечивать благополучие всех своих членов, минимизируя диспропорции в развитии и избегая маргинализации людей.

Государство благосостояния уже не ставит перед собой задачу помочь всем и во всем, обеспечить всеобщее благоденствие. Главной задачей становится совмещение государственного участия с участием граждан, достижение равновесия между возможностями государства благосостояния и растущими потребностями общества, компромисса между уровнем соци-

альной защиты, который общество считает необходимым иметь и готовности граждан его финансировать.

Концепция социального качества возникла одновременно с изменением подхода ЕС к вопросу социальной защиты. В 1995 г. Комиссия ЕС зафиксировала в своих итоговых документах, что «система социальной защиты может действовать как продуктивный фактор, который влияет на экономическую и политическую стабильность, и помогает европейской экономике быть более эффективной, гибкой, и, наконец, лучше функционировать» (3). Этот поворот касался не только изменения определения социальной защиты как действенного фактора экономической и политической стабильности, но и предполагал поворот от стратегии конвергенции национальной политики

к стратегии углубления кооперации между государствами и ЕС на основе обмена опытом, политических дискуссий, мониторинга достижений.

В концепции социальной защиты ЕС как продуктивного фактора главным образом затрагиваются вопросы институциональных сетей, систем, норм, рыночных отношений, а ее основой выступает доход. Поэтому главными целями социальной защиты провозглашаются обеспечение оплачиваемой занятости и гарантирование пенсионных выплат и стабильности пенсионной системы. Занятость, усиление индивидуальных стимулов и развитие трудовой этики доминируют в вопросах социальной политики, обсуждаемых на уровне ЕС. Основной элемент модернизации системы социальной защиты включают вопросы борьбы с безработицей, социальной и экономической реинтеграцией безработных. Происходит постепенный сдвиг от идеи социального гражданства к равенству возможностей и преодолению социальной эксклюзии, т.е. переход от обеспечения благосостояния к обеспечению работой.

Социальное качество расширяет круг субъектов социальной политики, включая в них государственные и неправительственные организации, различные группы граждан; ориентирование на достижение социально-экономической безопасности, обеспечение жильем, медицинским и социальным обслуживанием, работой, услугами образования.

Другой новый аспект, который также не нашел полного отражения в теории социальной защиты – проблема взаимодействия между зависимостью и автономностью. Разработчики теории социального качества рассматривают их как различные стороны жизненного цикла человека, а не альтернативы. Понятие равенства трактуется не только с точки зрения равного доступа к ресурсам, права на уважение и признание культурных различий, но и равенство в эмоциональном отношении, возможность в адекватных формах получать и обеспечивать любовь, заботу, солидарное отно-

шение в личных взаимоотношениях, в трудовом коллективе, в местном сообществе.

Помощь человека человеку является одной из важнейших имманентных характеристик человеческого бытия, одним из наиболее демократичных видов деятельности, поскольку позволяет включиться в нее любому члену общества. Одновременно это накладывает определенные обязательства на общество, члены которого обязаны оказывать друг другу содействие в разрешении их проблем. Саморазвитие и самопознание происходит в процессе предоставления и получения помощи от окружающих. Концепция социального качества учитывает не только наличие социальных прав, но и наделение полномочиями, правом быть самостоятельными и уметь защищать себя.

В основную структуру социального качества входят четыре компонента (см. табл. 1).

Таблица 1

КВАДРАТ СОЦИАЛЬНОГО КАЧЕСТВА

Социально-экономическая защищенность / незащищенность	***Социальная включенность / исключенность (депривация)***
Социальная сплоченность / фрагментарность	***Социальная автономность / зависимость***

Все они дуалистичны и предполагают как возможность поступательного развития, так и регресс. Социальное качество в основном ориентировано на взаимодействие между институтами, с одной стороны, и сообществами и индивидами – с другой. Оно акцентирует внимание и на процессе, и на результате. Так, социально-экономическая безопасность имеет два аспекта: во-первых, она связана с обеспечением благосостояния и необходимой безопасной жизнедеятельности граждан: гарантии доходов, социальной защиты, охраны здоровья и медицинского обслуживания, безопасных условий труда и личной безопасности, т.е. защитой от социальных рисков. В этой части особенно важна роль государства и социальных институтов. Никакая активизация не способна заменить традиционные способы поддержки доходов, а низкий уровень финансирования здравоохранения и образования позволяет прогнозировать экономический ущерб в перспективе в виде снижения качества человеческого капитала, роста смертности, инвалидности и т.д. Органы власти на рынке труда не ограничиваются установлением «правил

игры» по найму и увольнению работников и оказанием услуг по трудоустройству и социальной поддержке безработных. В их функции входит создание и совершенствование системы мониторинга и прогнозирования ситуации на рынке труда, содействие занятости и повышению качества рабочих мест, совершенствование форм социального партнерства, повышение территориальной мобильности рабочей силы, обеспечение сбалансированности профессионального образования и спроса на рабочую силу. С ростом благосостояния возрастает спрос на нематериальные блага, т.е. блага, которые нельзя оценить в денежном выражении, например право выбора места жительства, право на свободу информации, возможность участия в решении проблем страны или локального сообщества.

Второй аспект безопасности касается жизненных шансов. Здесь также важна роль государства и его институтов, их норм, форм стандартизации, режимов. В условиях рыночной экономики и политической демократии действует множество различных интересов, каждый из которых имеет право на существование, поэтому их достаточно сложно согласовать. И одновременно это открывает возможности для манипулирования, в результате которого выигрывают наиболее сильные интересы. Занимающие более высокие социальные позиции группы, например работодатели, имеют широкие возможности устанавливать правила в соответствии со своими интересами (даже при наличии противовесов. Без надежных институционально-правовых противовесов произволу работодателей, работники, располагающие относительно небольшими ресурсами, попадают в своеобразную воронку неправового пространства: чем менее благоприятные позиции они занимают в социальной структуре, тем чаще нарушаются их трудовые права, тем меньше возможностей они имеют их отстаивать. С точки зрения разработчиков концепции, немалую роль здесь могут сыграть умение и знания по самопомощи и самоорганизации, роль граждан и социальных групп не должна быть сведена до роли только потребителей. Низкие жизненные шансы могут быть связаны помимо недостаточного доступа к ресурсам и источникам власти с особыми когнитивными и поведенческими пристрастиями индивидов и групп.

Следующий элемент структуры квадрата социального качества – социальная включенность / исключенность (эксклюзия или депривация). Во многих европейских странах социальная эксклюзия стала концепцией, заменившей понятие бедность. В отличие от традиционного изучения бедности как финансового и статического явления, связанного с недостаточным уровнем потребления, концепция социального исключения концентрируется на динамическом, кумулятивном характере социальных процессов, широко использует неэкономические индикаторы. Неблагоприятные события в жизни людей, прежде всего болезнь, потеря работы, снижение доходов часто становятся

причиной разрыва многих социальных связей и снижения социального капитала и ресурсной базы индивидов.

В концепции социального качества инклюзия (или ее антипод эксклюзия) рассматривается как социальное гражданство: возможность (ограниченность или невозможность) участия в экономических, политических, социальных, культурных системах и институтах. Участие в социальной жизни включает три измерения: 1) дает возможность выразить и защитить свои интересы (материальный аспект); 2) обеспечивает гарантию частной и публичной автономности граждан (процедурный аспект); 3) носит добровольный характер (персональный аспект). Современное демократическое общество должно давать возможность гражданам участвовать в формировании равноправного и справедливого общества.

В концепции большое внимание уделяется не только созданию организационной структуры социальных институтов, но и моральным и культурным ценностям, определяющим поведение людей. Кроме реальных располагаемых ресурсов, на положение людей в обществе и на качество жизни оказывают огромное влияние ценности и мотивации людей в социально-экономической сфере, разные модели социально-экономической адаптации. Длительное ухудшение условий жизни может сопровождаться у значительных категорий людей формированием неэффективных пассивных стратегий борьбы с материальными трудностями: снижением уровня социальных притязаний и активности, формированием установки на выживание, а не преодоление неблагоприятных социально-экономических условий.

Если социальная включенность рассматривается как способность участвовать в социальной, культурной, экономической жизни общества, реализовывать свои гражданские права, пользоваться услугами социальных сетей, быть включенными в трудовые отношения, то социальная сплоченность – это качество социальных отношений, норм и ценностей, создающее доверие, стимулы для укрепления солидарности, социальные сети, формирующие идентичность. В последние годы в Европе отмечается явный рост коммунитарной идеологии, связанной с широким участием самих жителей в решении собственных проблем на основе взаимопомощи и кооперации, возвращение к широкому использованию таких базовых институтов «органической солидарности» и носителей социальных ресурсов, как семья, соседи, местное сообщество. Примером поддерживаемых государством гражданских инициатив является развитие местных сообществ, соединение усилий индивидов и организаций для реализации общих целей жителей территории по укреплению местной экономики и расширению социальных возможностей, хотя далеко не во всех случаях данная поддержка достигает своей цели.

Существует несколько толкований понятия социальной сплоченности. При акцентировании внимания на общих ценностях и преданности объеди-

няющему сообществу понятие социальной сплоченности совпадает с идеей социальной солидарности, создающейся сильными социальными связями и согласием членов общества со своими совместными обязанностями. Люди видят себя членами общества, понимают что есть коллективное благо и готовы действовать ради него. Другое толкование делает акцент на полном и активном участии людей в жизни общества, особенно обеспечении каждому возможностей для участия в экономической жизни. С точки зрения теории социального качества сутью социальной сплоченности является то, до какой степени люди чувствуют себя связанными с обществом и в какой мере они разделяют определенный набор общепринятых ценностей и социальных целей и включены в экономическую, социальную, культурную и политическую жизнь общества.

Такая трактовка социальной сплоченности сближает ее с понятием социального капитала, который Ф. Фукуяма определяет как «возможности, возникающие из наличия доверия в обществе, естественную склонность к объединению как на уровне семьи, так и на уровне всего народа (1, с. 134–135).

Социальный капитал на микроуровне представляет собой набор ресурсов, заложенных в семейных отношениях. Гармоничные отношения между членами семьи являются исключительно важным условием формирования доверия к окружающим, проявления желания сотрудничать. На уровне трудового коллектива социальный капитал представляет собой разделяемые знания, нормы, правила, ожидания относительно образцов взаимодействия индивидов и групп. Социальный капитал на макроуровне передается и воспроизводится через традиции, разделение общепринятых норм и ценностей. Социальные особенности социума проявляются в доминирующих представлениях о допустимых масштабах социальных неравенств (как и в том, какие из них воспринимаются как справедливые, а какие нет), в массовых суждениях о роли государства, бизнеса в социальном развитии. Провозглашаемые социальные цели должны не только подкрепляться экономическими ресурсами, но и быть результатом общественного согласия, социальной солидарности, высокого уровня доверия к социальным институтам и легальным формам социальной активности.

Подход, основанный исключительно на юридическом признании индивидуальных прав, рассматривается в настоящее время как недостаточный для обеспечения социальной сплоченности. Признание прав для всех должно сопровождаться набором программ, направленных на стимулирование экономического роста, благосостояния для всех и устойчивого развития. Важнейшим условием сплоченности является наличие общей ответственности, распространяющейся на общественную и частную сферы, способности и готовности общества минимизировать диспропорции в развитии и маргина-

лизацию людей. Социальная сплоченность направляет внимание на новые роли общественных институтов в плане содействия коллективным консультациям, укрепления каналов связи с гражданами на активное использование других ключевых субъектов кроме государства и государственных организаций в процессе расширения ответственности за включенность и вовлеченность людей в жизнь общества (в особенности уязвимых групп населения), развитие диалога с социальными партнерами, привлечение неправительственных организаций.

В этом новом механизме активизации есть место и гражданской самоорганизации и социально-ответственной деятельности бизнеса и такому относительно новому понятию как социальное предпринимательство. На усиление социальной сплоченности и удовлетворение социальных потребностей направлены усилия государства, бизнеса и некоммерческих организаций. Ни один из этих секторов в современных условиях не в силах удовлетворить их самостоятельно, исходя только из своих возможностей. Социально ответственная деятельность бизнеса может рассматриваться как деятельность, в той или иной степени преследующая цель помимо получения прибыли для своих акционеров, содействие более широкой социальной пользе (например, переход к использованию экологически чистых технологий и материалов, учет интересов работников и местных сообществ, отказ от ведения бизнеса, имеющего негативные последствия для общества. Даже концепция разумного эгоизма, исходящая из того, что бизнесу необходимо ограничивать свои текущие прибыли для создания благоприятной рабочей среды и развития территорий, на которых проходит его деятельность, как правило, предполагает опосредованное отношение к социальным проблемам, при этом степень ответственности бизнеса может значительно варьировать. Социальное предпринимательство, по определению Мартина и Осберга, нацелено на выявление основных точек исключенности и маргинализации, нахождение способа их преодоления через формирование социальных благ и предоставление возможностей их использования. Целью деятельности социальных предприятий является решение конкретных социальных проблем или устранение «провалов» рынка с использованием бизнес-механизмов, инноваций, стратегического менеджмента, маркетинга (5, с. 35).

Социальное предпринимательство рассматривается как новая модель сочетания экономических и социальных ресурсов для решения социальных проблем, создания возможностей ускорения социальных изменений и удовлетворения социальных потребностей (производство бытовых изделий для инвалидов, организация сложных медицинских услуг для социально уязвимых групп и др.). Появление социального предпринимательства наряду с деятельностью разного рода некоммерческих организаций связано с количественным и качественным расширением социальных потребностей общества, сокра-

щением традиционных форм финансирования и снижением их надежности, приходом бизнеса в общественный сектор и ростом конкуренции между некоммерческими организациями и бизнесом в удовлетворении общественных нужд.

Понятие социальной или гражданской активности можно трактовать как желание участвовать, включаться в общие преобразования, как потребность найти свое место, определить направленность жизни, обрести идентичность: это может быть и стремление к обогащению, как системе существования человека, так и иной стиль жизни, наполненный иными компонентами, например культурными и общественными. Ключевым моментом в измерении отношения индивида и общества является представление индивида об общественной пользе, одобряемом и принимаемом большинством социальной группы, к которой человек себя относит, стиле поведения.

Согласно концепции, повышение социального качества связано с обеспечением каждого гражданина знаниями и умением, с помощью которых он сможет максимально увеличить свои возможности для участия в общественных делах, повысить свою компетентность и самоуважение. Это очень ценные ресурсы, которые часто не используются в достаточном объеме.

Роль государства в социальной системе не уменьшилась, она частично трансформировалась из основного субъекта обеспечения и обслуживания в субъект, предоставляющий полномочия, активизирующий, покупающий услуги у различных поставщиков.

В отличие от качества жизни социальное качество стремится соединить в единую модель и качество жизни, и качество общества (качество социальных отношений) в единую модель. Главной инновацией понятия социального качества является стремление включить в анализ оценку ряда коллективных явлений: коллективные приоритеты, этические ценности и мнения, принципы справедливости, социальные инновации, процессы эмансипации и увеличения социальных полномочий, перенести акцент от социальных прав к наделению социальными полномочиями и обязанностью в них участвовать. Но оценить и измерить процесс повышения социальной включенности или увеличения социальных полномочий крайне сложно. Важным направлением научной школы социального качества является разработка большой серии нормативов, ориентированных не на минимальные стандарты, а на качественное гражданство.

В 2005 г. по программе «Европейские сетевые индикаторы социального качества» было предложено 95 индикаторов, сгруппированных по пяти областям, которые были апробированы в 14 европейских странах при исследовании социального качества. Как показали уже первые эмпирические исследования, информация, поступающая из национальных источников, не всегда

является полностью сравнимой. Например, такой показатель, как доля людей, имеющих уверенность в сохранении собственного дома. Индикатор затрагивает важную тему, но его трудно измерить в количественном плане. Национальные отчеты, как правило, ограничивались описанием результатов государственной политики в этой сфере; в некоторых отчетах содержалась информация о числе собственников домов, съемщиков социального и коммерческого жилья.

Очень сложным является индикатор о доле лиц, работающих неполное рабочее время из числа имеющих на это законное право. Это связано с оценкой доли молодых людей, оставивших школу, имеющей национальные особенности. Сложно сравнивать расходы на образование, так как в ряде национальных отчетов приводятся данные об оплате вместе с субсидиями на образование, в других – нет оплаты, но отсутствуют и субсидии.

Достаточность доходов определяется по структуре расходов домашних хозяйств, а именно по доле затрат на питание, одежду, жилье, медицинские услуги в среднем и в бедных семьях, доле домашних хозяйств, получающих трансферты, позволяющие им жить выше лимита бедности. Жилищная безопасность оценивается по доле лиц, уверенных в сохранении своего дома, количестве метров на одного члена домохозяйства, доле населения, живущего в домах без базовых коммунальных удобств. Надежность медицинского обслуживания определяется не только численностью врачей на 10 тыс. населения, но и на основании численности не охваченных медицинским страхованием, дистанцией (в минутах) до стационарного медицинского учреждения, средним временем ожидания скорой помощи, количеством часов полученной медико-социальной помощи (с дифференциацией на оплачиваемую и неоплачиваемую). Показателями надежности занятости служат время уведомления об изменении условий трудовых контрактов, срок, за который сообщают о прекращении трудового договора, доля занятых на основании временных контрактов, доля нелегальной рабочей силы, доля работающих неполное рабочее время (по собственному желанию или семейным обстоятельствам, или вынужденно, не по собственному желанию), продолжительность рабочей недели, число несчастных случаев на производстве и др.

Надежность и качество образования характеризуют такие данные как доля учащихся, оставивших школу до окончания обязательного обучения, плата за обучение (в процентах от средней заработной платы), доля учащихся, которые после ухода из школы (с сертификатом и без сертификата об образовании) нашли работу.

Уровень социальной сплоченности определяется по таким показателям: 1) доля населения, считающего, что большинству людей можно доверять (результаты здесь сильно различаются по странам от почти 60% в Фин-

ляндии и Нидерландах до 22% во Франции); 2) степень доверия населения к государственным институтам; 3) важность работы, семьи, друзей для граждан (здесь отмечаются более близкие показатели); 4) число часов добровольной общественной работы; 5) участие в донорском движении; 6) толерантность (доля граждан, выступающих за введение жестких лимитов на въезд в страну иностранцев (в основном за это выступает 40–60% населения стран, в Испании и Португалии – 20–22%)); 7) взгляды в отношении причин бедности (неудачное стечение обстоятельств, лень или нехватка воли, несправедливость в обществе, результат современных трансформаций и др.); 8) готовность платить больше налогов, если есть уверенность, что это улучшит положение с бедностью, межпоколенная солидарность; 9) участие (активное или пассивное) в политических, благотворительных, добровольных организациях и спортивных клубах (доля участников различных неправительственных, благотворительных и спортивных организаций колеблется от 80% в Швеции до 37% в Италии); 10) чувство гордости за принадлежность к Европе (более 60% это ощущают), к своей стране (в среднем 85% европейцев), к своей местной общине (30–60%).

Для характеристики социальной включенности используются данные о доле лиц, имеющих право голосовать; разнице в заработной плате мужчин и женщин, длительно безработных; количестве представителей этнических меньшинств, выбранных или назначенных в государственные органы; руководстве частных компаний или фондов, количестве бездомных, среднем периоде ожидания социального жилья, нуждающихся в социальных услугах и среднем времени ожидания получения услуг (включая уход за детьми), плотность общественных дорог и доступность транспортного сообщения, число спортивных и отдельно культурных сооружений на 10 тыс. человек населения доле лиц, поддерживающих регулярные контакты отдельно с соседями, друзьями (по крайней мере хотя бы 1 раз в неделю, 1–2 раза в месяц, менее 1 раза в месяц).

Социальная автономность (независимость) описывается с помощью показателей о доле лиц, не имеющих среднего или специального профессионального образования (в Швеции – 6%, Венгрии – 33, Англии – 23%), возможности получения бесплатных юридических и консультационных услуг, доступа в Интернет, о доле рабочей силы, охваченной коллективными договорами, получающей постоянную профессиональную подготовку на рабочем месте от общей численности наемных работников (в среднем по ЕС 40%, в Швеции более 60%), доле организаций, имеющих рабочие советы; уровень дошкольного и послешкольного обслуживания детей и др. При характеристике данного компонента социального качества важным считается соединение производственных и семейных проблем. Общей тенденцией для данной группы стран является поиск сочетания работы и семейной жизни с помощью повышения

гибкости режима работы. (Успешность, например, шведской политики в этом вопросе подтверждается тем, что 80% женщин с детьми до семи лет в стране работают.) Другой аспект социальной независимости – степень вовлеченности в деятельность определенных политических и общественных институтов (участие в референдумах, маршах и демонстрациях, в решении вопросов улучшения жилищной и окружающей среды). При сравнении полученных результатов необходимо учитывать разное отношение к этим вопросам в разных странах. Швеция, Англия, Италия, Франция давно используют референдумы, в других странах, например в Нидерландах и Испании, только начинают экспериментировать в этой сфере, а в Бельгии их считают в условиях конституционной демократии неконституционными.

Используя критерии оценки социального качества применительно к российским реалиям, следует отметить ряд особенностей социально-экономического развития страны, принципиально отличающих ее от положения в большинстве стран ЕС, для которых собственно эта модель и разрабатывалась. К таким особенностям следует прежде всего отнести исключительно высокий уровень дифференциации в обществе, кардинальную смену парадигмы российской социальной политики (институционализация минимальных социальных расходов, свертывание государственной системы оказания социальных услуг и распространение платности граждан за социальные услуги, приоритет личной социальной ответственности), неразвитость гражданского общества и социальной ответственности предпринимательства. Социальные права значительной частью населения понимаются как механизмы, снимающие с индивида его личную ответственность. Пассивные люди ждут институциональных решений для удовлетворения своих потребностей, что противоречит принципам индивидуальной свободы и ответственности.

Наиболее опасной тенденцией современного российского общества является социальная поляризация, закрепление личного высокого статуса и дальнейшее его повышение (процесс накопления преимуществ) в верхних группах и углубление депривации и накопление неблагоприятных социальных обстоятельств в низкоресурсных группах, формирование взаимоисключающих интересов верхов и низов. В состоянии депривации, статусной непоследовательности находится не только бедное население, но и значительная часть населения, обладающая социальным капиталом в виде образования, квалификации, навыков и др., которые не трансформируются в материальное благополучие. Бедность в стране имеет сильную психологическую окраску, многие люди пережили коллапс своих ценностей и убеждений, они потеряли ориентиры и страдают от социальной и экономической незащищенности. Социальные права часто понимаются как механизмы, снимающие с индивида его личную ответственность. Значительные слои населения рассчитывают на

институциональные решения, направленные на удовлетворение их потребностей. Усилению дифференциации способствует и разнотипность ценностных ориентиров: традиционные терминальные ценности поддерживают патерналистский отказ низкодоходных слоев населения от самостоятельности, а успешно адаптировавшиеся слои опираются на современные инструментальные ценности.

Социальная политика современного российского государства, нацеленная на передачу как можно большего числа функций в сферу частных интересов, способствует поляризации общества, серьезно ослабляя основы социальной солидарности и взаимной ответственности. В сфере социально-трудовых отношений основные полномочия по установлению оплаты труда делегируются на уровень договорных отношений работодателей и работников при явном отсутствии равенства возможностей у сторон. Формируется разделенная система оказания социальных услуг: более-менее качественные платные услуги и низкокачественные государственные услуги для бедных и относительно бедных.

Особенностью современного этапа социально-экономического развития Европы является некоторое сокращение роли государства в социальной сфере, но это зрелое демократическое общество с развитой социально-ориентированной экономикой, с четко организованным, обладающим отлаженным механизмом взаимодействия с государством и бизнесом, гражданским обществом. В России, несмотря на либерализацию и демократизацию правовых норм в процессе социально-экономической трансформации 90-х годов, реальные возможности влиять на социальные процессы у граждан очень ограничены. Гражданское общество в силу трудностей взаимодействия с властью, финансовой неустойчивости и отсутствия инфраструктуры, неразвито. Местное самоуправление как важнейший элемент и механизм формирования на локальном уровне социальной солидарности реальной силы не имеет и основывается на постоянно сужающейся ресурсной базе.

Россия подписала Европейскую социальную хартию в 2000 г., но ратифицирована она была только в середине 2009 г. и лишь частично. Нератифицированными или частично ратифицированными остались такие обязательные статьи, как право на социальное обеспечение, право на социальную и медицинскую помощь, право работников-мигрантов и их семей на защиту и помощь.

Число граждан с доходами ниже прожиточного минимума в нашей стране составляет 13%, но черта бедности проведена по физиологическому минимуму потребления, стоимостная величина которого ежеквартально и ежегодно утверждается региональными и федеральными властями. В 25 странах ЕС число бедных составляет 15%, но критерием отнесения к категории бедных считается 60% от среднего дохода в стране. Подушевые за-

траты на здравоохранение в РФ примерно соответствуют уровню европейских стран середины 70-х годов, а за последние десятилетия расходы на здравоохранение в западных странах выросли в десятки раз. Территориальная модель финансирования в условиях глубоких экономических диспропорций привела к многократным различиям в финансировании медицины по регионам (в отдельных субъектах 10–15 раз).

Модернизация существующей социально-экономической системы в России и создание социально-ориентированных и эффективных институтов должны опираться на доверие к участникам (институтам государственной власти, политическим партиям, профсоюзам, ассоциациям предпринимателей) учитывать реальные мотивы и свойства поведения людей, отвечать требованиям цивилизованных рыночных отношений и не вступать в противоречие с принципами социальной справедливости. При этом сама категория «социальная справедливость» может маскировать взаимоисключающие интересы различных социальных групп. В современном цивилизованном мире общепризнанно, что необходимо обеспечить всем гражданам определенный минимальный стандарт жизни. Сверх этого взгляды серьезно расходятся.

Государством нашей страны формулируются широкие позитивные задачи по введению страховой медицины, реформированию пенсионного обеспечения, обеспечению доступа населения к высококачественным образовательным услугам, но в условиях отсутствия общественного согласия, они не воспринимаются как легитимные и справедливые, что ведет к разного рода противодействию или игнорированию приводимых мер. Современная бедность пожилых людей весьма негативно сказывается на желании современных 25-летних принимать риски, связанные с государственным пенсионным обеспечением. Чем больше граждане полагаются на рынок для обеспечения своего благосостояния, тем сложнее государству увеличивать налоговые поступления и тем менее эффективна проводимая им социальная политика. Активизация при всей ее привлекательности не служит адекватной заменой минимального гарантированного дохода.

Что касается социальной политики бизнеса, то она чаще всего воспринимается не как осознанная и целенаправленная деятельность на повышение благосостояния работников и населения своего региона, а предмет сделок между бизнесом и властью и отчасти необходимость воспроизводства требуемых кадровых ресурсов. Сложность стоящих перед страной проблем, особенно в условиях финансового кризиса, кризиса частичного перепроизводства и доверия, ставит в качестве неотложной задачу формирования нового социального контакта между государством, бизнесом и гражданским обществом с учетом взаимных интересов и необходимости принятия новых вызовов времени, требований социального государства и сплоченного граж-

данского общества, прекращение использования неформальных теневых схем полностью игнорирующих принцип солидарности.

Усиление вертикали власти не повысило защищенность россиян от разного рода социально-экономических рисков, но негативно сказалось на самостоятельности в решении вопросов повышения благосостояния.

Литература

1. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. – М. 1999.

2. Beck W., Maesen L., van der, Thomese F., Walker A. (Eds.). Social quality: A vision for Europe. – The Hague, 2001.

3. European Commission... Modernising and improving social protection in the European debate. – Brussels, 1995, Oct.

4. Liddle R., Levais F. Europe's social reality. A consultation paper from the bureau of European policy advisers. – 2008.

5. Martin R.L., Osberg S. Social entrepreneurship: The case for definition // Stanford social innovation rev. – 2007.

6. Walker A. Which way for the European social model: minimum standards or social quality. The changing face of welfare. – 2005.

Л.З. Зевин

ЕВРАЗИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ КОНСОЛИДАЦИИ*

Зевин Леон Залманович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Регионы в глобальной экономике

К концу второго тысячелетия доминирование глобальных процессов достигло таких масштабов, что создалось впечатление о «конце истории» теорий регионального экономического развития. Действительно, объемы мировой торговли, гигантские обороты торговых и валютных бирж, фантастическая пирамида различного рода деривативов – 700 трлн. долл. (8) – стали несопоставимыми с реальным ВВП, другими экономическими параметрами большинства стран, интеграционных формирований и даже международных регионов.

Поступающие извне стимулы и шаги настолько велики, скоротечны и волатильны, что «низшие» структуры не успевают к ним адаптироваться, не говоря уже о формировании жизнеспособной системы взаимодействия. Благоприятная конъюнктура последних лет прошлого века и начала нынешнего позволяла держать под контролем ситуацию, не давала разрастающимся болячкам поразить весь организм мировой экономики.

Группа экономистов в исследовании МВФ «Что делает рост устойчивым?» (10) на основе анализа большой группы стран различного уровня назвала экономические и политические факторы, способствующие удлинению периодов устойчивого роста: более справедливое распределение доходов, де-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант 09-02-00557 а/р.

мократические институты, ориентация на открытую торговлю и прямые иностранные инвестиции, структуры экспорта и производства, поощряющие вывоз сравнительно сложной продукции (10, с. 29). Очевидно, невыполнение этих и некоторых других базисных требований поддержания устойчивого роста послужили причиной более глубокого экономического «провала» России в ходе нынешнего кризиса по сравнению с большинством стран ОЭСР, БРИК и другими успешными странами догоняющего развития, а также опасений, что выход из него займет длительный период (восстановление цен на энергоресурсы после потрясений 1970–1980-х годов заняло около десяти лет).

Глобальные масштабы и системный характер первого кризиса нового тысячелетия таковы, что побуждает мировое сообщество искать пути возвращения на устойчивую траекторию экономического роста и социального благополучия. Становится ясной невозможность ограничиться лишь «косметическими ремонтами». При всем различии подходов просматривается движение в общем направлении. Во-первых, это понимание необходимости

реформирования институтов Бреттон-Вудсской системы[1]*; во-вторых, нереальность формирования антикризисной программы и определения долгосрочных целей развития лишь на страновой базе; в-третьих, повышение роли регионов и региональных интеграционных группировок в решении как специфических задач своей территории, так и расположенных на ней экономических структур – страновых и международных; в-четвертых, растущее участие государства в управлении и регулировании экономических и социальных процессов, в том числе за пределами традиционной задачи создания благоприятного климата для деятельности отечественного и иностранного бизнеса; в-пятых, выход из кризиса и возвращение на сложившуюся до его начала архитектуру хозяйственной жизни непродуктивны как для наиболее развитых стран, так, особенно, и для стран второго и последующих эшелонов.* Модернизация и инновационная деятельность последних становятся главными направлениями преодоления кризиса, приближения выхода на новый технологический рубеж.

1. Канадская компания «Futurescan International Inc.» привлекла международную группу выдающихся ученых-экономистов для выяснения возможных изменений мировой торговой системы в XXI в. Среди важнейших названы: тенденция перехода от контроля на границе (ГАТТ) к внутреннему в результате возникновения торговых блоков и интеграционных объединений; мультилатеральная торговля будет потеснена торговыми пактами между различными торговыми блоками; переход от фиксированных правил (ГАТТ–ВТО) к развитию переговорного процесса (13).

Реализация этой стратегической задачи невозможна без максимального использования открываемых глобализацией возможностей в связке «глобализм – регионализм – страна – локальное образование». Послекризисный период будет характеризоваться двумя новыми тенденциями»: первая – *рост роли международных регионов в решении не только региональных, но и глобальных проблем (финансовая система, внешняя торговля, экология, безопасность, борьба с международным терроризмом и наркоторговлей);* вторая – *активизация выхода локальных образований в региональное и даже в глобальное экономическое пространство (приграничная торговля, прямые связи предприятий, их участие в региональных и глобальных кластерах и сетях, города, районы и области-побратимы и т.п.).*

Причина активизации региональных, страновых и локальных структур – результат еще одного парадокса глобализации. Политика Центра, использующего процесс интернационализации в своих интересах, сыграла с ним злую шутку. Сама природа глобализма антицентрична: он не может в долгосрочной перспективе успешно развиваться в режиме однополюсного мира.

В научной литературе идут оживленные дискуссии по всему комплексу перечисленных выше проблем. Нас же интересуют их региональная составляющая, в первую очередь применительно к постсоветскому экономическому пространству.

Прежде всего необходимо дать определение международного региона. На наш взгляд, наиболее удачной является формулировка термина, предложенная Питером Кэлвертом в его книге «Международная политика Латинской Америки» (11, с. 29–30). Это:

1. Устойчивость государственных образований.

2. Наличие у нескольких государств общего языка.

3. Наличие черт регионального национализма на базе этнической общности, религии и исторического опыта.

4. Общий язык у значительной части населения региона стимулирует формирование близких правовых идей и, соответственно, рациональной модели международных отношений, участие региона в организациях системы ООН.

5. Политическая воля к сотрудничеству в рамках региона.

6. Позиционирование по отношению к сложившимся в мире мегагруппировкам.

СНГ в целом близко к предложенной формулировке, но вместе с тем характеризуется наличием ряда существенных особенностей. Формирование большинства международных регионов происходит на фоне положительного развития политических отношений, экономического роста в странах и увеличения доли внутрирегиональной торговли, решения отдельных общерегиональных проблем.

Новая структура, возникшая после распада Советского Союза, сжалась территориально и понесла тяжелейшие экономические и социальные потери, ослабла в военном и политическом отношениях, утратила статус второй сверхдержавы. На поверхность всплыли приглушенные межнациональные и межэтнические противоречия. Таким образом, становление региона СНГ шло по сценарию, противоположному типичным процессам глобальной эпохи.

Представляется, что именно антиисторичность формирования является главной причиной неудач всех попыток организовать сколь-либо эффективным образом экономическое пространство СНГ. *С достойным лучшего применения упорством предпринимаются попытки создать различные переплетающиеся, мало связанные структуры, способные по своей природе функционировать лишь в противоположном векторе развития международного региона. На пространстве, где доля внутрирегиональной торговли не превышает 20%, обречены на неудачу попытки сформировать в кратко- или среднесрочной перспективе экономическую структуру, близкую по формату, содержанию, потенциалу к интеграционным объединениям Европы конца XX – начала XXI в.*[2]

Жесткая критика интеграционного процесса в СНГ отнюдь не означает призыва к отказу от организации постсоветского экономического пространства. Предлагается лишь изменить последовательность действий с тем, чтобы они соответствовали наличным ресурсам и обеспечивалась возможность их эффективного использования в общих интересах.

Региональное пространство глобальной эпохи

В доглобализационный период несущей конструкцией организации мирового пространства было взаимодействие и противостояние в рамках треугольника «Восток – Запад – Юг». Конфигурация мира определялась как экономическими интересами сторон, так и гипертрофированным влиянием политических, идеологических и военных факторов. Складывающееся ныне устройство мира в первую очередь определяется экономическими интересами, снижением значения идеологических, политических и военных факторов

2. Согласно методологии A. Michaely, только после достижения показателя комплементарности внутрирегиональной торговли порядка 25% возникает потенциал самоподдерживаемого роста торговли внутри интеграционной структуры. Вместе с тем следует отметить, что достижение этого уровня зависит не только от уровня развития партнеров (хотя он в решающей степени определяет потенциал торговли и ее диверсификацию). Например, наличие в Экономическом и валютном союзе Западной Африки (WAEMU) двух групп отличающихся стран – прибрежных и удаленных от моря – позволило объединению поднять уровень комплементарности до 30% (14).

из-за устранения наиболее острого и опасного для судеб мира противостояния по линии «Восток – Запад». Главным трендом новой конфигурации стало укрупнение несущих структур, консолидация позиций Евразии[3]*. Ее успех – следствие сочетания цивилизационного разнообразия с толерантностью, наличие трех центров экономического роста и политики открытого регионализма, высоких темпов экономического роста многих азиатских стран. Глобализация действительно создает стимулы экономического роста для значительной, даже большей части стран. Но довольно быстро стали обозначаться и ее теневые стороны: объективные и субъективные.*

Среди первых следует отметить такое парадоксальное явление, как более чем удвоение числа государств за счет распада, в первую очередь, крупнейших структур – колониальных империй и многонациональных государств. Возникла своеобразная глобальная асимметрия (19), когда мощнейшим экономическим субъектам (государствам, ТНК, интеграционным объединениям развитых стран) противостоят несопоставимые по возможностям ведения равного диалога страны и объединения, уровень развития которых на порядок и более ниже.

Субъективным пороком глобализации стало ее превращение из объективного процесса в проект доминирующей в мировом хозяйстве группы стран. Голландский ученый Ян Пронк считает, что «до 1989 г. глобализация была процессом, но в 90-е годы она стала проектом. Сегодня она порождает нищету и неравенство. Сохранение нищеты и неравенства уже не является ее побочным продуктом. Это предвидимый результат политики "преднамеренного дефолта"» (13, с. 26).

Ответной реакцией слабо- и среднеразвитых стран и их объединений стала активизация взаимодействия – формального и неформального – на локальном, суб- и региональном уровнях. Иначе говоря, перед ними возникла новая задача – найти оптимальные формы и размеры экономических структур*, которые обеспечили бы достаточную концентрацию природных, производственных, технических, интеллектуальных и инвестиционных ресурсов для стабильного роста, с одной стороны, и способность организовать эффективное управление социально-экономическим развитием в сложный период адаптации к глобальным процессам в качестве равноправных субъектов – с другой. Основой формирования таких структур являются региональные объединения различного формата. Их появление относится ко второй половине XX столетия.*

Сторонники глобального подхода, соглашаясь с возможностью принятия подобного решения, утверждают, что региональные торговые согла-

3. В данной работе термин «Евразия» обозначает континент, а «евразийское пространство» – территорию бывшего Советского Союза.

шения (РТС) подрывают мотивацию к дальнейшей торговой либерализации и повышению открытости внешнему миру. В то же время в обстоятельной работе сотрудника Исследовательского департамента МВФ Л.А. Риччи «Модель оптимального валютного пространства» утверждается, что он не нашел доказательств распространенному убеждению о преимуществе стран с высокой степенью открытости, как кандидатов на формирование валютной зоны (16).

В контексте данной работы следует обратить внимание еще на некоторые особенности современного регионализма. Шведский исследователь Бьорн Хетне отмечает, что «старый» регионализм охватывал сферу экономики и / или безопасность, «новый» – комплексный процесс. Первый – это отношения между государствами, второй – «часть глобальной структурной трансформации, в которой активно участвуют неправительственные структуры (множество институтов, организаций и движений) на различных уровнях глобальной системы»[4]. Вильям Ф. Миллер (William F. Miller) на семинаре Стэнфордского университета подчеркнул растущую важность локальных и региональных процессов небольших масштабов как главного источника инноваций и деловой практики»[5] *(выделено мною. –* Л.З.*).*

К настоящему времени сложилось два способа структуризации регионального экономического пространства.

В первом случае объединение создается группой стран со сравнительно однопорядковыми экономическими показателями, территориально компактно расположенными и имеющими традиции взаимной торговли, транспортные связи, определенную социально-культурную общность (ЕС, АСЕАН). Когда же в формирующей экономическое объединение группе стран есть лидер – «тяжеловес» (НАФТА – США, МЕРКОСУР и Андское сообщество наций (Бразилия, ЕврАзЭС – Россия) методы регулирования и управления их деятельностью заметно отличаются. Различия в «весе» между лидером и другими участниками порождают у последних опасения потери самостоятельности при создании наднациональных механизмов управления совместной деятельностью. Видимо, этим и объясняется отсутствие в подобных группировках жестких коллективных и тем более наднациональных механизмов регулирования: в определенной степени функции «регулятора» способен выполнить их лидер.

Настороженность и даже прямое неприятие наднациональных механизмов регулирования и управления проявляется с особой силой в регионах, возникших после распада более крупных структур, таких как постсоветское пространство и Балканы после распада СФРЮ. Представляется, что под-

4. http://www. unu edu/unu pres/globalism.html
5. http://www.rietigo. ip/en/events/bbL/0210101.html

линная мотивация к объединению, тем более интеграционного характера, не может появиться здесь ранее смены одного-двух поколений.

Несущей конструкцией современной организации мирового экономического пространства стала группа крупнейших интеграционных структур, а также три национальные экономики – Индия, Китай и Япония. В них сосредоточено примерно 4/5 населения планеты, производится подавляющая часть мирового ВВП и научных исследований, они главные участники мировой торговли (табл. 1).

Таблица 1

ЭКСПОРТ КРУПНЕЙШИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРУКТУР И ЕГО РАСПРЕДЕЛЕНИЕ В 2007 г.

Структуры	*Всего, млрд. долл.*	*Внутриструктурный, млрд. долл. (%)*	*Третьи страны, млрд. долл. (%)*
ЕС	5320	3622 (68)	1698 (32)
НАФТА	1853	951 (51)	902 (49)
АСЕАН	864	216 (25)	648 (75)
ЕврАзЭС	427	73 (17)	354 (83)
МЕРКОСУР	224	32 (14)	192 (86)
Андское Сообщество Наций	76	6 (8)	70 (92)

Примечание*: ЕврАзЭС – без Туркменистана и Узбекистана.*

Источники*: Подсчитано по: World Trade Developments in 2008: www.wtoorg.statistics; Внешняя торговля Содружества независимых государств. М., 2008. – С. 36.*

Обе группы стран – развитые и развивающиеся – могут быть одинаково открыты внешнему миру, но у первых внутренний экспорт превышает внешний до двух раз в то время, как у вторых это соотношение складывается в пользу третьих стран. Наиболее консолидированными регионами являются Азия (здесь сказывается с особой силой фактор размера – огромная емкость регионального рынка за счет более чем двух с половиной миллиардной численности населения. – Л.З.) – 44% общего объема экспорта потребляется внутри региона и Европа – 31%. Аналогичные показатели для Африки составляют 9%, Ближнего Востока – 9 и Западного полушария – 19%[6]*. Таким образом, степень консолидации коррелируется как с уровнем развития, так и емкостью рынка крупных международных регионов.*

Высокая степень уязвимости средне- и слаборазвитых регионов к внешним воздействиям объясняет их повышенную активность в консолидации своего экономического пространства. Неустойчивость мировой экономики,

6. http://209.85.129.132 – Trade Facts – Microsoft Internet Explorer. Данные за 2006 г.

очевидно, будет способствовать укреплению интеграционных трендов, созданию РТС различного формата, повышению их роли в мировой торговле и ее либерализации. В одном из исследований МВФ отмечается: «Хотя теория скептична по отношению к РТС, большинство эмпирических исследований находят в них доминирование торговообразующего эффекта над торговоотвлекающим» (17, с. 14).

К началу 2007 г. ВТО нотифицировала 214 РТС и еще более 150 функционировали без нотификации. В режиме ЗСТ действуют 84% их общего числа, 8 – таможенные союзы и еще 8% – смешанный режим. Ведутся переговоры о создании многих новых РТС. Соотношение между дву- и многосторонними РТС – примерно 4:1 в пользу первых. Типичные тренды: а) рост числа межрегиональных РТС. Сейчас оно достигло 12% их общей численности, но среди вновь созданных таких около половины; б) увеличивается число соглашений по линиям «Север – Юг» и «Юг – Юг» (12, с. 6–9).

В большинстве развивающихся регионов, включая СНГ, ситуация с организацией экономического пространства с целью активизации региональной составляющей развития менее благоприятна чем в Азии.

Тем не менее бурные, зачастую хаотичные, действия по организации экономического пространства этих регионов и субрегионов свидетельствуют о возникновении в глобальную эпоху новых участников мирового хозяйства, растущая роль которых внесет существенные изменения в его архитектуру: идет процесс формирования на периферии крупных структур – торговых блоков и интеграционных группировок, стремящихся к саморазвитию преимущественно на собственной основе. Следует ожидать усиления пространственного фактора в конкурентной борьбе за природные и человеческие ресурсы, рынки сбыта на фоне исчерпанности экспортно-сырьевого типа развития и стремления периферийных экономик вырваться из тупика догоняющего развития.

Положение региона СНГ осложняется необходимостью одновременного решения двух стратегических задач: противостоять мощному внешнему натиску на его природные ресурсы и организовать свое пространство с целью максимального использования его потенциала для выхода на устойчивую траекторию роста.

Региональные факторы экономического роста

Многочисленные исследования, включая работы автора, справедливо подчеркивают важность и трудности интеграции России и других стран СНГ в мировую экономику из-за доставшегося в наследство от советского периода закрытости народного хозяйства. Но это не совсем верно. В среднем до

1/5 оборота внешней торговли приходилось на развитые капиталистические страны, 12–15% – на развивающиеся; СССР представлял зарубежным странам и получал от них кредиты; торговля со странами СЭВ, несмотря на все усилия по координации планов, все больше тяготела к общепринятым стандартам ГАТТ.

Фактически в мире функционировали три торговые системы: рыночная, плановая и смешанная. В последней удавалось найти инструменты соизмерения стоимостей товаров и услуг, произведенных в странах с различными социально-экономическими системами и уровнями развития.

То, что происходит после распада СССР – не столько интеграция постсоветского пространства в мировое хозяйство, сколько его реинтеграция в новом формате и на новых условиях. *Процесс более сложный и болезненный, поскольку большинство новых участников понесли серьезные потери: они были дотационными республиками, сильно привязанными к экономике РСФСР. Нежелание мириться с потерями из-за исчезновения субсидий, разрушение общих транспортных, энергетических, и других общесоюзных систем, исчезновение перераспределительных механизмов имели двоякие последствия. Во-первых, произошел обвал хозяйственного потенциала и, во-вторых, возникла сильнейшая аллергия к Центру, которую своевременно не обнаружили, а обнаружив, не приняли (похоже, и не могли принять) действенных мер. К тому же российская элита была (и остается!) непоследовательной в своей политике по вопросу об организации постсоветского экономического пространства. Происходит многовекторная реинтеграция в мировое хозяйство на индивидуальной и групповой основах молодых стран СНГ при одновременном формировании новой системы отношений в регионе – дву- и многосторонних – и последовательных, но малосвязанных, попыток создания нескольких интеграционных субрегиональных структур.*

Поэтому интеграционный потолок СНГ объективно, а не только в силу интересов местных элит, ограничен статусом форума. *Это больше, чем «инструмент цивилизованного развода», но не может служить основой, во всяком случае в обозримой перспективе, для возникновения полноформатной интеграционной структуры продвинутого типа.*

Реинтеграция осложняется и тем, что происходит в сильно измененную внешнюю среду. По сравнению с 1980 г. объем мировой торговли увеличился в 5 раз, а по отношению к мировому производству вырос с 36 до 55%. Если в 1990 г. трансграничные финансовые активы достигали 58% мирового ВВП, то к 2004 г. – уже 131% (15, с. 2001). Эти и другие последствия глобализации, подход мира к новому технологическому рубежу применительно к молодым государственным образованиям на пространстве СНГ имеют разнонаправленные последствия. Во-первых, неокрепшие экономики в стадии трансформации оказались вовлеченными во все ужесточающуюся конку-

рентную среду; во-вторых, региональные и глобальные процессы втягивают в свою орбиту все большее число участников национальной экономики и вынуждают их конкурировать по критериям региональной и глобальной экономики. Даже у России – самой крупной и развитой страны показатель открытости (внешнеторговый оборот / ВВП в 2007 г.) чрезвычайно высок – 44,8%, причем из них 27,9% приходилось на углеводороды. С 2001 по 2007 г. оборот прямых инвестиций вырос с 1,7 до 7,4% ВВП (6, с. 180–181). Первые данные свидетельствуют о гипертрофированной отраслевой специализации, вторые – об одновременно идущей интеграции российского капитала; в-третьих, асимметрию между Центром и периферией вызывает у менее развитых стран необходимость выстраивать защитные механизмы; в-четвертых, выяснилась возросшая роль размера экономической структуры как фактора экономического роста и международной конкурентоспособности. Всемирный экономический форум (Давос) включает его как один из показателей конкурентоспособности по факторам. О значении данного показателя дает представление сравнение индексов таких крупных стран, как члены БРИК. У России и Бразилии в 2007 г. он равнялся 5,5, Индии – 6,1 и Китая – 7,0 (6).

Согласно нашему представлению, термин «размер экономического пространства» в контексте международной конкурентоспособности характеризуют три параметра: географическая территория, численность населения и организация (модель) интеграционной группировки и / или региона. Размеры в принципе коррелируют с наделенностью возобновляемыми и невозобновляемыми природными ресурсами, возможностями специализации, величиной экономии от масштабов производства и способностью выполнения крупных региональных проектов; численность населения – с емкостью внутреннего рынка, величиной и качеством человеческого капитала; организация – с эффективностью хозяйственной деятельности и уровнем международной конкурентоспособности.

Исторический опыт подтверждает, что и в доглобализационную эпоху наиболее успешно развивались крупные экономические структуры (страны с обширной территорией и большой численностью населения, империи, различного рода экономические союзы). В глобальную эпоху размер экономической структуры приобретает особое значение, более того он становится одной из ведущих составляющих экономического роста и повышения его качества.

Инициаторы распада советского государства и его народнохозяйственного комплекса считали, что «сбросившая бремя республик» российская экономика получит мощные стимулы развития и сумеет в исторические сжатые сроки примкнуть к клубу преуспевающих стран. Однако развитие пошло в противоположном направлении: двукратное снижение числа потребите-

лей, разрушение большинства систем жизнеобеспечения, отсутствие региональной подпитки (кроме хаотического притока дешевой рабочей силы) привело к недопустимому упрощению структуры экономики. Россия в ее нынешних границах не в состоянии в полной мере использовать региональный фактор в интересах ускорения роста и повышения его качества: 140-миллионная емкость рынка и уровень государственного управления экономикой недостаточны для создания эффективной по глобальным критериям экономической структуры. Поэтому включение потенциала региона СНГ в возможно более консолидированном формате в стратегические проекты и программы развития России отвечает ее интересам и интересам (пусть пока неосознанным) других стран в целях поддержания устойчивости экономического роста и повышения их недопустимо низкой международной конкурентоспособности (табл. 2).

Таблица 2

РЕЙТИНГ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАН СНГ

Страны*	***Индексы конкурентоспособности***		
	2005	***2007***	***2009***
Азербайджан	69	66	69
Армения	79	93	97
Казахстан	61	61	66
Кыргызстан	116	119	127
Молдова	82	97	95
Россия	75	58	51
Таджикистан	104	117	116
Узбекистан	…	62	…
Украина	84	73	72
Страны Балтии (для справки)			
Латвия	44	45	54
Литва	43	38	44
Эстония	…	27	32

** Беларусь и Туркменистан не включены в данное исследование.*

Источник*: World Economic Forum. Global Competitiveness Report 2005/2006. Geneva, Switzerland, 2005; 2007/2008; 2008–2009.*

Расчеты рейтинга выполнены Всемирным экономическим форумом (Давос). Они охватывают 117, 131 и 134 страны, соответственно, данные по Узбекистану приведены лишь за 2007 г.

Общая тенденция – ослабление конкурентоспособности всего постсоветского пространства. Не сумели преодолеть общую тенденцию и страны Балтии, укрывшиеся под «зонтиком» ЕС. Только две страны – Россия и Украина – улучшили свои позиции и одна – Азербайджан – сохранила их. По-

следствия кризиса существенно скажутся и на положении относительно благополучных стран.

Вызывает тревогу возникновение в регионе СНГ двух групп стран, растущий разрыв по уровням развития которых увеличивается. Структура более развитых экономик и ориентация их внешних связей таковы, что они, в лучшем случае, не стимулируют объединительных процессов в регионе, в худшем – тормозят их.

Скептики и противники консолидации региона СНГ часто ссылаются на возможность небольших по территории и численности населения стран успешно развиваться самостоятельно, взаимодействуя с емкими рынками соседнего или близко расположенного государства. Но глобализация принесла новые риски: резко возросли мобильность и волатильность факторов производства, скорость технологических и структурных перемен. Поэтому исследователи приходят к выводу, что в целом крупные экономические структуры, невзирая на меньшую мобильность и возросшую сложность управления, чувствуют себя более комфортно и более способны к поддержанию устойчивости экономического роста в долгосрочной перспективе (18).

Организация постсоветского экономического пространства

Реализация потенциальных преимуществ международного региона осуществляется путем его организации, иначе говоря, институционального оформления всех видов хозяйственной деятельности на рассматриваемой территории и ее взаимодействия с внешним миром. Важное место здесь занимает интеграционная составляющая организации экономического пространства.

По критерию экономической плотности территории (внутрирегиональный экспорт / экспорт в третьи страны) интеграционные группировки можно разделить на две группы. В объединениях развитых стран (ЕС, НАФТА) от 2/3 (ЕС) до 1/2 (НАФТА) экспорта направляется в страны-участницы и 1/3–1/2 за пределы региона. Другая картина в группировках слабо- и среднеразвитых стран: у них доминирует экспорт за пределы интеграционной территории – от 4–5% / 96–95% (СААРК) до 25% / 75% (АСЕАН).

В табл. 2 приведены неутешительные результаты трансформационного периода с позиций международной конкурентоспособности региона СНГ. Каков же прогресс в организации регионального пространства? К завершению переходного периода структурировать регион в полном формате не удалось, а все возникшие субрегиональные структуры, хотя и в разной степени, далеки от выхода на заявленные рубежи. Функционирование ЕврАзЭС с участием крупнейшей страны, на которую приходится примерно 3/4 объема

регионального ВВП, и объединения из четырех стран без ее участия (ГУАМ) – объективно уменьшает экономический потенциал СНГ и ослабляет его позиции в мировом хозяйстве (оставляя в стороне вопрос об упущенной выгоде из-за невозможности осуществления ряда эффективных совместных проектов).

Главный вывод – в обозримой перспективе вариант организации экономического пространства СНГ в полном формате не будет реализован. При сложившейся товарной и географической структуре внутрирегиональной торговли консолидирующий потенциал практически полностью исчерпан. За период с 1995 по 2007 г. доля внутрирегионального экспорта сократилась в 1,5 раза – с 28,4 до 18,9% при одновременном увеличении доли СНГ в мировом экспорте в 1,48 раза – с 2,5 до 3,7%[7]*. Высокая степень открытости слабоструктурированного региона, представленного странами среднего и низкого уровня развития, объективно выдвигает на передний план экономическую безопасность. Ее укрепление далеко не всегда удается коррелировать с экономическим ростом, его устойчивостью и целями социальной политики.*

Серьезной проблемой организации региона являются его огромная территория и неоднородность по многим показателям (климатические условия, плотность населения, экономическая активность, доступ к внешним рынкам, этническая пестрота, цивилизационная ориентация и т.д.)[8]*. Эта неоднородность препятствует реализации таких преимуществ большой территории в контексте экономического роста, как усиление своих позиций в международной транспортной инфраструктуре, сокращение страховых рисков за счет поддержки пострадавших субрегионов, стран и локальных образований другими территориями. Одновременно затрудняется принятие согласованных решений и увеличиваются издержки приспособления отдельных территорий к общему курсу.*

Какова же взаимосвязь между степенью открытости крупнейших интеграционных объединений по критерию соотношения торговли в рамках

7. Рассчитано по: World Trade Development // www.wto0rg. Statistics; Содружество независимых государств: Стат. сб. (за соответствующие годы).

8. Традиционные теории евразийства в ситуации XXI в. не могут выступить в качестве объединительной идеи для экономического пространства СНГ, а современную версию работающего евразийства, подвергающегося двум разнонаправленным мощным воздействиям – глобализма и возрождающегося исламизма – пока создать не удается. К тому же современные исследователи чаще трактуют термин «евразийская интеграция» в географических границах континента Евразии. Авторы статьи «К разработке концепции развития Евразийской интеграции», на наш взгляд, правильно выделяют территорию СНГ как органичную, но специфическую часть мегарегиональной интеграции.

структуры и с третьими странами и их способностью организовать свое экономическое пространство?

Таблица 3

ЭКСПОРТ ВНУТРИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРУКТУР И В ТРЕТЬИ СТРАНЫ, 2007 г.

Структуры	*Всего млрд. долл.*	*Внутриструк-турный, %*	*Третьи страны, %*	*Внутриструктурный: по отношению к третьим странам*
ЕС	5320	68	32	2,13
НАФТА	1853	51	49	1,04
АСЕАН	864	25	75	0,33
*ЕврАзЭС**	427	17	83	0,21
Меркосур	224	14	86	0,16
Андское Сообщество Наций	76	8	92	0,09

**Без данных по Туркменистану и Узбекистану.*

Источники*: Составлено по World Trade Developments in 2008, www. wto.org. statistics; Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. 2007. М., 2008. – С. 36.*

Данные табл. 3 в определенной мере дают основания утверждать о наличии нескольких взаимосвязанных процессов и явлений.

Более крупные интеграционные структуры обладают бóльшим потенциалом к развитию и сохранению его устойчивости. Это верно и по отношению к крупным страновым структурам – БРИК. Во-вторых, соотношение «внутренняя торговля / торговля с третьими странами», особенно на начальных стадиях интеграции слабо- и среднеразвитых стран – важнейший показатель консолидации экономического пространства. Поэтому в нынешней ситуации ЕврАзЭС и СНГ рост взаимной торговли и ее диверсификация – главный и наиболее приемлемый метод оживления процесса консолидации постсоветского пространства.

Решение этой главной стратегической задачи интеграции потребует длительного периода, возможно большей части первой половины XXI в. К сожалению, замедление интеграционного процесса вызвано не только объективными причинами, но и недооценкой роли роста внутрирегиональной торговли, стремлением, без завершения этой первоочередной задачи, перейти к последующим стадиям. При столь низкой доле внутренней торговли она обладает единственным конкурентным преимуществом – ценовым

фактором. На этой основе консолидировать регион и тем более сохранить жизнеспособные интеграционные структуры невозможно. *Необходимы совместные и индивидуальные действия стран ЕврАзЭС по восстановлению и созданию производств, продукция и услуги которых обладали бы способностью конкурировать по качеству и инновационности как внутри региона, так и за его пределами.*

Столь крупному по территории и численности населения региону, как СНГ для модернизации, повышения конкурентоспособности и подтягивания к уровню развитых стран, судя по мировому опыту, следует довести соотношение «внутрирегиональная торговля / торговля с третьими странами» с нынешних 0,23 возможно ближе к показателю 0,4. АСЕАН с его двукратным превышением СНГ по численности населения и сравнительно широкой диверсификацией экономик стран-участниц, сумел обеспечить функционирование огромной интеграционной структуры при величине показателя в 0,35. Достигнуть уровня в 0,4 СНГ сможет при соотношении «внутрирегиональная торговля / торговля с третьими странами» 28–29% / 72–71%, что потребует увеличения доли внутрирегиональной торговли примерно в 1,4 раза. Экономическое содержание этого показателя – степень интенсивности внутрирегиональных связей по сравнению с внешними. Поэтому его оправданно назвать «коэффициентом экономической плотности территории» – одной из ее важнейших характеристик[9]*. Применительно к нашей теме этот показатель определяет* порог интеграции*, достижение которого может превратить ее в самоподдерживающийся стабильный процесс.*

Особенно сложная ситуация с преодолением порога интеграции в группировках с участием средне- и слаборазвитых стран. Структуры подобного дизайна испытывают дополнительные, весьма существенные трудности в достижении интеграционного порога. Чрезмерная асимметрия (потенциал страны-лидера близок к суммарной величине потенциалов всех остальных участников или даже превышает его – ЕврАзЭС, Меркосур, СААРК) порождает у «тяжеловесов» стремление к экспансии как внутри объединения, так и за его пределами.

9. Интересны трактовки термина «экономическое пространство», приведенные дальневосточными исследователями, где эти проблемы особенно остры и рассматриваются на стыке между внутристрановыми и международными. А.Г. Гранберг дает следующее определение: «…экономическое пространство это …территория, имеющая множество объектов и связей между ними» (2). Другой автор уточняет специфические характеристики пограничного пространства: «Основными требованиями к объекту пространственной экономики …являются: высокая теснота связей образующих его элементов, открытость и специализация» (5). Комплексная характеристика «экономического пространства» – странового и регионального – дается Л.Б. Вардомским (1).

Высказанные выше соображения приводят к выводу, что главным средством достижения интеграционного порога в ЕврАзЭС и в СНГ должно стать наращивание внутрирегионального товарооборота, прежде всего за счет его диверсификации, в результате модернизации возможно бóльшего числа экономик и группировок с участием России. *Для решения этой стратегической задачи необходимо выполнение следующих условий:*

– Стратегия модернизации российской экономики и технологического прорыва должна включать привлечение партнеров по ЕврАзЭС и СНГ с выделением необходимых ресурсов и принятием взаимных обязательств. Гарантией выполнения последних может стать целенаправленное формирование с участием российского капитала группы производств и крупных проектов на пространстве СНГ, ориентированных преимущественно на рынки России и других стран Содружества.

– России предстоит четко сформулировать свою региональную политику и, главное, ее цели. Имеющиеся документы нельзя признать удовлетворительными. В них правильно подчеркивается необходимость объединения усилий в интересах стран-участниц и укрепления ЕврАзЭС и позиций региона ЕврАзЭС и в мировом хозяйстве, провозглашается приоритетность данного направления внешнеэкономической политики. Но до настоящего времени практические действия направлены преимущественно на создание торговой системы, близкой к правилам и стандартам ВТО. Оставшаяся в наследство от советского периода система преференций – действенный инструмент поощрения консолидации и интеграции распавшегося постсоветского пространства – многократно менялась и меняется в угоду политической конъюнктуре,

а ее рудименты крайне волатильны. Сложилась система управления экономическим взаимодействием в режиме конъюнктурных политических действий и решений, которая не может служить инструментом успешной интеграции.

Долгосрочной целью для России могла бы стать фиксация доли СНГ в общем объеме ее экспорта на уровне интервала 20% и доли ЕврАзЭС – возможно ближе к верхней границе коридора 10–12%. Потенциальными, но неиспользованными ресурсами для роста внутрирегиональной торговли СНГ и ЕврАзЭС обладают. Это: широкое применение аутсорсинга более развитыми странами, что не только заинтересует менее развитые страны в консолидации региона, но и внесет вклад в упорядочение миграционных потоков, ослабит миграционное давление на Россию; совместное осуществление нескольких крупных региональных проектов – международная транзитная инфраструктура, улучшение водоснабжения южных районов России и Центральной Азии, улучшение энергоснабжения и сбережение энергоресурсов, совместные действия с целью роста аграрной продукции, создание страхо-

вых механизмов для возмещения несущим потери участникам совместных проектов.

Сценарии взаимодействия с внешним миром

При всем разнообразии интересов и целей у всех стран пространства СНГ есть три совпадающие стратегические задачи. Первая *– необходимость модернизации,* вторая *– определение путей интеграции в глобальные процессы: самостоятельно или совместно с другими странами в той или иной комбинации,* третья *– поиск, в зависимости от выбранных партнеров, приоритетов внешнеэкономической политики.*

К настоящему времени преимущественной формой организации экономического пространства региона и взаимодействия с внешним миром является система двусторонних связей. Ее возможности далеко не исчерпаны, но и пределы не безграничны. Невысокий уровень развития, недиверсифицированная экономика, небольшие размеры большинства стран вынуждают их не столько взаимодействовать с окружающей средой, сколько адаптироваться к ней. Подобная модель в глобальную эпоху, когда степень открытости национальных экономик высока, делает их чрезмерно зависимыми от внешних воздействий, способствует фрагментации народного хозяйства, затрудняет формирование его оптимальной структуры, усиливает социальное расслоение. Похоже, что действия в одиночку даже крупных стран – России и Украины – не позволят им выйти за пределы адаптационного сценария*: возможности экономического роста могут сохраняться преимущественно в режиме догоняющего развития, причем темпы роста (2–3%) не позволят преодолеть в обозримой перспективе отставание от развитых стран.*

Осознание ограниченных возможностей индивидуальных действий и необходимости усиления позиций страны во взаимодействии с внешним миром за счет регионального фактора, при правильной политике, может стать одним из главных ресурсов организации экономического пространства СНГ. Лучшим вариантом, вероятнее всего, стало бы создание полноформатной структуры, соединяющей все экономики региона. Численность населения (емкость рынка), его образовательный и интеллектуальный потенциал, обеспеченность природными ресурсами, технологические и финансовые ресурсы, качество управления при нормальных отношениях с внешним миром в принципе могут создавать условия для формирования экономического пространства, размеры, материальный и интеллектуальный потенциал которого достаточен доля осуществления институциональных и технологических изменений с целью выхода на траекторию устойчивого экономического роста (3, с. 130–142; 2, с. 69–88; 3, с. 9–49; 4, с. 180–181).

К сожалению, эволюция региона пошла другим путем. Его экономическое пространство оказалось расчлененным на несколько слабосвязанных и даже противостоящих группировок.

В сложившейся ситуации России предстоит проявить инициативу по двум направлениям: форсировать развитие двусторонних отношений в регионе и поддерживать субрегиональные структуры, увеличивающие конкурентную рыночную среду и готовящих условия перехода к более продвинутым формам интеграции, во-первых, и последовательно, терпеливо строить дружелюбное экономическое окружение в регионе и на соседних территориях, во-вторых. Важно подчеркнуть, что реальные возможности использовать объединительный потенциал России в полной мере возникнут только после существенного прогресса в модернизации и диверсификации ее экономики. Иначе говоря, экономическая масса страны-лидера должна стать гравитационно привлекательной для своих региональных соседей.

Создается впечатление, что российское руководство осознает важность решения этой сложнейшей задачи. Однако современное состояние и прогнозы развития российской экономики, продолжающиеся дискуссии об ориентации внешнеэкономических связей, частые ссылки на малую емкость и низкую платежеспособность регионального рынка СНГ не дают полностью использовать имеющийся объединительный потенциал.

Можно согласиться с необходимостью трезвой оценки места постсоветского пространства (ПП) в геополитике России, но это вряд ли верно по отношению к очередности решения задач. Приоритеты часто сводят к размеру, потенциалу партнера, его роли в мире. ПП, действительно, не является

объектом первого плана. Но в условиях ограниченности ресурсов проблема приоритета имеет два вектора: значимость задачи и очередность реакции на глобальные и региональные вызовы. В этом смысле упорядочение ПП, его консолидация, развитие интеграционного процесса с участием и лидерством России становится для нее приоритетной задачей: без ее решения будет весьма трудно продвигать российские интересы во многих геополитических и геоэкономических сферах.

Уникальное положение России на ПП дает ей шанс использовать систему своих двусторонних *связей с новыми независимыми государствами (последние, согласно нашим ориентировочным расчетам (2, с. 831), получают от их развития дополнительные стимулы роста) для поощрения консолидации региона, в том числе и в различных интеграционных форматах. Поскольку*

условий для полноформатной интеграции пока нет, целесообразно сосредоточиться на двух проектах: росте взаимной торговли для повышения роли регионального рынка и на развитии ЕврАзЭС и ОДКБ.

В ЕврАзЭС необходимо четко обозначить задачу перераспределения определенной части выгоды от совместной деятельности (например, создания тройственного таможенного союза) в пользу менее развитых участников объединения для сближения уровней развития. Без подобной конвергенции данная интеграционная структура не станет привлекательной и для других стран региона.

Необходима корректировка проекта «Союзное государство Россия–Белоруссия». Невзирая на сложившуюся ситуацию, было бы неверным отказаться от идеи объединения, но продолжать «красноармейскую атаку» дальше непродуктивно: следует заменить ее поэтапным подходом. На первом этапе сосредоточиться на решении текущих проблем и устранений накопившихся расхождений и взаимных претензий кратко- и среднесрочного плана. За этот период можно решить задачу максимально возможного приближения режима взаимодействия к режиму ЕврАзЭС. Без этого трудно дать ответ – будет ли Союзное государство способствовать консолидации постсоветского пространства или возведет еще один барьер? Завершение первого этапа создаст условия для решения стратегической задачи формирования Союзного государства с одновременной консолидацией ПП.

Похоже, что в проекте Союзного государства придется прибегнуть к «браку по расчету» с четким определением режима распределения выгод и обязательств между партнерами. Собственно, подобная политика (к сожалению, часто с перегибами) уже просматривается и по отношению к другим государствам ПП. Она вызывает напряженность и определенное охлаждение к России. Без прохождения через такое «экономическое чистилище» единое государство в мягкой конфедеративной форме создать будет в принципе возможно, но с самого начала оно увязнет в болоте мелких противоречий и неурегулированных вопросов. Именно поэтому уже на первом этапе нужно в основном урегулировать двусторонние отношения России с Белоруссией возможно ближе к режиму полноформатного ЕврАзЭС. На наш взгляд, подобная очередность к решению задачи создания Союзного государства

позволит с меньшими издержками, возможно и быстрей, продвигаться к достижению цели.

В отношениях с внешним миром России предстоит определиться с выбором приоритетных направлений экономического взаимодействия и соотношением между ними. Представляется, что евроатлантический регион останется в обозримой перспективе основным торгово-экономическим партнером России и большинства других стран ПП. Более того, объем взаимодействия будет увеличиваться, так как после преодоления кризиса потребности развитых стран в традиционной номенклатуре топливно-сырьевого импорта из региона СНГ продолжат возрастать, хотя и более

медленными темпами. Пределы роста по данному направлению определит воздействие трех факторов: экспортный потенциал ПП, прогресс в энерго- и материалосбережении, конкуренция других экспортеров и импортеров.

Главной проблемой СНГ, однако, будет малая вероятность в ближайшие 15–20 лет найти на этом направлении сколь-либо значимые экспортные ниши для экспорта продукции машиностроения и высоких технологий. Поэтому до преодоления существенного разрыва в уровнях технологии со странами ОЭСР, сравнительно развитым странам ПП придется искать рынки сбыта для своих индустриальной продукции и технологий прежде всего в регионах развивающегося мира, опираясь на традиционную специализацию на тяжелом и энергомашиностроении, атомной энергетике, космической и военной технике, а также на нескольких других отраслях высоких технологий[10]. При этом не следует забывать, что увеличился заметно список развивающихся стран, поставляющих на мировые рынки не только современную бытовую технику, но и качественные инвестиционные продукты, которые страны СНГ сейчас импортируют из стран ОЭСР. Еще один ограничитель, как уже отмечалось, – невозможность при прогнозируемой структуре экспорта стран СНГ по данному направлению обеспечить желаемые темпы роста.

Странам СНГ предстоит последовательно ослаблять сложившуюся структурную асимметрию в отношениях с внешним миром, которая была неизбежной в начале перестроечного периода, но превратилась к его концу в тормоз развития, способствующую деиндустриализации и примитивизации региональной экономики. Особенно сильно негативные последствия асимметрии сказались на группе более развитых стран СНГ. Это означает, что необходим маневр с целью поиска оптимальной структуры торговых (инвестиционных и технологических) потоков с внешним миром путем перехода к опережающим темпам роста экономических отношений с большой группой развивающихся стран по сравнению со странами ОЭСР.

По ориентировочным оценкам российских специалистов[11], незначительно скорректированными автором данной работы, к середине третьего десятилетия нынешнего века оптимальным для России была бы примерно сле-

10. Это отнюдь не означает отказа от экспорта данной номенклатуры в евроатлантическом направлении по мере восстановления и развития индустриального потенциала и освоения новых технологий.

11. В этих оценках автор опирается на разработанные ранее сценарии (9). Единственное расхождение: вызывает сомнение несколько завышенная оценка для СНГ – 24–25% в зависимости от сценария (инерционный и инновационный, соответственно). Учитывая инерционность изменения структуры российских внешнеэкономических связей, вряд ли к 2025 г. удастся вывести долю региона СНГ за пределы уровня в 20%.

дующая структура распределения торговых потоков: СНГ – порядка 20% с возможностью незначительного снижения (сейчас – около 15), страны ОЭСР – 60% (более 70) и развивающиеся государства – порядка 20% с возможностью небольшого увеличения.

Основаниями для построения предложенной схемы торговых потоков служат следующие соображения:

– учет производственных и экспортных возможностей российской экономики;

– более полное использование транзитного потенциала ПП;

– повышение эффективности ЕврАзЭС и Союзного государства Россия–Белоруссия;

– сохранение приемлемого уровня стабильности на постсоветском пространстве;

– начало осуществления некоторых инфраструктурных, производственных и аграрных проектов регионального значения;

– выполнение рублем части функций региональной резервной валюты;

– зарождение механизмов перераспределения выгод и компенсации потерь после возникновения таможенного союза, возможность дальнейшего их развития и совершенствования.

Литература

1. *Вардомский Л.Б. Российское зарубежье в условиях глобализации. – М., 2009.*
2. *Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М., 2000.*
3. *Зевин Л., Либман А. Оптимальное экономическое пространство: проблема размеров // Мир перемен. – М., 2007. – № 4. – С. 130–142.*
4. *Либман А., Зевин Л. Интегрирующееся пространство: дополнительные возможности экономического роста // Евразийская экономическая интеграция. – 2009. – № 2(3). – С. 69–88.*
5. *Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. – М., 2006.*
6. *Модернизация экономики и глобализация. Том 1. – М., 2009.*
7. *НГ-Наука. – М., 2009. – 8 апреля.*
8. *Проблемы современной экономики. – СПб., 2009. – № 3. Интернет-версия. http://www.m-economy.ru/art.php3&artid=13588*
9. *Стратегические ориентиры внешнеэкономических связей России в условиях глобализации. – М., 2006. – С. 102–149.*
10. *Berg A., Ostry J.D., Zettelmayer J. What makes growth Sustained? / IMF Working paper №59. – March 2008. – 35 p.*
11. *Calvert P. International politics of Latin America. – Manchester, 1994.*
12. *Flurentino R.V., Verdeja L., Toqueboeuf C. The changing landscape of regional trade agreements: 2006 Update. – WTO Discussion Paper, 2008. – № 2. – P. 6–9.*
13. *Globalization, poverty and conflict. A critical «development» reader. – Dordrecht, 2004.*
14. *Goretti, Manuella, Westfeld, Hans. Trade in the WAEMU: Development and reform opportunities / IMF Working Paper № 68, 2008. – P. 7.*

15. Jaumott F., Lall S. Technology widening rich-poor gap // IMF Survey. – Wash., 2007, vol. 36, № 13. – P. 201.

16. Ricci L.A. A model of an optium currency area // Economic journal, 2008, vol. 2, March 14.

17. Rodriguez-Delgado J.D. SAFTA: Living in a world of regional trade agreements / IMF Working Paper № 23. – February 2007. – 25 p.

18. Simmonds, Clive. Criteria for successful trade in the 21st Century. http://www.cacor.ca/PROCIIDOC

19. Stiglitz J.E. Globalisation and its discontents: N.Y., 2002.

Н.Ю. Кавешников

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА*

Кавешников Николай Юрьевич – кандидат политических наук, заведующий Центром политической интеграции Института Европы РАН.

История возникновения и развития ЕврАзЭС *неразрывно связана с другими проектами экономической интеграции на постсоветском пространстве, а точнее, со сложностями реализации последних. Уже в середине 1990-х годов стало ясно, что многие вопросы, прежде всего в сфере экономики и внешней торговли, не находят своего решения в формате СНГ. В связи с этим некоторые страны Сообщества стали искать новые организационные формы интеграционного взаимодействия.*

В 1995–1996 гг. происходит постепенное создание таможенного союза в составе России, Беларуси, Казахстана и Киргизии. Эти страны 29 марта 1996 г. подписали Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, в соответствии с которым была учреждена новая региональная организация – Таможенный союз. Чуть позже к ним присоединился Таджикистан. Высшим органом управления в Таможенном союзе стал Межгосударственный совет (далее: Межгоссовет), в состав которого вошли главы государств, главы правительств, министры иностранных дел. Был также создан Интеграционный комитет – постоянно действующий рабочий орган, наделенный исполнительными и координирующими функциями. Два вышеупомянутых органа ныне являются основой институциональной структуры ЕврАзЭС.

* Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ – проект 07-02-02006а «Опыт Европейскогно союза в применении к Евразийскому экономическому сообществу: Образ России в постсоветском пространстве».

Однако достичь большинства намеченных целей не удалось. Более того, с конца 1990-х годов в работе Таможенного союза стала нарастать дисфункциональность. В отсутствие единого органа управления тарифной политикой страны – члены Сообщества регулярно пренебрегали обязательством согласования национальных действий в этой сфере и в одностороннем порядке пересматривали импортные тарифы. Неоднократно имели место случаи введения отдельными членами ЕврАзЭС нетарифных ограничений на ввоз или вывоз тех или иных товаров.

Неудачи в развитии интеграции в рамках «пятерки» выявили необходимость создания эффективного многостороннего организационно-правового механизма практической реализации имеющихся (и будущих) договоренностей. В конце 2000 г. был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (Договор о ЕврАзЭС), в соответствии с которым Таможенный союз был преобразован в организацию, имеющую четкую институциональную структуру, статус юридического лица и более четкие полномочия. В 2001–2002 гг. были сформированы и начали работу основные органы ЕврАзЭС. В январе 2006 г. членом ЕврАзЭС стал Узбекистан, который, однако, вышел из его состава в ноябре 2008 г.

16 августа 2006 г. Межгоссовет принял решение о создании в рамках ЕврАзЭС Таможенного союза (ТС ЕврАзЭС) – интеграционного объединения России, Беларуси и Казахстана, открытого для присоединения к нему остальных государств – членов ЕврАзЭС по мере их готовности. Тем самым было принято принципиальное решение о дифференцированной интеграции в рамках модели «авангард-арьергард». Страны авангарда в очередной раз приступили к строительству таможенного союза и, также не в первый раз, заявили о намерении создать Единое экономическое пространство.

В отличие от предыдущих попыток на этот раз имелась согласованная концепция таможенного союза и четкий план его строительства. В частности, заранее был сформирован перечень документов, необходимых для создания ТС, и утвержден соответствующий план действий.

К началу 2009 г. были подписаны 18 документов, составляющие основу договорно-правовой базы создаваемого Таможенного союза. Для окончательного формирования правовой базы ТС ЕврАзЭС в 2009–2010 гг. предполагается принять еще 56 документов. Была сформирована Комиссия Таможенного союза (10 октября 2008 г.), ставшая единым регулирующим и исполнительным органом ТС ЕврАзЭС.

Официальные лица неоднократно заявляли, что ЕврАзЭС представляет наиболее успешную организацию экономической интеграции на постсовет-

ском пространстве[1]*. С этим тезисом следует согласиться. Но «успешность» ЕврАзЭС является таковой лишь на фоне очевидной несостоятельности других интеграционных проектов, как официально уже прекративших свое существование, так и формально действующих. И это при том, что с момента распада СССР существовало немало объективных предпосылок для успешного развития интеграционных процессов, часть из которых сохраняется и поныне. Это прежде всего общность истории, изначальная близость экономических систем, отсутствие языкового барьера, близость базовых правовых институтов, до сих пор сохраняющиеся со времен СССР производственные связи, единая инфраструктура, в том числе единые транспортные и энергетические сети.*

В то же время имеется целый ***ряд базовых факторов, которые негативно влияют на интеграционные процессы*** *на постсоветском пространстве и определяют некоторые особенности существующих интеграционных группировок.*

1. Одной из важнейших предпосылок региональной интеграции являются интенсивные торговые связи внутри региона. Сразу после распада СССР доля внутрирегиональной торговли в общем объеме торговли стран СНГ превышала 60%. Однако значительная часть торговых потоков была обусловлена внеэкономическими факторами и связана с плановым характером экономики СССР и его слабой вовлеченностью в мировую торговлю. В итоге в 1990-е годы доля внутрирегиональной торговли стабильно сокращалась и в настоящее время составляет около 20%, причем в структуре торговли велика доля сырьевых товаров. В ЕврАзЭС внутрирегиональный экспорт в 2006 г. составил лишь 9,6% от общего экспорта каждой страны, входящей в регион; импорт – 18,8%[2]*. В российском экспорте на страны ЕврАзЭС приходилось 14%, в импорте – менее 9%. Относительно небольшой объем взаимной торговли определяет невысокую заинтересованность стран ЕврАзЭС в либерализации взаимных торговых режимов и уменьшает стимулы идти на серьезные уступки в тарифной политике, которые необходимы для формирования полноценной зоны свободной торговли, а тем более полноценного таможенного союза.*

2. Для успешной интеграции желательно примерное равенство экономических потенциалов стран-партнеров; оно обеспечивает сопоставимость выгод от интеграции и сопоставимость взаимного влияния, что снимает опасения о возможном доминировании какой-либо страны. Одна из причин

1. Например, Генеральный секретарь ЕврАзЭС Таир Мансуров: «На сегодняшний день безусловное лидерство среди региональных объединений на постсоветском пространстве принадлежит Евразийскому экономическому сообществу» (7, с. 4).

2. Здесь и далее – по данным Статкомитета СНГ.

успеха первых этапов интеграции в ЕС – примерное равенство трех государств-основателей (Франции, Западной Германии и Италии). Этот факт, например, позволил поровну распределить голоса в Совете министров ЕС.

А вот постсоветское пространство в целом и ЕврАзЭС, в частности, иногда сравнивают с гелиоцентрической системой, в которой Россия занимает очевидно доминирующее положение. На Россию приходится более 83% территории, около 80% населения и 90% ВВП ЕврАзЭС. Уровень развития экономики в России, измеряемый в ВВП на душу населения, также значительно выше, чем в других странах-партнерах. Сильно различается и структура внешней торговли стран ЕврАзЭС.

Сравнение с гелиоцентрической системой верно и при анализе торговых потоков. В ЕврАзЭС сложилась модель торговли, при которой все страны-участницы торгуют в основном с Россией и практически не торгуют друг с другом. Этот факт определяет сложность согласования и исполнения многосторонних соглашений: участникам гораздо проще достичь своих целей посредством двусторонних торговых договоров.

3. ЕврАзЭС и регион СНГ в целом находится между несколькими крупными экономическими и политическими полюсами, влияние которых в определенной степени «разрывает» интеграционное пространство. Растет доля ЕС в торговом обороте Белоруссии и России (например, в экспорте она составляла в 2007 г. 52,0 и 44,0% соответственно)[3]. После своего расширения Евросоюз вплотную приблизился к бывшим западным границам СССР и активизировал свою политику на постсоветском пространстве в рамках так называемой Европейской политики соседства. А для азиатских стран ЕврАзЭС растет значение торговли с Китаем. Несмотря на неразвитость транспортной инфраструктуры доля Китая во внешнеторговом обороте Узбекистана в 2007 г. достигла 9,5%, Таджикистана – 14,6, Казахстана – 18,7, а Киргизии – 62,0%(!)[4]. Помимо этого, США рассматривают в качестве сферы своих интересов Закавказье, Украину и регион Средней Азии. В Закавказье – значительно влияние Турции. В итоге постсоветское пространство из «ближнего зарубежья» России превратилось в регион острой международной конкуренции, в котором Россия уже не является неоспори-

3. По данным Генерального директората по торговле (DG TRADE) Европейской Комиссии. Загружено с http://ec.europa.eu/trade/issues/bilateral/data.htm

4. По данным Генерального директората по торговле (DG TRADE) Европейской Комиссии. Загружено с http://ec.europa.eu/trade/issues/bilateral/data.htm Следует отметить, что данные Статистического комитета СНГ дают существенно более низкие цифры о роли Китая во внешней торговле стран региона: Узбекистан – 5,3%, Таджикистан – 7,2, Казахстан – 11,4, Кыргизстан – 11,8% (данные за 2007 г.). Выявить причину таких различий в рамках настоящего исследования не представляется возможным.

мым лидером, а лишь одним из центров силы, причем не самым мощным в политическом и экономическом отношениях.

4. Большинство стран, образовавшихся после распада СССР, не имеют большого опыта собственной государственности. По этой причине они с особым тщанием заботятся о сохранении своего суверенитета. Эта проблема особенно актуальна в свете уже упомянутого объективного доминирования России. Экономическая интеграция, начиная со стадии таможенного союза, возможна лишь при самоограничении, частичном отказе от национальной самостоятельности как минимум в сфере внешнеторговой политики. А создание общего экономического пространства требует еще большего отказа от суверенитета по широкому кругу экономических вопросов.

Статья 1 Договора о ЕврАзЭС также особо подчеркивает, что страны-члены «остаются суверенными и равноправными субъектами международного права». Несмотря на то, что политические элиты этих стран довольно давно осознали, что реальный прогресс возможен лишь при передаче организации некоторой части национальной компетенции, первый наднациональный орган был создан лишь в 2007 г., да и то тремя странами ЕврАзЭС, поставившими задачу строительства таможенного союза. Речь идет о Комиссии таможенного союза, в числе принципов деятельности которой фигурирует «добровольная поэтапная передача Комиссии части полномочий государственных органов Сторон» (4, ст. 2).

Институциональная структура ЕврАзЭС, равно как содержание и базовые принципы функционирования таможенного союза и единого экономического пространства, сформировались с учетом опыта Евросоюза. Об этом неоднократно заявляли политики стран ЕврАзЭС. Например, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ В.А. Густов утверждает: «Без преувеличения можно сказать, что активно разрабатываемые в последние годы нормативно-правовые основы региональной интеграции в мире (имея в виду прежде всего ЕврАзЭС. – Н.К.*) во многом являются отражением практики создания и развития Евросоюза» (3, с. 19).*

Однако представляется, что в данном случае особенности региона оказались столь значительными, что на основе опыта Евросоюза была создана принципиальна иная организация[5]*. Прежде чем обратиться к анализу ключевых особенностей институциональной структуры ЕврАзЭС, следует дать* ***краткую характеристику его основных органов****.*

5. В данном случае никоим образом нельзя ставить знак равенства между «иная» и «плохая». О ряде недостатков институциональной структуры ЕврАзЭС будет сказано далее, однако многие отличия вызваны объективными факторами и не могут считаться недостатками.

Руководящими органами ЕврАзЭС являются Межгосударственный совет, Интеграционный комитет, Межпарламентская ассамблея и Суд Сообщества. К числу вспомогательных органов относятся отраслевые советы, Комиссия постоянных представителей и Секретариат.

Высшим органом ЕврАзЭС является Межгоссовет, который собирается в составе глав государств или глав правительств. Межгоссовет «рассматривает принципиальные вопросы, связанные с общими интересами государств-участников, определяет стратегию, направления и перспективы развития интеграции и принимает решения, направленные на реализацию целей и задач ЕврАзЭС (6, ст. 5). По сути, это единственный орган ЕврАзЭС, полномочный принимать обязательные решения. Сами решения принимаются на основе консенсуса (12, ст. 8). В целом этот орган напоминает Европейский совет за тем исключением, что решения Европейского совета de jure не имеют обязательного характера.

Интеграционный комитет (ИК) является постоянно действующим органом ЕврАзЭС. В его состав входят заместители глав правительств. К числу основных задач ИК относится обеспечение взаимодействия органов ЕврАзЭС, подготовка проектов решений и документов Межгоссовета, контроль за реализацией решений. По своему статусу и составу ИК более всего напоминает Совет министров ЕС по общим вопросам. Однако при анализе функций ИК обнаруживается существенное отличие: ИК рассматривает вопросы, согласовывает проекты решений, готовит предложения, информирует, анализирует (14, ст. 5), но ничего не решает. Все решения принимаются на уровне Межгоссовета.

Решением ИК могут создаваться вспомогательные органы в форме советов и комиссий, которые формируются по отраслевому и функциональному принципу. В настоящее время существует 17 советов на уровне министров/глав государственных органов или высших должностных лиц и пять комиссий по отдельным аспектам торговой политики. В целом эти органы можно сравнить с отраслевыми советами министров ЕС. Однако имеется существенное отличие в объеме компетенции и выполняемых функциях. В ЕС отраслевые советы являются ключевыми органами принятия решений. В ЕврАзЭС они выполняют две основные функции: подготовку проектов решений и реализацию решений и договоров между членами Сообщества. При этом следует иметь в виду, что право ЕврАзЭС не обладает прямым действием и реализацией решений занимаются не сами советы, а их члены – руководители соответствующих национальных органов власти.

Ключевым вспомогательным органом ЕврАзЭС является Комиссия постоянных представителей (Комиссия постпредов). Функциями данной комиссии являются «обеспечение постоянной эффективной работы Сообщества; сближение и согласование позиций государств-членов…;

осуществление взаимодействия между Сообществом и соответствующими органами, ведомствами и организациями государств – членов Сообщества» (11, ст. 5). Комиссия постпредов принимает решения большинством в две трети голосов. Однако особо оговаривается, что эти решения обязательны лишь для Секретариата ИК ЕврАзЭС, а для «государств – членов ЕврАзЭС, органов Сообщества и созданных Интеграционным комитетом ЕврАзЭС комиссий и советов» (11, ст. 11) они носят рекомендательный характер. В целом Комиссия постпредов до мелочей напоминает КОРЕПЕР, который обеспечивает работы Совета министров ЕС.

В завершение следует упомянуть о двух руководящих по статусу, но второстепенных по реальному значению органах ЕврАзЭС: Межпарламентской ассамблее и Суде ЕврАзЭС.

Межпарламентская ассамблея (МПА) – это орган сотрудничества законодательных ветвей власти государств – членов ЕврАзЭС. Основными задачами МПА являются «координация законотворческой деятельности национальных парламентов» стран ЕврАзЭС, т.е. принятие типовых законов и кодексов, носящих рекомендательный характер, и «содействие созданию организационно-правовых условий для приведения законодательств государств – членов Сообщества в соответствие с договорами, заключенными в рамках ЕврАзЭС», т.е. разработка рекомендаций для Межгоссовета (13, ст. 2–3). Пленарные заседания МПА происходят раз в год, однако существует ряд комиссий, работающих на постоянной основе. Ключевой особенностью МПА является то, что она не принимает никакого участия в процессе выработки решений Межгоссовета и международных соглашений в рамках ЕврАзЭС.

Суд Сообщества призван обеспечивать единообразное применение Договора о ЕврАзЭС, других действующих в рамках ЕврАзЭС договоров и принимаемых органами ЕврАзЭС решений, а также рассматривает споры экономического характера между странами-членами по вопросам реализации договорно-правовой базы ЕврАзЭС (6, ст. 8). В настоящее время функции Суда Сообщества исполняет Суд СНГ. Отметим также, что ни в одном документе не сказано, что решения Суда Сообщества являются обязательными.

О роли Суда сообщества красноречиво говорит тот факт, что за восемь лет существования ЕврАзЭС суд рассмотрел лишь одно (!) дело.

Обращаясь к теоретическому анализу, выделим ***три ключевые особенности*** *институциональной структуры ЕврАзЭС.*

1. «Интеграционные процессы имеют разноскоростной и разноуровневый характер», – отмечает заместитель председателя Правительства РФ С.Е. Нарышкин (9, с. 15). Можно сказать еще резче: идея дифференцирован-

ной интеграции на пространстве СНГ достигла своего предельного воплощения, граничащего с абсурдом.

На практике страны – члены СНГ имели полное право выбирать – подписывать или не подписывать каждое *из заключаемых соглашений в рамках организации международных отношений. Впоследствии, пользуясь тем, что сроки ратификации этих соглашений не регламентировались, страны СНГ по сути имели абсолютное право ратифицировать или не ратифицировать подписанное соглашение. В итоге к 2000 г. сложилась ситуация, при которой половина стран СНГ присоединилась лишь к 40–70% подписанных в его рамках документов (1, с. 75), да и эти ратифицированные соглашения зачастую не выполнялись.*

Тот факт, что отсутствие единой правовой базы блокирует любые интеграционные инициативы, был осознан политическими лидерами. С этой точки зрения создание ЕврАзЭС стало большим шагом вперед – появляется понятие договорно-правовой базы Сообщества. Этот Договор о ЕврАзЭС и другие действующие договоры «по списку, определяемому решением Межгосударственного совета» (6, ст. 9). Ст. 9 Договора о ЕврАзЭС устанавливает, что присоединение ко всем другим договорам обязательно для любой страны, вступающей в ЕврАзЭС; подразумевается, что это обязательно и для всех стран-основателей. В данном качестве договорно-правовая база ЕврАзЭС является полным аналогом acquis communautaire *Евросоюза*[6].

Идея единства договорно-правовой базы ЕврАзЭС получила дальнейшее развитие в соглашениях, регулирующих функционирование таможенного союза, – к ним не допускаются оговорки. Таким образом, ЕврАзЭС отказался от модели беспорядочной дифференциации, об опасности которой предупреждал бывший в свое время председатель Еврокомиссии Жак Делор, отмечая, что Европейский союз рискует «превратиться в гигантский универмаг, где каждый будет платить лишь за то, что он берет с полки» (цит. по 18, с. 41). Предпочтение при строительстве таможенного союза было отдано другому типу дифференциации, который реально зарекомендовал себя в Евросоюзе (и не только) – модели авангарда и арьергарда.

Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС создается тремя странами: Россией, Казахстаном и Беларусью. При этом по всем основным чертам новая модель взаимоотношений авангарда и арьергарда сходна с существующей в Евросоюзе.

– Единство институциональной структуры авангарда и всего ЕврАзЭС[7].

6. Хотя объем и статус входящих в них документов абсолютно несопоставимы.

7. Например, высшим органом Таможенного союза является Межгоссовет, действующий в составе стран – участниц ТС.

– Цели авангарда соответствуют базовому направлению развития и целям всего ЕврАзЭС.

– Создание авангарда не наносит ущерба уровню интеграции в рамках всего ЕврАзЭС.

– Возможность отстающих стран присоединиться к авангарду при готовности взять на себя дополнительные обязательства.

Однако использование модели авангарда и арьергарда несет не только очевидные выгоды, но и серьезные угрозы. В случае ЕврАзЭС особую озабоченность вызывает дисбаланс между уровнем интеграции, достигнутым в масштабах всего Сообщества, и потенциально глубокой интеграцией между странами авангарда. В Евросоюзе надстройка авангарда (экономический и валютный союз) опирается на давно и стабильно функционирующие в рамках всего ЕС таможенный союз и единый внутренний рынок. В ЕврАзЭС же до сих пор не полностью завершено создание зоны свободной торговли, – ныне существующий режим основывается на ряде двусторонних соглашений, не всегда тщательно выполняемых. В этих условиях создание таможенного союза, а тем более единого экономического пространства рискует разорвать Сообщество на две части. Впрочем, позиция стран арьергарда (Киргизия и Таджикистан) во многом будет определяться степенью успешности создания Таможенного союза ЕврАзЭС и его способностью стать привлекательным для экономик арьергарда.

2. Ход интеграции в ЕврАзЭС не соответствует классической схеме региональной экономической интеграции: зона свободной торговли (ЗСТ), таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союзы.

В ЕврАзЭС de facto существует зона свободной торговли, однако с многочисленными изъятиями и с регулярным применением мер, которые в принципе не соответствуют режиму ЗСТ – таких как квотирование и вывозные пошлины. Основой режима свободной торговли является договорно-правовая база, унаследованная из 1990-х годов и формируемая двусторонними договоренностями государств ЕврАзЭС. В связи с этим существует необходимость юридического закрепления сложившихся в данной области отношений в многостороннем формате.

Как уже говорилось, таможенный союз на пространстве СНГ пытались создать неоднократно, в том числе и в формате пяти стран – основателей

ЕврАзЭС. При создании упомянутого выше ТС между странами – авангарда ЕврАзЭС следует помнить, что с 2000 г. по настоящее время уровень согласования национальных таможенных тарифов России, Казахстана и Беларуси составляет около 60%, что является довольно высоким показателем. На состоявшемся 9 июня 2009 г. саммите глав правительств России, Казахстану и Беларуси удалось договориться о полном согласовании таможенного

тарифа (решение вступит в силу в 2010 г.). Более того, было сделано сенсационное заявление о том, что эти страны намерены начать переговорный процесс по присоединению к ВТО в качестве единой таможенной территории.

В ЕврАзЭС действует ряд договоренностей по либерализации (упорядочиванию) движения капитала, услуг и граждан, что более соответствует стадии общего рынка. Кроме того, и в сфере движения товаров сотрудничество иногда выходит за пределы классического понимания ЗСТ или ТС. С середины 2007 г. в ЕвраАзЭС действует Соглашение об основах гармонизации технических регламентов, принятое 24 марта 2005 г. Таким образом, в рамках классической теории было бы весьма сложно дать ответ на вопрос, на какой именно стадии экономической интеграции находится ЕврАзЭС. Несоответствие теории и практики хорошо иллюстрирует мнение российских экономистов о том, что в ЕврАзЭС «условия регулирования… остаются сверхлиберальными по сравнению с другими интеграционными образованиями (как в случае с торговлей), либо неопределенными (как в случае с миграцией или движением капиталов)» (10, с. 7).

Не стыкуется с классическими схемами и та активная работа, которая ведется в рамках отраслевого сотрудничества, прежде всего в энергетике, транспорте и использовании водных ресурсов. Более того, отраслевое сотрудничество ведется и в неэкономических сферах, что в принципе несвойственно группировкам с невысокой степенью интеграции: реализуется ряд мер по охране границ, в сфере юстиции, в том числе в области уголовного права.

Наконец, в последние годы между странами ЕврАзЭС интенсивно развивается проектное сотрудничество: строительство Сангтудинской ГЭС-1 (Таджикистан), ГЭС Камбарата-2 (Киргизия), разработка уранового месторождения Заречное (Казахстан), строительство алюминиевого комплекса в Киргизии. Как правило, такие проекты нацелены либо на увеличение экспорта, либо на создание единых производственных цепочек в странах ЕврАзЭС. Важной предпосылкой для реализации такого рода проектов стало создание в 2006 г. Евразийского банка развития с капиталом 1,5 млрд. долл. США.

Можно только приветствовать развитие отраслевого и проектного сотрудничества. Однако устойчивость интеграционных процессов, в том числе отраслевого сотрудничества, на наш взгляд, зависит от продвижения в сфере общеэкономической интеграции, от создания реально функционирующего таможенного союза. Например, Узбекистан относительно безболезненно вышел из ЕврАзЭС. По сути для него единственное негативное последствие такого шага – исключение из многостороннего сотрудничества

по управлению водными ресурсами. А вот из реально функционирующего таможенного союза выйти будет гораздо сложнее.

Отрадно, что согласованная тремя странами ЕврАзЭС в 2006–2007 гг. концепция таможенного союза отвечает самым строгим критериям и предполагает наличие: единой таможенной территории; общего таможенного тарифа; режима, не допускающего, как правило, каких-либо тарифных и нетарифных ограничений во взаимной торговле; органов управления, обеспечивающих условия функционирования и развития таможенного союза; практики применения единых таможенных режимов. Теперь дело в ее практической реализации. К сожалению, даже июньский саммит 2009 г. проходил на фоне российско-белорусского «молочного» скандала. В одни и те же дни руководство Беларуси, с одной стороны, вело переговоры о создании таможенного союза ЕврАзЭС, а с другой – изучало возможность «введения таможенного и пограничного оформления на белорусско-российской границе» (17, с. 3).

3. Ключевой особенностью институциональной структуры ЕврАзЭС является ее слабость, выражающаяся в принятии решений на основе консенсуса и исключительно на высшем уровне; отсутствии органа, способного представлять общие интересы Сообщества; неэффективных механизмах исполнения решений.

На первый взгляд может показаться, что принцип квалифицированного большинства активно применяется в органах ЕврАзЭС, но детальный анализ свидетельствует об обратном. Страны Сообщества, на словах признавая необходимость перехода к голосованию большинством, на практике не готовы к этому. Решения Комиссии постпредов принимаются большинством в две трети голосов, но «в случае особого мнения любого из постпредов… вопрос передается на рассмотрение Интеграционного комитета ЕврАзЭС» (11, ст. 10). В Интеграционном комитете решения также принимаются большинством в две трети голосов, причем передача вопроса на высший уровень, в Межгоссовет, происходит лишь «если за принятие решения проголосовали пять Договаривающихся Сторон, но при этом оно не набрало большинства в ⅔ голосов» (6, ст. 3), т.е. если против проголосовала Россия. Однако и Комиссия постпредов, и Интеграционный комитет лишь готовят проекты решений и соглашений для Межгоссовета, а если и принимают какие-то решения самостоятельно, то лишь организационного и процедурного характера. Единственным органом ЕврАзЭС, полномочным принимать обязательные решения, является Межгоссовет, а он действует исключительно консенсусом.

Выстроенный таким образом механизм принятия решений имеет несколько недостатков.

– Необходимость постоянного поиска консенсуса в принципе затрудняет принятие любых решений.

– Как показывает практика, вопросы, уже согласованные на низших уровнях (в рабочих группах, Комиссии постпредов или отраслевых советах), зачастую «распаковываются» и заново обсуждаются на уровне Исполнительного комитета и Межгоссовета[8].

– Даже при отсутствии разногласий по сути вопроса процесс принятия решения из-за необходимости пройти все органы от рабочей группы до Межгоссовета занимает, согласно регламенту, полтора года (19, с. 184), – что очень долго.

– В институциональной структуре ЕврАзЭС существует разрыв между двумя каналами прохождения проектов решений: Секретариат, Комиссия постпредов и Интеграционный комитет с одной стороны, и отраслевые советы – с другой. Способность Комиссии постпредов координировать работу отраслевых советов вызывает большие сомнения, а Интеграционный комитет собирается слишком редко, чтобы эффективно выполнять эту функцию. Это осложняет объединение отдельных решений и формирование пакетных компромиссов.

Безусловно, следует позитивно оценить тот факт, что в рамках Таможенного союза ЕврАзЭС создан орган, который полномочен принимать обязательные решения на основе простого большинства и не несет обязательства в случае разногласий передавать решение вопроса на уровень Межгоссовета – Комиссия таможенного союза. Комиссия ТС принимает решения простым большинством, и каждая страна – участница ТС ЕврАзЭС имеет один голос. При этом сфера полномочий Комиссии ТС весьма широка – она является «единым постоянно действующим регулирующим органом таможенного союза» и «обеспечивает в пределах своих полномочий реализацию международных договоров, формирующих договорно-правовую базу таможенного союза» (4, ст. 1,6). Перечень «чувствительных вопросов», по которым Комиссия ТС принимает решения консенсусом, заранее *утверждается Межгоссоветом. Это важный шаг вперед, поскольку появляется сфера компетенции, в которой отдельное государство будет не в состоянии заблокировать принятие решения*[9]*. Насколько обширной будет эта сфера компетенции и как на практике будут исполняться принятые большинством решения покажет время.*

8. Данный вывод сделан по материалам ряда интервью с сотрудниками Секретариата ИК ЕврАзЭС.

9. Без подобного механизма управление таможенным союзом было бы невозможно в принципе.

Пока же в рамках ЕврАзЭС исполняемость решений оставляет желать лучшего, что, помимо всего прочего, связано с малоэффективным механизмом контроля. Контроль за исполнением решений возложен на органы ЕврАзЭС «в пределах их компетенции» (6, ст. 14), т.е. на Исполнительный комитет и отраслевые советы. В условиях упомянутой выше ограниченности полномочий Суда Сообщества и некоторой неясности правового статуса его решений, этот политический механизм контроля по сути является единственным.

Еще одним существенным недостатком институциональной структуры ЕврАзЭС является отсутствие органа, который обеспечивал бы защиту общих интересов Сообщества. В Евросоюзе такими органами являются Европарламент и Европейская комиссия; а вся институциональная структура ЕС построена на балансе институтов, представляющих общие интересы и интересы отдельных государств – членов ЕС. В ЕврАзЭС ни Межпарламентская ассамблея, ни Комиссия ТС не могут претендовать на функцию выразителя общего интереса.

Слабость МПА обусловлена как факторами политического характера, так и чрезвычайно ограниченной компетенцией этого органа. Депутатами МПА являются депутаты национальных парламентов стран – членов ЕврАзЭС. Учитывая, что в этих странах законодательная власть de facto зависима от исполнительной, способность МПА играть самостоятельную роль вызывает большие сомнения.

Комиссия Таможенного союза ЕврАзЭС, хотя и является наднациональным органом[10], но все же не в состоянии выполнять функцию защитника общих интересов Сообщества. Наднациональный орган должен соответствовать нескольким критериям:

– иметь собственную компетенцию, переданную ему государствами-членами;

– принимать решения не на основе консенсуса;

– решения должны быть обязательны для исполнения, в том числе и тем государством, которое возражало против принятия решения;

– для вступления решений в силу нет необходимости в каких-либо действиях на национальном уровне (например, в ратификации или в иной форме одобрения).

Из анализа документов можно сделать вывод, что Комиссия ТС соответствует этим критериям. Однако состав Комиссии не позволяет говорить о ней как о защитнике общих интересов Сообщества. В то время как члены Еврокомиссии ЕС действуют в личном качестве, независимы от на-

10. Пока об этом можно говорить только теоретически, поскольку Комиссия ТС приступила к работе лишь в феврале 2009 г.

циональных правительств и не могут запрашивать от них инструкции, члены Комиссии ТС являются таковыми в силу должности – заместитель главы правительства или член правительства государства – члена ЕврАзЭС – (4, ст. 4) и в связи с этим обязаны отстаивать национальные интересы «своего» государства. Определенную надежду на эволюцию этого органа в направлении защитника общих интересов Сообщества вызывает имеющееся в ст. 4 Договора о Комиссии таможенного союза положение о том, что «количество членов Комиссии от каждой Стороны и их статус могут быть изменены после завершения формирования таможенного союза». Только практика покажет, насколько в ТС ЕврАзЭС сбалансированы два принципиальных требования к институциональной структуре: 1) перенос власти по вопросам торговой политики на наднациональный уровень, без чего невозможно функционирование ТС; 2) способность институциональной структуры учитывать и гармонизировать жизненно важные интересы отдельных стран-членов, в отсутствие чего принимаемые решения будут саботироваться на национальном уровне.

Существуют ли пути совершенствования институциональной структуры ЕврАзЭС и интеграционных процессов в целом, если исходить не столько из желаемого, сколько из возможного в условиях имеющихся хозяйственных связей, существующего уровня интеграции, политической и экономической ситуации в странах – членах ЕврАзЭС? На наш взгляд, речь может идти о следующих мерах.

1. Необходимо продолжать активное взаимодействие в отдельных секторах, прежде всего в тех, где налицо заинтересованность партнеров (энергетика, транспорт). Следует уделить внимание обеспечению льготных режимов для производственной кооперации, передачи технологий и инвестиционного сотрудничества. Значительную отдачу могут принести меры по уменьшение взаимной конкуренции на рынках третьих стран, в том числе возможное согласование ценовой политики и объемов поставок (например, в сфере ТЭК, металлургии, химической промышленности)[11].

2. При реализации отраслевых программ и отдельных проектов необходимо усилить бюджетную солидарность, например, предусмотреть минимальный взнос, обязательный даже для тех стран – членов ЕврАзЭС, у которых нет непосредственной заинтересованности в тех или иных проектах. В этой связи следует положительно оценить принятое в феврале и подтвержденное в июне 2009 г. решение об учреждении Антикризисного фонда ЕврАзЭС – он формируется из взносов всех *стран-членов, хотя, разумеется,*

11. Брать пример стоит не только с Евросоюза, но и с других интеграционных группировок. Например, в АСЕАН эффективно действует Ассоциация по производству и реализации кофе.

львиную долю средств предоставляет Россия (7,5 млрд. долл. из общей суммы в 10 млрд.).

3. В то же время следует четко понимать, что дальнейшая судьба ЕврАзЭС напрямую зависит от успешного завершения строительства таможенного союза трех стран-членов и эффективности его функционирования. Деятельность таможенного союза не должна ограничиваться только вопросами внешней торговли. Все страны получают выгоду от создания единого

таможенного пространства, но эта выгода распределяется неравномерно. Наибольший положительный эффект получают страны с более конкурентоспособной экономикой. Заинтересованность менее конкурентоспособных стран следует поддерживать за счет проведения «компенсационных» политик, например, региональной или промышленной, основывающихся на общем бюджете.

4. На первоначальном этапе функционирования ТС деятельность Комиссии ТС должна строиться на сочетании двух принципов: четкое следование практике принятия решений большинством в тех сферах, где это предусмотрено; максимальный учет интересов стран, противящихся принятию тех или иных решений исходя из своих национальных интересов. Принятие решений большинством должно стать работающим правилом, иначе управление ТС станет невозможным.

5. Желательна трансформация Комиссии ТС в орган, способный учитывать и отстаивать общие интересы Сообщества. Это возможно лишь при изменении принципа ее формирования. Это чрезвычайно сложный шаг, но определенную надежду дает упоминание о возможности такой трансформации в подписанном Договоре о Комиссии ТС.

6. В формате ЕврАзЭС целесообразно рассмотреть возможность передачи права принятия отдельных решений с высшего уровня (Межгоссовет) на уровень Интеграционного комитета и отраслевых советов. Это существенно сократит сроки разработки решений и, за счет потенциальной возможности принятия решений квалифицированным большинством, сделает страны-члены более склонными к компромиссам.

7. Целесообразно подключить Межпарламентскую ассамблею к процессу подготовки решений Межгоссовета. В настоящее время максимально возможной формой участия МПА является проведение регулярных обязательных консультаций.

8. Принципиально важным для увеличения эффективности институциональной структуры ЕврАзЭС является улучшение координации работы отраслевых советов. Здесь существует два возможных решения, причем они могут быть реализованы одновременно. Во-первых, проведение по мере необходимости совместных заседаний двух / трех советов при наличии в пове-

стке дня вопросов смежной компетенции. Во-вторых, объединение близких по сфере деятельности отраслевых советов на постоянной основе.

9. Исполняемость решений является «больным местом» ЕврАзЭС[12]. После того, как заработает Таможенный союз ЕврАзЭС, имеет смысл рассмотреть возможность повышения роли Суда Сообщества и налаживания связей между ним и национальными судебными органами. Однако это – задача на долгосрочную перспективу, которая может быть решена только параллельно с судебной реформой на национальном уровне.

10. Следует упорядочить систему решений органов ЕврАзЭС и точнее определить их юридическую силу и место в системе национальных нормативных актов. Было бы также целесообразно формализовать имеющийся механизм политического контроля за исполнением решений органов ЕврАзЭС на национальном уровне. Работа по этим направлениям ведется с 2004 г., ее следует активизировать с тем, чтобы закончить не позднее 2010 г. к завершению создания таможенного союза.

Литература

1. Аналитический доклад «Итоги деятельности СНГ за 10 лет и задачи на перспективу» // Дипломатический вестник, № 12, 2001. – С. 74–81.

2. Астапов К. Формирование единого экономического пространства стран СНГ // МЭиМО, № 1, январь 2005. – С. 95–99.

3. Густов В.А. На пути к созданию таможенного союза Евразийского экономического сообщества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика, № 3, 2008 г. – С. 19–23.

4. Договор о Комиссии таможенного союза от 6 октября 2007 г.

5. Договор о статусе Основ законодательства Евразийского экономического сообщества, порядке их разработки, принятия и реализации от 18 июня 2004 г.

6. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г.

7. Мансуров Т. ЕврАзЭС: новый этап интеграции // Экономическое обозрение ЕврАзЭС+, № 3, 2007. – С. 4–6.

8. МПА ЕврАзЭС. Справка о ходе разработки Основ законодательств государств – членов ЕврАзЭС, 3.04.2008 г. Загружено с сайта МПА ЕврАзЭС: www.ipaeurasec.org

9. Нарышкин С.Е. ЕврАзЭС на пути углубления интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика, № 3, 2008 г. – С. 15–18.

10. Осипова О., Пухов С. Опыт международной интеграции и сценарии развития ЕврАзЭС // Экономическое обозрение ЕврАзЭС+, № 3, 2007. – С. 7–12.

12. Все страны-члены, включая три страны, строящие Таможенный союз ЕврАзЭС, вопреки договоренностям регулярно вводят тарифные, налоговые и иные меры по ограничению импорта. Например, в Белоруссии в конце 2008 г. введен запрет на покупку валюты для авансовых платежей по закупкам так называемого «необоснованного импорта» из России.

11. Положение о Комиссии постоянных представителей при Евразийском экономическом сообществе от 27 февраля 2003 года. Утверждено Решением ИК ЕврАзЭС от 27 февраля 2003 г.

12. Положение о Межгосударственном совете Евразийского экономического сообщества. Утверждено решением Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 31 мая 2001 г. № 3 (в редакции от 23 июня 2006 г.).

13. Положение о Межпарламентской ассамблее Евразийского экономического сообщества. Утверждено решением Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 13 мая 2002 г. № 52 (в редакции от 23 июня 2006 г.).

14. Положение об Интеграционном комитете Евразийского экономического сообщества. Утверждено Решением Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 31 мая 2001 г. № 6 (в редакции от 23 июня 2006 г.).

15. Статут Суда Евразийского экономического сообщества. Утвержден решением Межгоссовета ЕврАзЭС от 27 апреля 2003 г. № 122.

16. Убайдуллоев М. Об основных направлениях деятельности Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества и перспективах ее развития. Доклад на заседании Бюро МПА ЕврАзЭС, 31 октября 2007 г. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика, № 3, 2008 г. – С. 6–9.

17. Ходасевич А. Молочные братья на грани развода // Независимая газета, № 117, 15 июня 2009 г. – С. 3.

18. Шемятенков В. Маастрихтский и Амстердамский договоры и их значение для европейской интеграции // Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Под ред. Борко Ю., Буториной О. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 26–41.

19. Шурубович А.В. Развитие интеграционного взаимодействия в рамках ЕврАзЭС // Россия и современный мир, № 3, 2006. – С. 174–191.

Б.С. Орлов

РОССИЯ ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Орлов Борис Сергеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Для понимания эволюции и условий формирования образа России глазами немцев важно знать, что исторически представляло собой германское общество.

Прежде всего отметим, что оно было неоднородно с учетом ментальности людей, проживающих в той или иной земле. Если бы в начале XX в. спросили, каким представляет себе немец русского человека, Россию как страну, то, по всей вероятности, мы получили бы разные ответы от жителей Пруссии, Баварии, Саксонии, северных германских территорий.

Следует иметь в виду, что Германия как целостное государство возникло только после 1871 г. Население страны с 41,6 млн. в 1873 г. увеличилось до 52 млн. в 1895 г. (5, с. 17). Росли города с численностью до 100 тыс. человек и более. Германия становилась городской страной с новым отношением к окружающему миру. Рабочий класс вместе с «пролетаризующимися слоями» составлял 67,5% населения, доля средней и крупной буржуазии (включая и интеллигенцию) – 29–30%.

Как отмечают авторы учебника «История Германии», подготовленного совместно российскими и немецкими учеными в рамках университета в Кемерово «особо динамично формировались "новые средние слои"», включающие специалистов в сферах государственного управления, образования, здравоохранения, науки и культуры. Накануне Первой мировой войны к "новым средним слоям" относилось около 15% населения» (5, с. 18). Отметим, что именно в этой среде в первую очередь проявлялся интерес к тому, что происходило в России, формировался и корректировался образ страны и человека, в ней проживающего.

В обществе сохранились и «старые» средние слои. Их ядро традиционно составляли владельцы ремесленных предприятий, купцы и лавочники, домовладельцы. Вместе с домочадцами их численность находилась на уровне 2,3–2,5 млн. человек, что составляло около 5% населения страны (5, с. 19).

Еще одно важное обстоятельство: в период Второго райха (1871–1918) шло активное формирование широкого спектра политических взглядов и, как следствие, политических партий с соответствующими программами. Это прежде всего партия либералов, отражавшая интересы крупной, средней буржуазии, интеллигенции (Национал-либеральная партия); партия социально-ориентированных либералов (средние и мелкобуржуазные слои); партии консерваторов, одна из которых представляла интересы крупной промышленности и крупных аграриев (Партия свободных консерваторов), другая – интересы юнкерства Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и прусского офицерства и чиновничества (Немецкая консервативная партия). Партия Центра располагала влиянием в Южной и Западной Германии среди

католического населения. Рабочее движение было представлено Социал-демократической партией.

Антисемитские настроения, существовавшие в германском обществе, наши отражение в деятельности ряда организаций. Наиболее известная из них – Христианско-социальная рабочая партия (ХСРП). В нее входила часть мелкой и средней буржуазии, студенчество. В начале XX в. ХСРП стала терять свое влияние, поскольку в империи появились другие националистические и шовинистические организации. «Но Германия стала своего рода "образцом" проведения антисемитских кампаний для европейских стран», – констатируют авторы кемеровского учебника истории Германии (5, с. 36).

В рядах всех этих политических организаций создавались свои представления о России, о том, какими должны быть отношения с этой страной. Вместе с научной и творческой интеллигенцией, с представителями высшей власти эти политические группировки образовывали ту среду, где появлялись, сталкивались друг с другом, опровергали друг друга различные точки зрения, образуя, как и сами отношения двух стран, «беспримерную цепь разрывов и перерывов, коллизий и конфликтов» (36, с. 10).

Если говорить о самом начале XX в. и о реакции видных представителей немецкой творческой интеллигенции, то речь шла, скорее, об открытии некоего нового образа России. По этой причине поэт Рильке едет в Россию, встречается в 1900 г. с Толстым. Перед этим в переводе на немецкий язык появляется роман русского писателя «Анна Каренина» (1885). Рильке столь увлечен русской культурой, что берется за перевод «Слова о полку Игореве» и пишет стихи на русском языке. В 1906 г. поездку в Россию совершает

скульптор Эрнст Барлах, и он тоже в восторге от естественности простого русского человека, что находит отражение в его работах.

Читатель в Германии открывает для себя русского писателя Тургенева и его повести, а затем Достоевского, Толстого и чуть позднее Горького, особенно его пьесу «На дне». Открывают немцы для себя музыку Чайковского и русский балет Дягилева. Неповторимое явление русской культуры в начале XX в., которое назовут «Серебряным веком», вызывает к себе большой интерес в Германии. Герд Кёнен дает общую характеристику реакции немцев на происходящее в России в начале XX в.: «Россия со своей богатой литературой и грандиозной музыкой, со своей многообразной живописью, со своим классически-модерновым Ballets russes или авангардистскими театральными постановками неожиданным образом проявила себя как "культурная нация" первостепенного ранга, солнце которой светило тем ярче, чем больше оно подавлялось и преследовалось царской бюрократией и полицией» (36, с. 44). Обобщая этот интерес немцев к русской культуре, Г. Кёнен полагает, что в Германии возник новый «русский миф». Он приводит высказывание Томаса Манна, говорившего о «святой русской литературе». «Большинство остальных немецких писателей и деятелей искусства предвоенного времени также свидетельствовали, что для них знакомство с русской литературой, и прежде всего встреча с Достоевским, были эпохальными событиями» (36, с. 45).

Свой взгляд на происходящее в России обосновывали представители левого лагеря, особенно примыкавшие к германской социал-демократии. Они с большим вниманием следили за революционными выступлениями в 1905–1907 гг., полагая, что именно Россия дает пример решительности в действиях для трудящихся масс. Примерно так высказалась Роза Люксембург, связавшая свою судьбу с деятельностью польской и германской социал-демократии и являвшаяся в первом десятилетии XX в. одним из виднейших теоретиков СДПГ. На собрании в Мангейме 25 сентября 1906 г. она так характеризовала происходящее в России: «Русская революция для германского пролетариата – великий наставник. Нет сомнения, что русская революция в самой значительной мере окажет воздействие на заграницу. Русское правовое государство вызовет сдвиг в политических условиях и в Германии. Я имею в виду решительность и смелость в постановке таких политических задач, каких требует политическая ситуация. Если мы что-либо можем почерпнуть из русской революции, так это не пессимизм, а величайший оптимизм» (11, с. 140).

Конечно, эта позиция не определяла отношение всех немцев к России, тем более, что в последующие несколько десятилетий Россия и Германия стали противниками в двух мировых войнах. Средства массовой информации создавали упрощенный, нередко односторонний и предвзятый образ нашей

страны, усваивавшийся миллионами немцев, но складывались и иные традиции понимания России, на основе скрупулезного изучения истории ее народа и государства. Отметим в первую очередь исследования, которые проводились в ФРГ с начала 80-х годов в Вуппертале (земля Северный Рейн – Вестфалия) группой энтузиастов под руководством Льва Копелева.

Лев Зиновьевич Копелев – человек удивительной судьбы. Блестящий знаток немецкой литературы, фронтовик, отсидевший из-за протеста против аморального поведения советских солдат на немецкой территории десять лет в сталинских лагерях, в том числе в подмосковной «шарашке» (прообраз Цезаря в «Одном дне Ивана Денисовича» и Рубина в романе «В круге первом» Солженицына), поддерживавший тесные контакты с немецкими литераторами, прежде всего с Генрихом Бёллем, в 1981 г. вместе с женой Раисой Орловой он уезжает по научным делам в ФРГ, и здесь, в посольстве СССР, ему сообщают что указом от 12 января 1981 г. за подписью Брежнева оба они лишены советского гражданства (подробнее см.: 6).

Были задуманы две параллельные серии, составляющие десять томов с иллюстрациями и названные «Западно-восточные отражения». Серия «А» (красная) – «Русские и Россия глазами немцев» и серия «Б» (зеленая) – «Немцы и Германия глазами русских». Первые четыре тома вышли под непосредственным руководством Копелева, последующие – после его смерти в 1997 г. под руководством его ближайших сотрудников (59). Под редакцией Копелева и одного из его ближайших коллег Герда Кёнена вышел также уже после смерти Копелева том «Германия и русская революция. 1917–1924» (60). В результате был совершен труд, не имеющий аналогий в исторической литературе.

Какой методологический подход избрал Копелев для исследования этой проблематики? Он предпослал многотомному исследованию суждение Гёте: «Итак, мы повторяем, что не может быть и речи о том, чтобы нации думали одинаково; они должны только, сознавая себя, видеть одна другую и, если они не могут взаимно любить друг друга, то, по меньшей мере, должны учиться быть терпимыми» (цит. по: 7, с. 64).

Монументальное дело Льва Копелева было продолжено. Коллектив авторов во главе с учеными из Бохумского университета Карлом Аймермахером и Астрид Вольперт при сотрудничестве российского ученого Геннадия Бордюгова приступили к изданию серии «Западно-восточные отражения: новое продолжение». Уже вышли первые три тома. Первый том: «Искушение насилием. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах» (25). Второй том: «Взрывные всплески и разочарование в ожиданиях. Русские и немцы

в межвоенные периоды» (23). Том третий: «Оттепель. Время заморозков и управляемые диалоги. Русские и немцы после 1945 г.» (24).

Были изданы и другие материалы, посвященные данной тематике. Дагмар Херманн и Астрид Вольперт выпустили сборник «Мечта и травма. Русские и немцы в XX столетии». В нем помещены статьи немецких и российских авторов в двух больших разделах: политизация культурного диалога; трудности в ходе обращения к прошлому (32).

С отдельной книгой – «Российский комплекс. Немцы и Восток. 1900–1945» – выступил и Герд Кёнен (36). Важной вехой формирования образа России в Германии в начале XX в. предстает Первая мировая война. Что касается отношения в той обстановке Германии к России, то Кёнен высказывает такую точку зрения: хотя Первая мировая война началась с объявления войны Германской империей Российской империи, то это не из-за особой «вражды к России» или из-за неразрешимых конфликтов между обеими империями, но только на основе стратегического расчета, рассматривающего баланс сил между всеми великими державами. Этот стратегический расчет обозначил еще канцлер Бюлов в речи в рейхстаге 6 декабря 1897 г.: «Времена, когда немцы одному из своих соседей отдавали землю, а другому моря, оставив за собой лишь небо, безвозвратно ушло в прошлое» (цит. по: 1, с. 19–20).

Суть перемен во внешней политике, сопровождавшихся переменами в умонастроениях в обществе, авторы Кемеровского учебника истории Германии характеризовали следующим образом: «В августовские дни немецкий народ, как и народы других стран, оказался во власти национал-патриотизма. Война не стала для него чрезвычайным явлением, ибо идея войны уже прочно вошла в сознание каждого немца. «Бисмарковское поколение» немцев было воспитано войной за единую Германскую империю. «Постбисмарковское» поколение усвоило идею войны за «Великую Германию» (5, с. 91). Авторы учебника приводят высказывание немецкого публициста Эрнста Толлера: «Мы живем в состоянии опьянения. Слова "Германия", "Родина", "Война" имеют магическую силу. Когда мы их произносим, они не улетучиваются, они парят в воздухе, кружатся, воспламеняются и зажигают нас» (5, с. 92). Родился рифмованный слоган «Am deutschen Wesen wird die Welt genesen» – «Немецкой сутью мир оздоровится».

Но в те военные годы общественная мысль в Германии развивалась не только в правом, консервативно-националистическом духе, но и в левом, обретая со временем все больше сторонников, что в конечном счете нашло отражение в Ноябрьской революции 1918 г. Идеями социализма вдохновлялось рабочее движение, причем в рядах партии, представлявшей это движение – СДПГ – возникли два направления, одно из которых сочло возможным продвигаться в сторону социализма в рамках существующего государственного строя с помощью реформ с последующим изменением этого строя в рамках демократии, а другое продолжало настаивать на необходимости

кардинальных революционных преобразований и построения принципиально нового общественного строя.

И здесь, как и предсказывала Роза Люксембург, не обошлось без воздействия российского опыта. Деятельность левых сил вместе с радикализаций бедствующих и озлобленных поражением Германии масс готовили революционную ситуацию в Германии. «Эхо российской революции, – пишет А. Ватлин, – расходилось по Германии, независимо от большевистских агитаторов, вербовавшихся из военнопленных и снабженных кипами свежеотпечатанных листовок. Оно породило стихийные братания на фронте и стачки в крупнейших городах страны, в которых участвовали около 1,5 млн. рабочих» (1, с. 40). Заметим, «братание на фронте» представляло собой принципиально новое явление в истории военных действий на европейском континенте.

* * *

Примечательно, что в начале Ноябрьской революции 1918 г. в Германии было искушение повторить опыт российского Февраля 1917 г. Авторы «Краткой истории СДПГ» так описывают создавшуюся ситуацию: «При первом же толчке старые государственные устои разваливались, подобно гнилой стене. Как грибы, повсюду вырастали Советы рабочих и солдат – революционные органы массового движения. Они следовали русскому примеру и в зачаточной форме появились в Германии еще во время волнений на флоте в 1917 г. и прежде всего в январской забастовке 1918 г.» (15, с. 91).

Сейчас мало кто помнит, даже в Германии, что в ночь с 7 на 8 ноября 1918 г. в Мюнхене была провозглашена Социалистическая республика Советов. 9 ноября Социалистическую республику с балкона Берлинского замка провозгласил спартаковец Карл Либкнехт. Но в тот же день уже в стенах рейхстага представитель СДПГ Филипп Шейдеман заявил о начале новой эпохи в истории Германии – эпохи демократической республики. В какой-то степени повторялся русский опыт двоевластия.

В дальнейшем немецкие коммунисты во всем покорно слушались приказов из Москвы и восторгались большевистским опытом строительства социализма; среди немецких же социал-демократов возникали иные суждения по мере того, как они наблюдали за большевистским экспериментом в России.

Тревогу по поводу того, что что-то неладно в «большевистском королевстве» забила Роза Люксембург еще до того, как была образована КПГ. Находясь в тюрьме в Бреслау (ныне Вроцлав), она следила за событиями в Советской России, пока не была освобождена в ходе Ноябрьской революции 1918 г. Приветствуя сам Октябрьский переворот и видя в нем логическое

продолжение революционного процесса, начавшегося еще в 1905 г., она вместе с тем в своих тюремных записках писала: «Ленин и Троцкий поставили на место представительных учреждений, вышедших из всеобщих народных выборов (Р. Люксембург имела в виду Учредительное собрание, которое разогнали большевики. – Б.О.*), Советы как единственное истинное представительство трудящихся масс. Но с подавлением политической жизни во всей стране неизбежно будет все более затухать и жизнь в Советах. Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении; они превращаются в видимость жизни, деятельным элементом которой остается только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неуемной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей и единогласно одобрять предложенные резолюции» (10, с. 226).*

Еще более критически оценивал происходящее в Советской России Карл Каутский, который написал несколько работ, посвященных деятельности большевиков. О первой из них и о том, что Каутский «ренегат», знали все в СССР, кто знакомился с историей Октябрьской революции. Так обозвал теоретика СДПГ Ленин в 1918 г. в известной работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (29). В 1930 г., т.е. спустя 13 лет после Октябрьского переворота, он дал итоговую (на то время) оценку: большевизм в тупике. Поясняя свою главную мысль, Каутский писал: «Этот безумный эксперимент не может кончиться иначе, как страшным крахом. И величайший гений не смог бы этого краха предотвратить. Он неизбежно вытекает из неразрешимости поставленной задачи в наличных условиях и при наличных средствах. Но чем ощутительнее становится надвигающееся банкротство, тем более выступает смелость последнего рода – смелость отчаяния. Параллельно быстрому ухудшению положения трудящихся масс все более гигантскими становятся проекты, высиживаемые, чтобы вытащить себя из болота. Чем грандиознее проект, тем короче время для его осуществления, но тем больше и насилие, пускаемое в ход, чтобы добиться результатов, которые могла дать лишь волшебная лампа Аладдина» (6, с. 210).

Но критические суждения Каутского перекрывались суждениями тех, кто хотел видеть в новой России сотворение принципиально нового мира, формирование нового человека. И если созданное «Немецкое общество по изучению Восточной Европы» стремилось к взвешенной оценке происходившего в России, то «Общество друзей новой России» выступало за активную поддержку преобразовательных процессов в стране Советов. Уже в 1926 г. в Советской России побывала первая группа писателей и представителей

интеллигенции из Германии. Они знакомились с условиями жизни в этой стране и свои впечатления отражали в книгах и статьях, которые могли влиять на формирование представлений о происходившем в Советской России. Хайнрих Фогелер после поездки в 1924 г. так описывал свои впечатления: «Как красивы и спокойны здесь люди, когда смотришь им в глаза, и это отличает их от людей Запада» (58).

С 1924 г. в Берлине стал выходить журнал «Новая Россия» («Das neue Russland»). Вплоть до 1932 г. в течение девяти лет выходило ежегодно по шесть номеров. В 1930 г., когда, по мнению Каутского, политика большевиков со всей очевидностью зашла в тупик, журналист А. Грабовский считал возможным писать о «духовном подъеме в СССР» (28).

Таким образом, в левой интеллектуальной и политической среде Германии существовали весьма различные представления о происходившем в Советской России – от критических до панегирических.

Достаточно громко в 1920-е годы звучали в Германии и голоса русских эмигрантов. В столице Германии их оказалось так много, что стали говорить о своеобразном феномене под названием «русский Берлин». Как отмечают авторы работы «Они были не только противниками», «порой в германской столице проживали до 150 000 русских эмигрантов. Городской район Шарлоттенбург берлинцы в это время прозвали Шарлоттенградом». В январе 1923 г. в Берлине выходили 39 журналов и три ежедневные газеты на русском языке. Здесь обосновались 86 русских издательств и книжных магазинов (13а, с. 69). Авторы полагают, что «в 1921–1923 гг. Берлин был единственным в своем роде очагом русской культуры». Для такого вывода были веские основания. Здесь проживали постоянно или останавливались, чтобы затем отправиться в Париж, Владимир Набоков, Борис Пильняк, Алексей Толстой, Алексей Ремизов, Максим Горький, Владимир Маяковский, Александр Вертинский, Виктор Шкловский, Илья Эренбург и многие другие.

Приведем оценку автора учебника «Германия в XX веке» Александра Ватлина: «Российское влияние на духовную жизнь Веймарской республики было несравненно большим, нежели во времена Вильгельмовской империи. Читающая публика открыла для себя Ф.М. Достоевского, немецкие переводы его романов в 1920-е годы вышли на уровень бестселлеров. Уже в 1922 г. в Берлине состоялась первая выставка, посвященная искусству новой России. Экзальтированность немецкой духовной элиты тех лет объяснялась ее неподдельным интересом к творческим поискам как на Западе, так и на Востоке. Достаточно напомнить о том восторженном приеме, который вызвал у немецкой публики фильм «Броненосец Потемкин». Высланные из России пассажиры «философского парохода», причалившего осенью 1922 г. в порту Штеттин, образовали в Берлине научный институт, который внес заметный вклад в прогресс естественных наук и философии межвоенного

периода»
(1, 63).

Конечно, буржуазная часть немецкого общества и правая пресса отвергали коммунистическую идеологию и критиковали советский политический строй. То же самое делали, придя к власти, нацисты, но уже на антисемитской подкладке, делая упор на то, что в руководстве большевистской партии много лиц еврейской национальности. С учетом застарелых антисемитских настроений в немецком обществе, этот пропагандистский прием оказывал ощутимое влияние на сознание людей и, соответственно, на их восприятие Советской России (26).

Созданные нацистской пропагандой стереотипы проявили себя в реакции немецкого населения на войну против СССР, особенно на приближение Советской Армии к границам Германии и на ее вхождение на немецкую территорию. Рожденный ситуацией и подогреваемый нацистской пропагандой крик отчаяния «Русские идут!» как бы подтверждался действиями советских солдат при занятии немецких городов и селений. Молва о зверствах и бесчинствах русских солдат облетела страну, формируя соответствующий образ русского человека. Этот образ долго сохранялся среди жителей Восточной Германии, вынужденных вступать в контакты с Советской военной администрацией. Постепенно время затягивало раны воспоминаний, реальная практика вносила коррективы в сложившийся стереотип. Позитивную роль играла деятельность тех представителей СВАГ, которые вели воспитательную работу среди населения, разъясняя пагубность нацизма для немецкой нации и отдавая должное классической немецкой культуре как основе нравственного возрождения (41).

Последующие события – провозглашение ГДР как самостоятельного немецкого государства, установление социалистического режима с немецкой спецификой (многопартийная система при полном преобладании правящей СЕПГ, допущение деятельности частных малых предприятий), усиление тесных экономических связей с СССР, развитие культурных, научных, образовательных контактов – представляли собой процесс, в который втягивалось все большее число граждан ГДР, что позволяло представителям каждой из сторон менять представления, сложившиеся в ходе военного противоборства.

В догматических псевдомарксистских рамках развивались и научные контакты. Но при этом сохранялись в определенной степени традиции «Остфоршунга», возникшие еще в начале XX в., а то и раньше. В качестве примера можно назвать серию «Документы и исследования, посвященные истории Восточной Европы». 17-й том этого исследования, вышедший в 1973 г., был посвящен теме «Генезис и развитие капитализма в России». Здесь не обошлось без ссылок на труды классиков марксизма, в то же время

между учеными из СССР и ГДР велась серьезная дискуссия о времени становления в России первоначальных капиталистических отношений (26).

Так или иначе, можно говорить о том, что через общение граждан СССР и ГДР по самым разным каналам – от совместного обучения в вузах до туристических поездок – жители обеих стран постепенно избавлялись от трагических воспоминаний времен Великой Отечественной войны. Со временем сложилась ситуация, когда советский человек мог сесть за один стол с немцем, пригласить его в гости или воспользоваться приглашением из ГДР.

* * *

Этой тенденцией не были затронуты те немцы, которые не приняли условия, с их точки зрения, несвободного политического режима в Восточной Германии и при любой возможности, зачастую рискуя жизнью, бежали в западную часть страны. У них о русских, как установивших несвободный режим и у себя дома, в СССР, и здесь, в Восточной Германии, было иное представление. Хотя среди немцев с подобной судьбой были такие, кто хорошо понимал, что дело не в самих русских, а в советской политической системе.

И уж, конечно, иное представление о русских, о России, о Советском Союзе было у преобладающего числа жителей Западной Германии, у которых почти не было контактов с гражданами СССР, и которые судили о происходящем в этой стране только по газетным публикациям и по телевизионным каналам, где они получали информацию в основном критического характера.

Однако и в ФРГ находились люди, стремившиеся непредвзято изучать Россию и СССР. Яркий пример – профессор Боннского университета Ханс-Адольф Якобсен, проведший в лагерях военнопленных много лет до того момента, когда Аденауэр, прибыв в Москву, договорился о возвращении немецких военнопленных на родину (1955). Это было для него непростое время или, как он сам деликатно выразился, «университеты» жизни. Об обстоятельствах пребывания Ханса-Адольфа Якобсена в плену и возвращения на родину написан очерк «Ханс и Доротея. История одной немецкой семьи» (18). Но самое при этом примечательное: после столь тяжких испытаний проф. Якобсен «заболел» своеобразной «болезнью», которую я замечал у многих, кто не по своей воле побывал в СССР, – желанием устанавливать тесные, дружеские отношения со страной, с которой немцы в XX в. дважды вели опустошительную войну.

В окрестностях небольшого города Мюльхайм, что стоит на речке Рур (земля Северный Рейн – Вестфалия) находилась одна из евангелических ака-

демий протестантской церкви – своего рода религиозный и культурно-просветительский центр. И так получилось, что директор академии доктор Дитер Бах и проф. Ханс-Адольф Якобсен на одной из встреч в Мюльхайме договорились с делегацией «Литературной газеты» об установлении тесных контактов. Со временем это превратилось в небольшую добровольную организацию немецкой и российской интеллигенции, получившую название «Мюльхаймская инициатива». В рамках этой «Инициативы» в течение многих лет, особенно после начавшегося процесса перестройки в СССР, состоялись многочисленные тематические конференции, круглые столы, издавались брошюры и книги. В одной из них, названной «Не упустить наших возможностей» (13), ставился вопрос о том, что перед нашими народами открылась уникальная возможность установления принципиально новых отношений и что интеллигенция в первую очередь должна создавать творческую основу для таких взаимоотношений.

Существенную роль для объективного осмысления, происходящего в СССР, а затем в России, сыграла деятельность Института исследований Востока и международных отношений в Кёльне (сокращенное название на немецком языке BIOST). Продукция сотрудников этого института – аналитические записки, обзоры, брошюры – регулярно рассылалась в правительственные и научные учреждения ФРГ и, прямо или косвенно, влияли на формирование представлений политической и научной элиты о том, что происходит в самых разных областях жизнедеятельности в СССР – от экономической и административной до культурной и научной. После перенесения столицы теперь уже единой Германии из Бонна в Берлин институт был расформирован. Однако огромный информационный массив, накопленный в изданиях института, позволяет составить представление о том, как оценивали ведущие германские политологи сложнейшие процессы в СССР и особенности становления новой, демократической России.

Примечательно, что ни на одной из конференций БИОСТа не прозвучала возможная гипотеза о развале Советского Союза. Показательна в этом плане позиция директора БИОСТа на коллоквиуме, организованном штабом планирования при Министерства иностранных дел ФРГ и состоявшемся 28 ноября 1985 г. Доктор Хайнрих Фогель выступил на нем с темой «Возможности специфического советского информационного общества» (56). Он обратил внимание на то, что СССР пребывает в состоянии экономической и технологической отсталости и это вызовет проблемы при заимствовании технологических новшеств из стран Запада. О возможном распаде СССР речи тогда не было.

Годом раньше в Мюнхене под редакцией Барбары Диц вышел сборник «Перспективы будущего Советского Союза. Программа и действительность», в котором выступил ряд экспертов по различным областях жизни,

главным образом по вопросам экономики. Общий вывод Барбары Диц: «Следует предполагать, что Советскому Союзу и в будущем придется иметь дело с давно известными системными проблемами. Не торопясь делать слишком поспешные прогнозы на будущее, следует обратить внимание на зачастую недооцененную силу советской системы управления» (61, с. 14). Как видим, о возможном конце этой «управляемой системы» составитель сборника и эксперты даже не помышляли. Между тем исторический хронометр неумолимо отсчитывал время. До конца существования «системы» оставалось всего семь лет.

К началу 90-х годов сложилась своеобразная ситуация, когда в Германии необыкновенной популярностью пользовался Михаил Горбачёв, тогда как в России основная масса населения предпочла ему Бориса Ельцина, избранного в 1993 г. Президентом Российской Федерации. Канцлер ФРГ Коль установил тесные отношения с Ельциным, практикуя в том числе и дипломатию «сауны», а общественность, понимая, что с точки зрения интересов Германии следует поддерживать контакты с теми, кто реально властвует в Кремле, тем не менее симпатизировала больше Горбачёву. Примечательна статья Хорста Тельчика, много лет занимавшего пост руководителя внешнеполитического отдела в ведомстве канцлера, опубликованная в конце мая 1991 г. в авторитетном леволиберальном еженедельнике «Ди Цайт». Статье предпослан заголовок: «Помогать Горбачёву» (54).

Политолог Хайнц Тиммерманн в 1992 г. выпустил в БИОСТе брошюру «Чего ожидает Европа от России?», в которой, в частности, давал такой прогноз: «В России путь к демократии европейского типа в случае, если он вообще состоится, будет трудным, длительным, сопровождаемым многими обходными путями. В любом случае европейцы должны быть готовы к тому, что при недостатке демократических традиций авторитарный стиль правительственного курса – по крайней мере на переходный период – почти неизбежен» (55, с. 3).

Критическая тональность в оценке деятельности правительства Ельцина нарастала. Журналист Карл Гробе свою статью в леволиберальной газете «Франкфуртер рундшау» весной 1994 г. озаглавил: «Россия – враг или партнер?» Он начинал ее со следующей констатации: «Отношения между Россией и Западом развиваются не к лучшему. В настоящее время они даже хуже, чем во времена, когда СССР и обе сверхдержавы стремились к разоружению».

И уже в конце статьи: «Если Запад не будет стремиться к подлинному и тем самым к достойному партнерству с Москвой, то он подготовит себе в будущем противника в лице великорусского шовинизма» (28).

Еще более резко выступали средства массовой информации консервативного направления. Газета «Ди Вельт» в том же году опубликовала ста-

тью депутата бундестага, председателя «Фонда Германия» Вильфрида Бёме, обвинившего Российскую Федерацию в давлении на другие республики – члены СНГ и намерении продолжать советскую колониальную политику» (21).

Критика в СМИ нарастала после начала первой чеченской войны. В 1996 г. журналист Кристиан Шмидт-Хойер в еженедельнике «Ди Цайт» рассматривал эту войну как «акт отчаяния» (91). Корреспондент немецкого телевидения Дирк Зегер опубликовал в 1996 г. книгу с красноречивым названием: «Обманутая Россия. Ельцинская разрушенная демократия» (48). С более сдержанными оценками выступила историк Маргарет Моммзен в книге «Куда заносит Россию? Великая держава между анархией и демократией». Ее вывод: «При всей противоречивости и обнаженности современного политического процесса, демократический путь представляет собой одну из возможных перспектив развития. Но это не исключает дальнейших проявлений авторитаризма» (40, с. 300).

Эта дилемма была определяющей в представлениях и прогнозах немецких специалистов относительно внутрироссийских процессов в России до того момента, когда Ельцина на посту президента Российской Федерации сменил В.В. Путин. Политический класс ФРГ воспринял это событие в основном благожелательно, вынося за рамки тот факт, то Путин – выходец из КГБ и в свое время служил под официальным прикрытием в ГДР. Депутаты Бундестага оценили положительно выступление Путина в немецком парламенте на их родном языке. Возникла своего рода эйфория: этот человек хорошо знает Германию и, следовательно, с ним после Ельцина будет куда легче развивать нормальные отношения. Была срочно издана книга известного публициста Александра Рара с примечательным названием «Немец в Кремле» (45). Корреспондент «Московских новостей» в Берлине Александр Сосновский сообщал, что «уже в XXI веке на прилавки были выложены одиннадцать жизнеописаний, документальных исследований или аналитических произведений о российском президенте… Легко прогнозировать, что до 2008 года свет увидит еще как минимум 5 книг, в названии которых будет фигурировать Владимир Путин» (17).

Обобщая сказанное, можно констатировать следующее: в начале XXI в. в Германии сложилась своеобразная ситуация, влияющая по-разному на формирование общественного мнения о России. Средства массовой информации и аналитические центры после краткого периода ожидания изменений в политике Путина в сторону демократии перешли к интенсивной критике его действий. Обобщенно суть критики деятельности Путина на четвертом году его правления отразил в своей статье Хайнрих Фогель, который после расформирования БИОСТа стал членом правления Фонда «Наука и политика» в Берлине. В статье «Обходной путь или скатывание на-

зад?» в журнале «Остойропа» он писал: «Отсутствие прозрачности при принятии решений, утверждение "вертикали власти" без какого-либо парламентского контроля, демонтаж свободы печати и случай с ЮКОСом не оставляют сомнения: Россия попадает в ловушку нового авторитаризма» (57, с. 42).

Политические круги ФРГ с большей сдержанностью реагировали на действия Путина, учитывая зависимость от поставок нефти и газа из России. Занявшая пост канцлера после досрочных выборов христианская демократка Ангела Меркель уже не стала развивать дипломатию активной дружбы, практиковавшуюся Шрёдером, который вошел в руководство совместной российско-германской корпорации по прокладке газопровода по дну Балтийского моря в сторону Германии. Но и она старалась избегать критики политики Путина.

* * *

При том, что конъюнктурно-политические соображения всегда в решающей мере влияли на отношение Германии (как и любого другого государства) к другим странам (в нашем случае к России), политический класс принимал во внимание и научные исследования, в том числе исторического характера. В Германии научный интерес к истории России существовал всегда, находя отражение в солидных изданиях академического толка, порой переиздаваемых с уточнениями и дополнениями. Так, «История России» Карла Штелина издавалась в 1923, 1930, 1935, 1961 гг. (82). Многократно переиздавалась «История России» Гюнтера Штёкля (53).

Порой трактовка истории России носила подчеркнуто идеологический характер, что отражалось уже в названиях трудов. В 1994 г. вышла книга Сони Марголиной «Россия: нецивилизованное общество» (51), а в 1996 г. – книга «Россия на грани крушения: государство и экономика в состоянии кризиса» (52). Но это скорее исключения. Историческую школу Германии отличает склонность к хорошо документированным изданиям справочно-аналити-
ческого характера. Среди них немецкой основательностью выделяются: «Настольная книга истории России», изданная в шести томах по периодам (39).
В 1983 г. вышел под редакцией Ханса-Иоахима Торке «Лексикон истории России» (37). Немецкие историки Роланд Гётц и Уве Хальбах выпустили несколькими изданиями «Политический лексикон», посвященный странам, входившим в Советский Союз (55), а затем такой же «Политический лексикон», посвященный национальным республикам и регионам Российской Федерации (28).

Среди огромного числа книг, посвященных отдельным темам в истории России, выделяется фундаментальный труд Астрид фон Борке «Происхождение большевизма. Якобинская традиция в России и теория революционной диктатуры» (22). Историк Андреас Каппелер в 1989 г. откликнулся на перестроечные процессы в СССР книгой «Перестройка советской системы: 7 аспектов эксперимента» (34), а четырьмя годами позже солидным исследованием «Россия как страна многих народов. Возникновение. История. Распад» (35). Хельмут Альтрихтер в 2001 г. издал «Краткую историю Советского Союза»: 1917–1991» (20). Советская тематика превалирует в книге Леонида Лукса «История России и Советского Союза» (38). Попытались рассмотреть будущее России Габриэла Горцке и Петер Шульце совместно с учеными из России в книге: «В поисках новой идентичности. Россия на пороге XXI века» (29). Статью, посвященную анализу политической культуры России, в 1995 г. в журнале «Остойропа» опубликовал кёльнский историк Герхард Зимон; он проанализировал исторические особенности механизма властвования в России; влияние сложившихся традиций на сегодняшние политические процессы (51).

И, конечно, много работ посвящено истории отношений немцев и русских. Среди них обратим внимание на книгу Х.В. Канна «Немцы и русские: история их отношений со времен Средневековья и по настоящий день (33). Она вышла в 1984 г., т.е. за два года до перестроечных процессов в СССР, за шесть лет до объединения Германии. А в 1990 г. с предисловием Ханса-Дитера Геншера вышла книга: «Они были не только противниками. Немцы и русские в два последние столетия» (50).

Как в любой нормальной исторической науке, предусматривающей разные точки зрения, среди ученых Германии нет единого мнения относительно исторических процессов в России. Это прежде всего касается места России в европейской цивилизации. Ганноверский историк Ханс-Хайнрих Нольте в 1981 г. выпустил книгу под названием: «Становление России как европейской державы» (42), тем самым четко обозначив свою позицию. Он продолжал развивать ее в книге «Россия. СССР. История, политика, экономика», изданной десять лет спустя (93), а также в последующих изданиях карманного формата (44), что делает их весьма удобными для широкого читателя.

Среди тех, кто полагает, что Россия, установившая давние исторические связи с Европой – экономические, политические, культурные, тем не менее представляет собой особую цивилизацию в силу ее геополитического расположения между Западом и Востоком, следует назвать бывшего канцлера ФРГ Хельмута Шмидта. Свою позицию он подтвердил, выступая в Германском историческом институте в Москве 25 сентября 2007 г.: «Российская нация во многом отличается от европейцев и американцев. Россия представляет собой нечто совсем особенное. За тысячу лет страна привык-

ла к автократическому правлению, поэтому она никогда не будет демократией по вестминстерскому или вашингтонскому образцу. Еще много лет россияне будут иметь дело с громадными потерями, понесенными в результате краха Советского Союза; одновременно им придется заниматься насущной необходимой модернизацией государственности, гражданского общества и экономики» (19, с. 13).

Для достаточно широких кругов общественности ФРГ источником регулярной информации о происходящем в России служит информационно-аналитический бюллетень «Russlandanalyse» («Анализ России» или «Российский анализ»). В каждом бюллетене по той или иной теме даются аналитические материалы, результаты опросов, наглядные графики, таблицы: документация, хроника событий.

В заключение целесообразно еще раз подчеркнуть ряд моментов методологического характера. Представления немцев о России и русских на протяжении целого века многомерны. Слишком много событий происходило в XX в. в России и в Германии, слишком по-разному они сказывались на судьбах людей в этих странах. Ссылаться на опросы, в которых выясняется, каково отношение немцев к России и какие качества русских рассматриваются ими как положительные или отрицательные, конечно, можно. Но в таких опросах учитывается как бы усредненный образ немца. Разным было восприятие у разных социальных и профессиональных групп в разные периоды и в разном возрасте, эмоциональный фон был индивидуальным.

Известный российский социолог А.Г. Здравомыслов в 2002 г. провел в различных городах Германии 22 экспертных интервью с представителями, как он пишет, «немецкой интеллектуальной элиты», главным образом с учеными. Основной вывод на основе анализа этих интервью: единого взгляда немцев на Россию не существует (3).

Но если у ученых, вращающихся примерно в одной и той же интеллектуальной и культурной среде, взгляды отличаются, что же говорить о рабочих из Эссена, крестьянах из Баварии, банковских служащих из Кёльна или продавцах из маленького провинциального городка Эрфштадта. То же самое касается представителей различных политических спектров – в прошлом и в настоящем. Либералы, социал-демократы, христианские демократы, зеленые – у них свои представления о прошлом и будущем России, о том, как с ней следует выстраивать отношения.

И тем не менее поток истории – это не просто разнонаправленные поступки отдельных людей в некотором хаотичном движении. Выявляются какие-то тенденции, какие-то причинные взаимосвязи в зависимости от разных окружающих обстоятельств. Такие взаимосвязи в свое время побудили значительную часть немцев поддержать нацистский режим. Но те же немцы после Второй мировой войны создали в западной части страны обще-

демократический консенсус, осмыслили в духовном акте покаяния свершенное в годы войны и теперь принимают активное участие в общеевропейском строительстве.

Понять менталитет именно этого поколения немцев наиболее важно для россиян – как с ними взаимодействовать, как дальше жить. Иных обижает, что в немецких СМИ слишком много внимания обращается на теневые стороны жизни в России. Но ведь эти стороны не выдуманы, многие из них признаются властью и критикуются оппозицией. Немцев прежде всего беспокоит возможное развитие авторитарных тенденций в России с их отрицательными возможными последствиями для окружающего мира, в том числе и для Германии.

Герд Кёнен в упомянутой книге (36) говорит о таком феномене как «российский комплекс». У немцев повышенный интерес к тому, что происходило и происходит в России. Некоторые даже говорят о мистических связях немцев и русских. Гюнтер Рормозер писал в 1993 г., когда Россия уже второй год вырабатывала свой новый курс: «В условиях, когда логика процессов модернизации приобретает радикальный характер, а культура, сделавшая возможными и вызвавшая эти процессы, находится в состоянии глубокого всеобщего кризиса, многое будет зависеть от той духовной силы, с которой русские и немцы смогут философски осмыслить свой всесторонний, во многом сходный опыт» (16, с. 28). По-разному можно оценивать смысл того «духовного опыта», о котором говорит Рормозер, но представляется очевидным, что отношения между Россией и Германией не могут носить только подчеркнуто экономический характер в отрыве от культурных и духовных процессов, от понимания роли демократии в деле обеспечения прав человека, его свободы. Опросы последнего времени свидетельствуют о том, что в Германии возрастает тенденция настороженного отношения к происходящему в России. Результаты опроса, проведенного в 47 странах и опубликованного в июне 2007 г., показали, что в Германии 34% опрошенных относятся к России положительно и 62% – отрицательно (12). И как будут дальше развиваться события, многое зависит от действий руководящих политиков. Но не будем при этом забывать главного: за многовековую историю отношений между Германией и Россией впервые создалась ситуация, когда в сознании и даже в подсознании жителей России исчезло затаенное чувство страха перед возможным нападением со стороны немцев. Есть основания предполагать, что подобные чувства испытывают и жители Германии, не боясь вторжения «русского варвара». Мы вступили в новую историческую эпоху и наша обязанность использовать предоставляемые ею шансы.

Литература

1. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. – М., 2005. – 336 с.

2. Драбкин Я. О Копелеве в жизни и творчестве // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект» / Под ред. Драбкина Я.С. – М., 2002. – С. 33–36.

3. Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России, ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарии. – М., 2003. – 544 с.

4. Зуев М.Н. История России. Учебное пособие. В двух книгах. Книга 2. История России в XX – начале XXI века. – М. 2002. – 608 с.

5. История Германии: учебное пособие для студентов вузов в 3 т. / Под ред. Б. Бонвеча, Ю.С. Галактионова. Т. 2. – Кемерово, 2005. – 624 с.

6. Каутский К. Большевизм в тупике – М., 2002. – 315 с.

7. Копелев Л. К предыстории русских образов немцев // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект». Под ред. Я.С. Драбкина. – М.: «Памятники исторической мысли», – 2002. – С. 121–156.

8. Копелев Л., Орлова Р. Мы жили в Кёльне. – М., 2003. – 544 с.

9. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. – М., 1953. – 104 с.

10. Люксембург Р. Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели). Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. – М., 2004. – 294 с.

11. Люксембург Р. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма / Сост. Я.С. Драбкин. М., 1991. – 399 с.

12. Московский комсомолец, 2007. – 29 июня. – С. 3.

13. Не упустить наших возможностей. Аспекты российско-германских отношений в XX веке / Сост. Якобсен Х.-А., Орлов Б. – М., 1992. – 141 с.

13а. Они были не только противниками. Русские и немцы на протяжении двух столетий / Под научн. руководством проф. Б. Бонвеча. Сост. Дуда Г. и Розе О. – М.; Эрланген, 1990. – 154 с.

14. Орлов Б. Германия с дальнего и ближнего расстояния. – М, 2005. – 493 с.

15. Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ. 1848–2002. – М., 2003. – 560 с.

16. Россия и Германия. Опыт философского диалога. М., «Медиум», 1993. – 351 с.

17. Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур / Редколлегия: С.Я. Карп (отв. ред.), Й. Шлобах, Н.Ф. Сокольская. – М., 2000. – 310 с.

17а. Сосновский, Александр. Гешефт с Путиным // Московские новости, 2005. – 7–13 октября, № 39. – С. 9.

18. Ханс и Доротея. История одной немецкой семьи // Орлов Б. Германия с дальнего и ближнего расстояния. – С. 340–348.

19. Шмидт. Положение в современном мире. Глобальный обзор. – Доклад в Германском историческом институте. – In recto – М., 2007. – 14 с.

20. Altrichter H. Kleine Geschichte der Sowjetunion. 1917–1991. – München, 2001. – 262 S.

21. Böhm W. Der Menschenwürde Rechnung tragen. Druck Moskaus auf die neuen Republiken als Folge sowjetischer Kolonisierungspolitik // Die Welt, 1994, 29. Sept. – S. 7.

22. Borke A. von. Die Ursprünge des Bolschewismus. Die Jacobinische Tradition und die Theorie der revolutionären Diktatur. – München, 1977. – 646 S.

23. Eimermacher K., Volpert A. (Hrsg.). Stürmische Aufbrüche und entteuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. – München, 2006. – 1134 S.

24. Eimermacher K., Volpert A. (Hrsg.). Tauwetter, Eiszeit und gelenkte Dialoge. Russen und Deutsche nach 1945. – München, 2006. – 1306 S.

25. Eimermacher K., Volpert A. (Hrsg.). Verführungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. – München, 2005. – 1395 S.

26. Genesis und Entwicklung des Kapitalismus in Russland. Studien und Beiträge / Hoffman P. Lemke H. (Hrsg.). – Berlin, 1973. – 267 S.

26. Enzyklopädie des Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Benz, H. Grampl, H. Weiß. – Berlin, 2000; Alltag unter Hitler / Hrsg. von W. Schneider – Berlin, 2000; Anatomie des SS-Staates / Von H. Buchheim, M. Broszat, H.A. Jacobsen, H. Krausnik. – München, 1994.

27. Götz R. / Halbach U. Politisches Lexikon. GUS. Dritte, neubearbeitete Auflage. – München, 1996. – 448 S.

28. Götz R. / Halbach U. Politisches Lexikon. Rußland. Die nationalen Republiken und Gebietseinheiten der Russländischen Föderation. – München, 1994. – 400 S.

28а.Gorzke G., Schulze P.W. (Hrsg.). Auf der Suche nach einer neuen Identität. Russland an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. – Bremen, 1998. – 294 S.

28б.Grabowsky A. Der Geistige Aufbau der Sowjetunion // Das neue Russland. – Berlin, 1930. – H. 3/4, S. 4–6.

29. Grobe K. Russland Feind oder Partner? // Frankfurter Rundschau, 1994. – 19. April.

30. Hamburg auf den Barrikaden. Erlebtes und Erhörtes aus dem Hamburger Aufstand 1923. Von Larissa Reisner. – Berlin, o.j. – 85 S.

31. Handbuch der Geschichte Russlands / Heilmann M., Zernack K., Schramm G. (Hrsg). – Stuttgart. – Bd I–VI.

32. Herrmann D., Volpert A. (Hrsg.). Traum und Trauma. Russen und Deutsche im 20. Jahrhundert. – München, 2003. – 318 S.

33. Kahn H.W. Die Deutschen und die Russen: Geschichte ihrer Beziehungen vom Mittelalter bis heute. – Köln, 1984. – 225 S.

34. Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall. – München, 1993. – 393 S.

35. Kappeler A. Umbau des Sowjetsystems: 7 Aspekte eines Experiments. – Bonn, 1989. – 237 S.

36. Koenen G. Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten. 1900–1945. – München, 2005. – 528 S.

37. Lexikon der Geschichte Russlands / Torke H.-J. (Hrsg.). – München, 1983. – 446 S.

38. Luks L. Geschichte Russlands und der Sowjetunion. – Regensburg, 2000 – 574 S.

39. Margolina S. Russland: die nichtzivile Gesellschaft. – Hamburg, 1994. – 220 S.

40. Mommsen M. Wohin treibt Russland? Eine Grossmacht zwischen Anarchie und Demokratie. – München, 1996. – 196 S.

41. Neumark N. Die Russen in Deutschland: Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. – Berlin, 1999.

42. Nolte H.-H. Der Aufstieg Russlands zur europäischen Grossmacht. – Stuttgart, 1981. – 124 S.

43. Nolte H.-H. Russland, UdSSR. Geschichte, Politik, Wirtschaft. – Hannover, 1991. – 285 S.

44. Nolte H.-H. Kleine Geschichte Russlands. – Bonn, 2005. – 544 S.

45. Rahr A. Wladimir Putin. Der Deutsche in Kreml. – München, 2000. – 286 S.

46. Russland am Abgrund: Staat und Wirtschaft in der Krise. – Hamburg, 1996. – 98 S.

47. Sager D. Betrogenes Russland: Jelzins gescheiterte Demokratie. – München, 1996. – 351 S.

48. Schmidt-Häuer Chr. Bis daß der Tod sie scheidet. In Jelzins Kreml-Garde hat der Kampf um die Macht längst begonnen // Die Zeit, 1996. – 27. Sept., N 40. – S. 1.

50. Sie waren nicht nur Gegner. Deutsche & Russen in zwei Jahrhunderten. Mit einem Vorwort von Hans-Dietrich Genscher. – Dortmund, 1990.

51. Simon G. Zukunft aus der Vergangenheit. Elemente der politischen Kultur in Russland // Osteuropa, 1995, S. 455–482.

52. Stählin K. Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Gegenwart. – Stuttgart, 1923, Bd. I. – 438 S.

53. Stökl G. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 6.erweiterte Auflage. – Stuttgart, 1997 – 961 S.

54. Teltschik H. Gorbatschow helfen // Die Zeit, 1991. – Mai, N 23. – S. 7.

55. Timmermann H. Was erwartet Europa von Russland? – Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, Köln,1992, № 10. – 46 S.

56. Vogel H. Möglichkeiten einer spezifischen sowjetischen Informationsgesellschaft. Kolloqium des Planungsstabs des Auswärtigen Amts in Bonn. Am 28. November 1985. – In recto. – 22 S.

57. Vogel H. Umweg oder Rückfall? // Osteuropa, 2004, № 8. – S. 42–49.

58. Vogeler H. Reise durch Russland: Die Geburt des neuen Menschen. – Dresden, 1925. – S. 11.

59. West-Östliche Spiegelungen. Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbildung unter der Leitung von Lew Kopelew.

Reihe A.

Bd. 1. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 9–17. Jahrhunderten. Hrsg. Mechthild Keller unter Mitarbeit von Ursula u. Karl-Heinz Korn. – München, 1985.

Bd. 2. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. Hrsg. Mechthild Keller. – München, 1987.

Bd. 3. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung 1800–1871. Hrsg. von Mechthild Keller unter Mitarbeit von Claudia Pawlik. – München, 1992.

Bd. 4. 19–20. Jahrhundert. Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. von Mechthild Keller unter Mitarbeit von Karl-Heinz Korn. – München, 1999.

Reihe B.

Bd. 1. Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 17–19. Jahrhundert.

Hrsg. Dagmar Herrmann unter Mitarbeit von Johanne Peters, Karl-Heinz Korn u. Volker Pallin. – München, 1988.

Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Sonderband: Deutsche und Deutschland in der russischen Lyrik des frühen 20. Jahrhunderts. Hrsg. Dagmar Herrmann, Johanne Peters. – München, 1988.

Bd. 2. Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. Hrsg. Dagmar Herrmann unter Mitarbeit von Karl-Heinz Korn-München, 1992.

Bd. 3. 19. Jahrhundert. Von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexanders II. Hrsg. Dagmar Herrmann und Alexander L. Ospowat. – München, 1998.

Bd. 4. 19/20. Jahrhundert. Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. Dagmar Herrmann und Alexander L. Ospowat.

60. Bd. 5–I. Deutschland und die Russische Revolution. 1917–1924. Hrsg. Gerd Koenen, Lew Kopelew. – München, 1988.

Bd. 5–2. Deutschland und die Russische Revolution. 1917–1924. Hrsg. Gerd Koenen, Lew Kopelew. – München, 1988.

61. Zukunftsperspektiven der Sowjetunion. Programm und Wirklichkeit. – München, 1984. – 200 S.

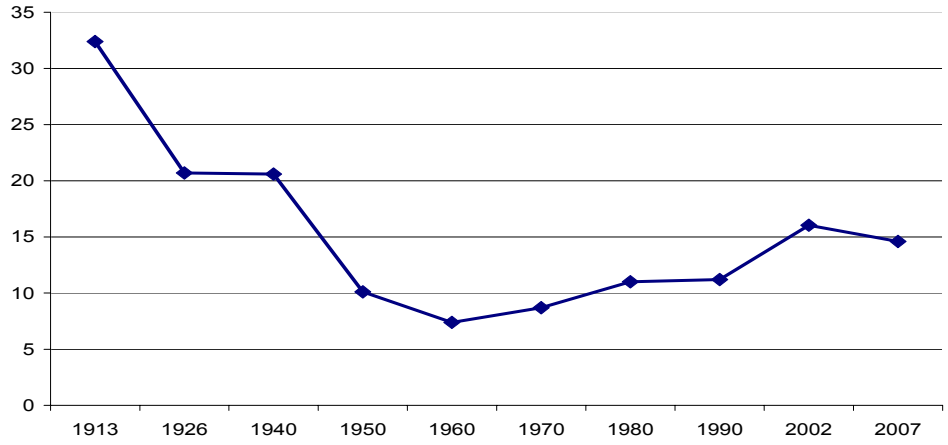
Е.П. Сигарева

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сигарева Евгения Петровна – кандидат экономических наук, и.о. заведующего сектором воспроизводства населения Института социально-политических исследований.

Средняя продолжительность жизни российского населения, как демографическая характеристика состояния в области здоровья и смертности, обладает эксклюзивными свойствами, плохо вписывающимися в общие мировые тенденции. Ретроспективный анализ уровня смертности населения России свидетельствует, что шесть десятилетий XX в. Россия следовала в «фарватере» общих мировых процессов (диагр. 1).

Диаграмма 1

Динамика уровня смертности в России за 1913–2007 гг. (на 1 тыс. человек населения).

Существенное сокращение уровня смертности (более чем в полтора раза) произошло в период с 1913 по 1926 г. Эта динамика обусловлена усилиями зарождающейся советской системы здравоохранения, основные задачи которой состояли в преодолении грандиозной катастрофы в области смертности, являющейся последствием Первой мировой, Гражданской войн и экономической разрухи. В этот период в России свирепствовали эпидемии сыпного тифа, холеры, брюшного тифа и других инфекционных заболеваний. Смертность в Петрограде – свыше 81 человека на 1 тыс. человек населения; раньше она составляла 22 человека на 1 тыс., но и это было выше, чем в любом европейском городе[1]*. Для борьбы с антисанитарией, эпидемиями и болезнями в масштабах страны Советом Народных Комиссаров были приняты более 100 декретов. Деятельность здравоохранительной отрасли в России, усиление профилактических мер привели к тому, что уже к середине 20-х годов удалось снизить уровень смертности и ликвидировать опасные инфекции.*

Например, холера была ликвидирована в 1923 г., а оспа и чума – в 1936 г. Развитие системы санитарно-эпидемиологических станций позволило зафиксировать уровень смертности до 1940 г. и избежать массовых эпидемий даже в годы Великой Отечественной войны. В последующий период значительную роль сыграли антибиотики, которые массово стали применяться во второй половине 1940-х годов. К 1960 г. практически была ликвидирована малярия. Повысился жизненный уровень населения, улучшилось питание и жилищные условия. Это в свою очередь обусловило рост общей санитарной культуры (2, с. 202). В результате к началу 1960 г. уровень смертности сократился еще на 1/3. Именно в начале 1960-х годов наблюдался исторический минимум коэффициента смертности в России, который составлял 7,4 на 1 тыс. человек населения. Среди трудоспособного населения этот показатель в 1960 г. также был минимальным за весь период наблюдения и составлял всего 3,8 на каждую 1 тыс. населения в трудоспособном возрасте (5,5 – для мужчин и 2,3 – для женщин соответствующего возраста) (3, с. 152). В дальнейшем в России начинается повышение коэффициента смертности, что противоречило общемировым тенденциям. В 2003 г. в стране зафиксирован максимальный

уровень данного показателя, достигший 16,41, что является исторически беспрецедентным на фоне современного периода мирового уровня здравоохранения.

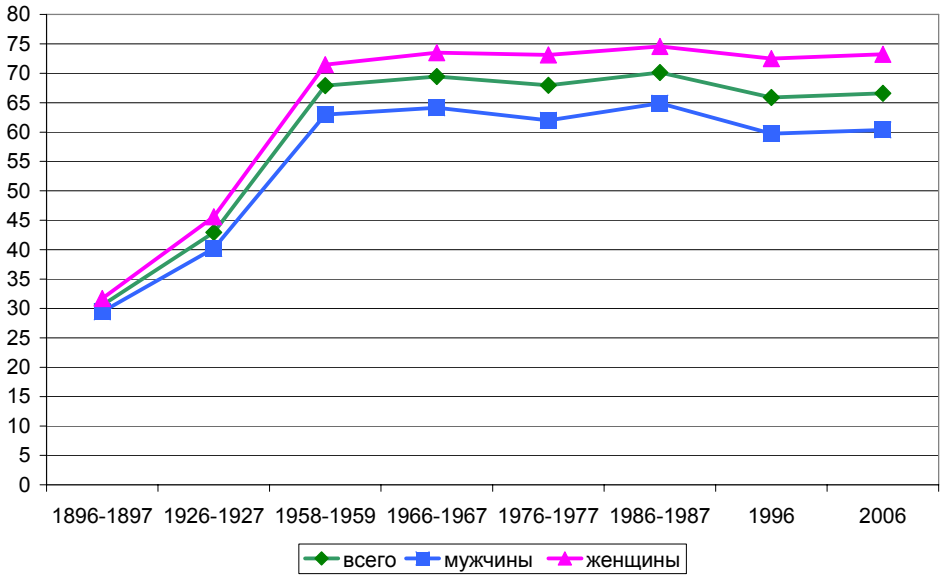
При переходе к рыночной экономике и децентрализации управления подверглась реформе и система здравоохранения, приведшая к утрате прежних

1. http://www.bibliotekar.ru/423/35.htm

позиций в области смертности населения. По данным Росстата, в 2008 г. коэффициент смертности снизился по сравнению с 2003 г. (на 10,4%), но он был почти на 1/3 выше, чем в 1990 г. (4, с. 84). По прогнозу «CIA – The World Factbook» в 2008 г. уровень смертности в России будет почти в 2 раза выше, чем среднемировой показатель, в 1,6 раза больше, чем в Европейском союзе и ровно в 2 раза выше, чем в США[2]*. За последние годы (2007–2008) ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. Общий коэффициент смертности в 2008 г. составил 14,7%, что чуть ниже, чем в предыдущие несколько лет (там же), но пока эта тенденция очень слабая и влияние ее на показатели продолжительности жизни незаметно.*

До середины 1960-х годов динамика продолжительности жизни в России в соответствии с динамикой смертности имела поступательный характер
(диагр. 2).

Диаграмма 2

Продолжительность жизни населения России за 1896–2006 гг. (лет).

Общей тенденцией до этого периода был стремительный рост показателей ожидаемой продолжительности жизни. В период первых 70 лет статистического наблюдения за уровнем продолжительности жизни (с 1896 по 1966 г.) этот показатель вырос в 2,3 раза. То есть в течение жизни

2. http://www.yestravel.ru/world/rating/people/life_expectancy_at_birth/

одного поколения, несмотря на исторические катаклизмы – революцию, репрессии, две мировые войны, – продолжительность жизни россиян выросла с 30 до 69 лет. В дальнейшем уровень ее незначительно колебался, но в результате достиг исторического максимума к началу «перестроечного периода» в 1986–1987 гг. и составил 70,13 лет.

В новой России возможность «прожить долгую жизнь» сократилась на семь лет. Такое падение показателя продолжительности жизни было отмечено в 1994 г. в условиях резкого повышения смертности населения. К 2007 г. этот разрыв сократился до трех лет. Основной причиной снижения продолжительности жизни в постсоветский период являются как общие социально-экономические преобразования, так и реакция населения на них. По данным ВЦИОМа, «в "рейтинге" причин наших болезней "лидируют": "беспокойство и тревоги" (34%), "плохая окружающая среда" (30), а также нехватка средств на своевременное лечение (26%)»[3]. Психоэмоциональные стрессы, разваливающаяся система здравоохранения, коммерциализация медицинских услуг на фоне низкой покупательной способности людей повлияли на сокращение продолжительности жизни россиян (1, с. 115).

Одной из характерных особенностей динамики продолжительности жизни в нашей стране является усиление гендерных различий. Вариации данного показателя между мужским и женским населением свойственны всем государствам мира. Однако если в большинстве развитых государств наблюдается тенденция по сокращению разрыва в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, то в России даже в период увеличения срока ожидаемой продолжительности жизни, присутствовало нарастающее отставание динамики продолжительности жизни мужской части населения. Так, в 1896 г. средняя продолжительность жизни у мужчин была меньше на два с небольшим года, в 1926 г. она стала меньше уже на пять с лишним лет. В дальнейшем этот разрыв постоянно увеличивался и в 1976 г. был более 11 лет. Даже в наиболее благоприятный период «доперестроечной» поры разница между мужской и женской продолжительностью жизни достигала более девяти лет. В постсоветский период при общем снижении показателя средней продолжительности жизни гендерные различия стали еще выше. Можно заметить также, что за весь период наблюдения продолжительность жизни женского населения России как достигла 70-летнего возраста в конце 1950-х годов, так и не поднималась выше, чем еще плюс три-четыре года. Наиболее высокий уровень продолжительности жизни женщин отмечен также в 1986 г. – 74,55 лет. Продолжительность жизни мужчин не смогла за весь период на-

3. http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/479.html?no_cache=1&cHash=e26e8c0fa

блюдения преодолеть 65-летний рубеж, хотя и приблизилась к этому в 1986 г.

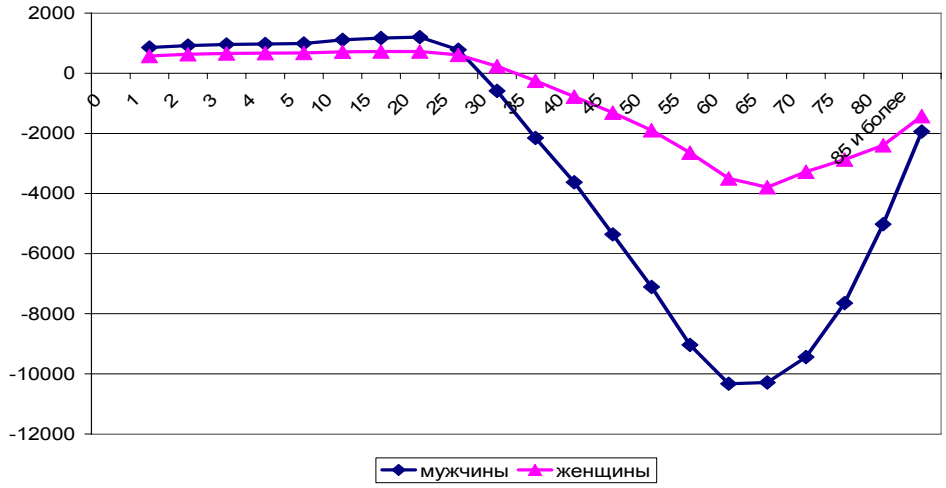
В 2007 г. различие между уровнями продолжительности жизни среди мужчин и женщин составило беспрецедентную величину – около 13 лет: 73,9 и 61,4 соответственно (4, с. 85). Такая разница не наблюдается ни в одной из стран мира, даже в государствах со значительно более низкими показателями общей продолжительности жизни. Так, среднемировой показатель вариации между уровнем продолжительности жизни мужчин и женщин составляет четыре года, в США и странах Европейского союза – шесть лет. Близкими к российским, но все же меньшими, являются гендерные различия в уровнях средней продолжительности жизни на Украине и в Белоруссии (12 лет), в Эстонии, в Латвии и в Казахстане (11 лет), в Литве (10 лет). Россия в этом отношении достигла своеобразного мирового рекорда, стремительно уменьшая вероятность дожития мужчин после выхода на пенсию.

Ухудшаются и половозрастные показатели чисел. По сравнению с 1990 г. в 2006 г. постепенно нарастают потери доживающих мужчин и женщин в подавляющем большинстве возрастных групп населения. Так, начиная с 30-летнего возраста, сокращаются числа доживающих среди мужчин, а с 35-летнего – у женщин. Если в 1990 г. число доживших до 50 лет мужчин достигало 80,8%, то в 2006 г. – 73,7%. Для женщин 50-летнего возраста это соотношение составляло 92,7% в 1990 г. и 90,8% – в 2006 г. Доля женского населения России, дожившего до возраста выхода на пенсию, в 1990 г. составляла 90,2%, а в 2006 г. – 87,6%. Еще хуже выглядят показатели для мужского населения в период перехода к пенсионному возрасту. Например, если в 1990 г. из каждой сотни мужчин доживали до 60 лет 2/3, то в 2006 г. – 55 человек. К 2006 г. по сравнению с 1990 г. также заметно снизилось число доживающих в более старших возрастах. Так, в 1990 г. 70-летний юбилей встретили 43,9% мужчин и 72,2% женщин, а в 2006 г. – 34,5% мужчин и 68,9% женщин.

Справедливости ради заметим, что положение с продолжительностью жизни в середине 2000-х стало благополучнее, чем в середине 1990-х годов. Тогда, по сравнению с 1990 г. уменьшение доживающих до определенного возраста коснулось всей возрастной структуры населения. Наиболее ускоренное вымирание (прирост убыли) в 1995 г. было отмечено среди мужчин 60–65 лет (уменьшение числа доживающих почти на 15%) и среди женщин 70–75 лет (уменьшение числа доживающих почти на 7%). В 2006 г. стремительность вымирания в сравнении с 1995 г. несколько уменьшилась, но против 1990 г. она еще очень выразительна в ряде возрастных групп (диагр. 3).

К 2006 г. произошли позитивные изменения в показателях чисел дожития до определенного возраста у детей и молодежи (во всех возрастных группах до 25 лет). Максимальный прирост числа доживающих заметен как среди мужчин, так и среди женщин в возрасте 15–20 лет. Это дети, родившиеся в перестроечный период в 1986–1991 гг. Причем, у мужского населения этого возраста прирост числа доживающих до него в 1,5–1,6 раза больше, чем у женского, т.е. позитивные изменения последних лет в области смертности и продолжительности жизни касаются прежде всего детей и молодежи, относящихся к сильному полу. Очевидно, мужское население более лабильно по отношению к факторам, влияющим как на ухудшение, так и на улучшение параметров смертности и продолжительности жизни.

Диаграмма 3

Сокращение числа доживающих до определенного возраста в 2006 г. по сравнению с 1990 г.

В возрастах после 30 лет у мужчин и после 35 лет у женщин в настоящее время по сравнению с 1990 г. уменьшилось число доживающих до определенного возраста. И максимальное падение этого показателя произошло у мужчин (на 10%) и у женщин (на 3–4%) в возрасте 60–65 лет. Как и в 1995 г. ускоренное вымирание мужского населения наблюдается в первое десятилетие после достижения пенсионного возраста, что определяет необходимость выделение этой когорты в «группу риска». У женщин же сейчас по сравнению с 1995 г. наиболее «рискованный возраст» стал на десятилетие моложе, что характеризует своеобразное ухудшение проблемы женской смертности и продолжительности жизни. В целом можно сказать, что в 2006 г. по сравнению с 1990 г. вероятность дожития до следующего возрас-

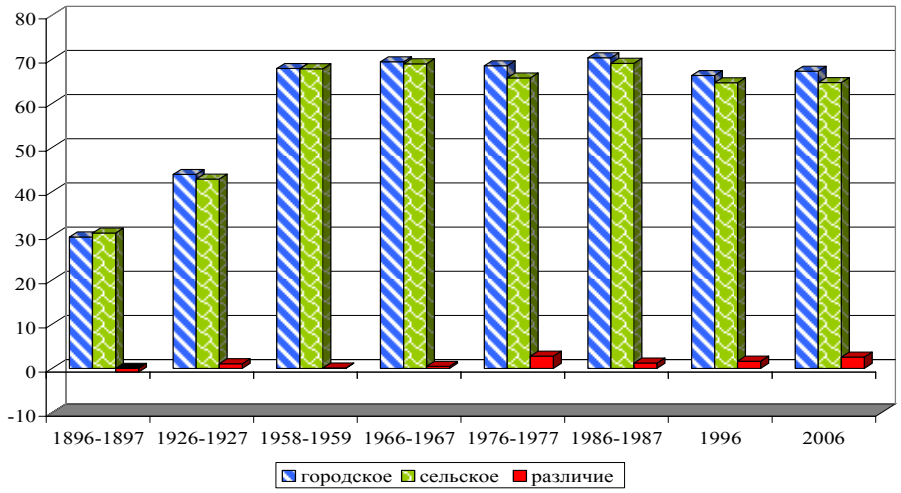
тного интервала в кризисном положении находятся 57,2% мужского и 57,4% женского населения страны.

Продолжительность жизни жителей России различна в городской и сельской местности (диагр. 4). Ретроспективный анализ показывает, что в до-

революционный период сельские жители отличались несколько более высокой средней продолжительностью жизни. Так, в 1896 г. при общем низком уровне в селе она составляла 30,63 лет, что на 0,86 лет больше, чем в городе. В период возрастающей динамики продолжительности жизни до середины 1960-х годов соответственно равным образом она возрастала в городской и сельской местности. В результате в это время ее уровень у горожан и сельчан почти не различался. В городах продолжительность жизни была несколько выше: в 1926 г. – на 1,06 лет, в 1958 – на 0,08, в 1966 г. – на 0,48 лет. В пе-

риод колебаний и снижения общего уровня данного показателя в России стало увеличиваться и отставание села от города. Так, в 1976 г. продолжительность жизни сельских жителей составляла 65,75 лет и была почти на три года меньше, чем у городских жителей. В 1986 г., когда сложилась наиболее благоприятная в динамика продолжительности жизни, различия между показателями в городах и селах вновь стали почти незаметны – 1,23 года. В постсоветский период вариации этих показателей вновь стали расширяться.

Диаграмма 4

Продолжительность жизни населения, проживающего в городской и сельской местности (лет).

В настоящее время средняя продолжительность жизни населения, проживающего в сельской местности, не достигает и 65 лет, отставая от городского населения более чем на 2,56 года. Все это свидетельствует о том, что факторы, ухудшающие показатель средней продолжительности жизни в сельской местности, более обострены.

Анализируя сельско-городские различия в уровне продолжительности жизни в сочетании с гендерными вариациями, мы обнаруживаем, что начиная с 1960-х годов, стала устойчивой проблема более негативных параметров продолжительности жизни в сельской местности, особенно в отношении мужского населения. Одной из серьезных причин наблюдающихся различий является проблема алкоголизации, развитию которой именно на селе способствовали возможности самогоноварения. Разница в продолжительности жизни женщин в городской и сельской местности если и наблюдается, то она не столь выразительна, как у мужчин. Можно предположить, что пока еще имеется потенциал для сближения параметров продолжительности жизни женского населения в городах и селах, который, конечно, не должен исключать внимания к проблемам женской смертности.

Еще одной важной характеристикой средней продолжительности жизни российского населения являются региональные различия уровня средней продолжительности жизни (табл. 1).

Таблица 1

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УРОВНЕ СРЕДНЕЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В 2006 г. (ЛЕТ)

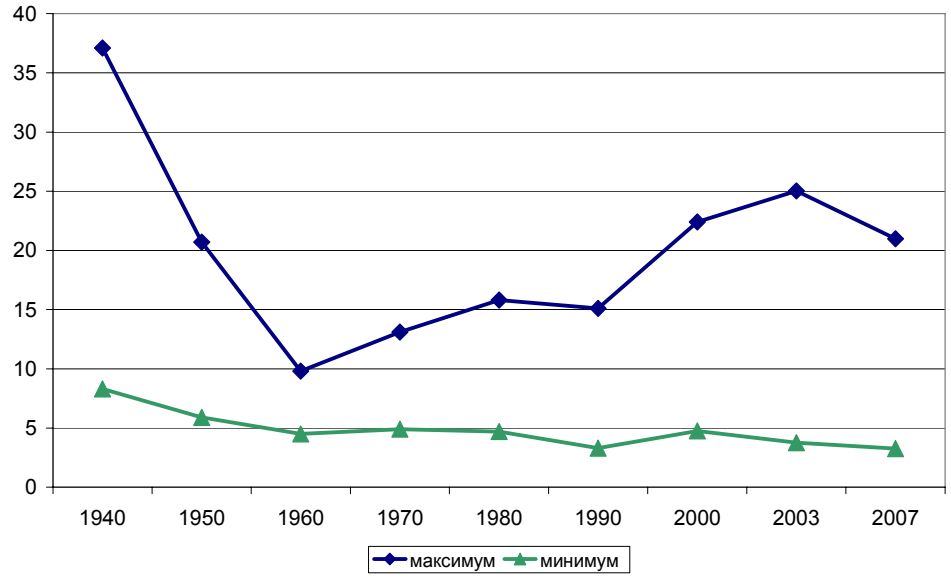
	Максимум	*Среднее по России*	*Минимум*	*Диапазон различий*
Все население				
Всего	76,02	66,6	55,96	20,06
Мужчины	71,89	60,37	52,84	19,05
Женщины	79,84	73,23	59,79	20,05
Городское население				
Всего	74,49	67,29	55,08	19,41
Мужчины	70,02	61,03	49,54	20,48
Женщины	78,6	73,7	61,06	17,54
Сельское население				
Всего	77,2	64,73	51,59	25,61
Мужчины	73,31	58,67	47,2	26,11
Женщины	80,71	71,89	57,11	23,6

Рассчитано по данным Росстата.

Как видно из данных табл. 1, что самая значительная вариация региональных различий в продолжительности жизни отмечена среди мужского населения, проживающего в сельской местности. Она составляет более 26 лет. Это означает, что в среднем мужчины, родившиеся в сельской местности Республики Ингушетия, имеют вероятность прожить 73,3 года, тогда как мужчины, родившиеся в сельской местности Чукотского автономного округа, только 47,2 года. К регионам с наиболее благоприятными параметрами продолжительности жизни относятся Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика. Сюда же можно отнести и г. Москву. Здесь средняя продолжительность жизни населения превышает 70 лет. Напротив, наихудшие параметры продолжительности жизни отмечаются в Корякском автономном округе, Республике Тыва, Чукотском автономном округе, Эвенкийском автономном округе, где она составляет менее 60 лет.

Вообще 20-летнюю разницу в показателях уровня средней продолжительности жизни в одном государстве, при одной системе здравоохранения очень трудно объяснить. Это также является своеобразным явлением, присущим только России. Очевидно, что основную роль в наличии исключительно большого регионального диапазона показателей продолжительности жизни играет более чем шестикратное региональное различие в уровне смертности (диагр. 5). Если рассмотреть динамику максимальных и минимальных региональных показателей уровня смертности, то можно заметить, что именно современный период (2007) характеризуется наибольшими вариациями смертности на территории России. Даже в 1940-е годы, когда максимальные и минимальные уровни смертности были существенно более высокими (максимум – 37,1%, минимум – 8,3%), вариация этих показателей составляла 4,5 раза.

Диаграмма 5

Динамика максимальных и минимальных региональных показателей смертности за 1940–2007 гг. (%).

Это положение резко дифференцирует регионы России не только по показателям уровня смертности, но и по параметрам средней продолжительности жизни населения страны. В результате российская специфика средней продолжительности жизни, относящаяся к гендерным, возрастным и региональным различиям, ставит Россию в далеко не лучшую позицию не только в списке передовых государств мира, но и в списке государств на постсоветском пространстве. Наметившиеся незначительные позитивные изменения в уровнях смертности российского населения и средней продолжительности жизни, вполне вероятно, будут утрачены в условиях глобального социально-экономического кризиса. За семь ближайших лет в соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. предполагалось достичь увеличения ожидаемой продолжительности жизни до 70 лет, что скорее останется оптимистическим ожиданием демографической политики. Возможно, в данных обстоятельствах следовало бы сосредоточить усилия на «выравнивании» структурных различий, отражающих гендерные, возрастные и региональные диспропорции.

Литература

1. Л. Кинг, Д. Стаклер Массовая приватизация и рост смертности в посткоммунистических странах // Мир России. – М., 2007. – № 3. – С. 112–131.

2. Население мира: демографический справочник / Сост. Борисов В.А. – М., 1989. – С. 202.

3. См.: Население России за 100 лет (1897–1997): статистический сборник. – М., 1998. – С. 152.

4. Россия в цифрах. 2009. – М., 2009. – С. 84–85.

М.С. Токсанбаева

ПОЛИТИКА ЗАНЯТОСТИ И ДЕФИЦИТ КАДРОВ*

Токсанбаева Майраш Сейтказыевна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Политика занятости активно обсуждалась в течение кризисного десятилетия российских реформ, когда безработица как в открытых, так и скрытых формах устойчиво набирала обороты. Но после перехода экономики на траекторию роста острота дискуссий заметно ослабла. Занятость стала повышаться, а безработица снижаться и в 2007 г. в среднем по стране составила 5,7% (по методике МОТ), вплотную приблизившись к уровню нормальной текучести кадров. Однако в конце 2008 г. в связи с мировым кризисом вектор динамики безработицы резко изменился. Ее показатель к началу декабря превысил 7%, т.е. в течение двух месяцев был отброшен к уровню 2005 г. Вопрос, как регулировать занятость, вновь вышел на первый план и обнажил проблемы, которые дискутировались еще в 1990-е годы.

В те годы многие специалисты отмечали, что политика занятости, характерная для развитых и особенно социально-ориентированных экономик, в нашей стране не получила признания и фактически подменена ее безусловно нужной, но крайне ограниченной частью – политикой поддержки (содействия занятости) безработных (5, с. 27; 2, с. 36). В результате концептуальный подход к политике занятости, предполагающий необходимость воздействия всеми макро- и микроэкономическими инструментами на формирование эффективного спроса и предложения труда, был отвергнут, а вместе с ним цели и задачи, относящиеся не только к соединению труда с объективными факторами производства, но прежде всего к его продуктивному использованию.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-02-00102а.

Слабость проводимой политики определяется тем, что, во-первых, она по-прежнему отсечена от наиболее важной проблемы занятости – повышения эффективности труда за счет возрастания доли передовых технологий и увеличения удельного веса квалифицированного персонала (2, с. 41). Во-вторых, акцент в этой политике сделан на безработных – весьма ограниченном контингенте активного населения. Более того, поддержка распространяется на меньшую и в основном слабо защищенную на рынке труда часть безработных, тех, кто обратился в службу занятости (примерно треть всех безработных, большинство из которых женщины в отличие от всего вынужденно незанятого населения, в котором преобладают мужчины). В-третьих, содействие занятости безработных сконцентрировано на соответствии текущего предложения труда и текущего спроса и не учитывает перспективных изменений в структуре работников. В-четвертых, этой же задаче служит осуществляемая центрами занятости профессиональная подготовка и переквалификация безработных, охватывающая краткосрочный период, недостаточный не только для реструктуризации занятости, но и для заполнения многих имеющихся вакансий.

Меры, предусмотренные политикой поддержки безработных, в основном обслуживают производство с не обновляемой или мало обновляемой материально-технической базой, а обеспечивают более полное заполнение рабочих мест. Высокий консерватизм и значительные масштабы этой базы косвенно подтверждают данные Росстата об инвестициях в основной капитал: несмотря на почти десятилетний рост, в 2007 г. они не достигли и половины объема, зафиксированного в 1990 г. Более конкретную информацию дают выборочные обследования предприятий. Так, по материалам опроса работодателей ряда отраслей, проведенного Левада-Центром в 2005 г., только на 17% обследованных предприятий проводилась модернизация основных фондов (2, с. 42). В этих условиях трудоустройство безработных не нуждается в серьезной профессиональной подготовке и ее ориентации на инновационное развитие производства.

Отсутствие комплексной политики занятости объясняется ее предназначением как сопряженной части политики модернизации экономики и реструктуризации рабочих мест. Но пока разработка последней во многом остается делом будущего, недостаточно востребована и политика занятости, а структурные сдвиги в составе работающих в основном оказываются за рамками регулирующих функций государства. При стихийном характере этих сдвигов в структуре рабочей силы накапливаются диспропорции, которые становятся тормозом развития производства и не могут быть устранены мерами поддержки безработных.

К числу таких тормозов относится нарастающий дефицит кадров, сочетающийся с их определенным избытком, в прежние годы именовавшимся «раздуванием» штатов. Весьма дефицитными, как и до реформ, являются кадры рабочих профессий, в особенности квалифицированные рабочие. Об этом заявили (по данным Левада-Центра) 77% работодателей, испытывающих проблемы с привлечением персонала (3, с. 60). Что касается излишних работников, то они в основном принадлежат к профессионально образованным кадрам нерабочих специальностей.

Для выяснения причин данных феноменов следует обратиться к структурным характеристикам рабочей силы и прежде всего к должностной структуре, отражающей квалификационные статусы работников. В нашей стране она заметно отличается от структуры в развитых и переходных экономиках, что особенно наглядно показывают доли квалификационно-полярных групп – высококвалифицированных специалистов и неквалифицированных рабочих (рис. 1).

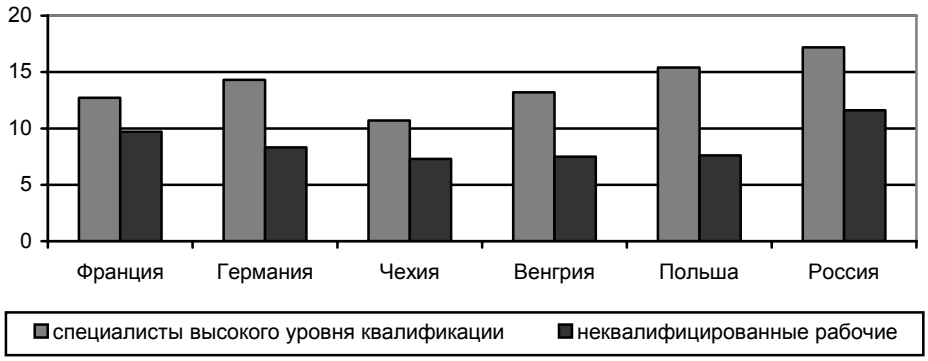

Рис. 1. Специалисты высокого уровня квалификации и неквалифицированные рабочие в некоторых развитых, переходных экономиках и в России в 2006 г., %*

** Данные по Франции за 2005 г.*

Источник: *МОТ – http://laborsta.ilo.org/STP/do*

Среди развитых и переходных экономик Россия – явный лидер по доле представленных на рис. 1 должностных групп. Такой значительный спрос на труд полярно противоположных уровней квалификации неблагоприятен для заполнения рабочих мест неквалифицированного труда, особенно ощущаемой работниками на фоне расширения более престижных форм занятости. Дефицит кадров низкой квалификации резко обострился еще в конце 1970-х

годов и обусловил постановку народнохозяйственной задачи сокращения ручного малоквалифицированного и физически тяжелого труда. Она осталась нереализованной вследствие инерционного характера инвестиционной политики. Но снижение занятости неквалифицированным трудом плохо решается и рыночными механизмами. Так, по информации МОТ, за период экономического роста численность неквалифицированных рабочих сократилась незначительно – с 13,5% в 2000 г. до 11,5% в 2006 г., что не приостановило нарастание их дефицита.

Одним из свидетельств того, что дефицит этих кадров имеет тенденцию к повышению, является распределение заработной платы неквалифицированных рабочих (кроме занятых в аграрных видах деятельности и в малом бизнесе) в зависимости от стажа работы.

Эта категория персонала не нуждается в специальной подготовке, и в совершенствовании ее трудового потенциала основная роль принадлежит опыту работы и приобретаемым навыкам. Данный процесс обычно находит отражение в повышении заработной платы по мере роста трудового стажа (до периода возрастного ухудшения качеств рабочей силы). Однако у неквалифицированных рабочих, в отличие от других должностных групп, пик оплаты труда приходится на первый после трудоустройства год с ее дальнейшим понижением. Это дает основание полагать, что для привлечения названных

кадров им повышают заработную плату, которая тем больше, чем острее их дефицит. Обратная зависимость ее величины от стажа работы указывает на то, что дефицит имеет тенденцию к росту.

Стимулирование занятости неквалифицированным трудом повышением заработной платы не оправдало себя еще в дореформенное время. Слабо действенными являются и меры, применяемые службами занятости. Сокращение численности малоквалифицированных работников в их задачи не входит, что подтверждает усеченный характер политики поддержки безработных. А возможности «расшивки» дефицита ограничены объемами контролируемых службами занятости спроса и предложения труда, так как данным кадрам переквалификация не требуется. Каковы эти возможности, можно понять по сводкам региональных и муниципальных служб о должностной структуре заявленных предприятиями вакансий и безработных, обратившихся за помощью в трудоустройстве.

Воспользуемся данными служб занятости разных типов поселений – мегаполиса (Москва) и малого города (Переславль-Залесский Ярославской обл.). В 2006 г. заявленная в столице потребность в неквалифицированных рабочих почти в 6 раз превышала предложение этих кадров, а в малом городе – в полтора раза. Эти различия во многом связаны с расхождениями отраслевой структуры городского хозяйства и доступности профессионального образо-

вания, а соответственно и трудового потенциала безработных. Но в обоих городах спрос на указанные кадры заметно превосходит их предложение. При этом, если московская служба может хотя бы частично закрывать неквалифицированную «брешь» мигрантами, то у центра занятости Переславля-Залесского таких возможностей практически нет.

На практике часто происходит привлечение квалифицированных работников к неквалифицированному труду. По данным Национального обследования благосостояния домохозяйств и участия населения в социальных программах (НОБУС, 2003), более 40% неквалифицированных рабочих имеют профессиональное образование, в том числе 25% – среднее и высшее. Надо полагать, такому удовлетворению спроса на неквалифицированный труд будет способствовать прогнозируемый рост безработицы, в условиях которого, судя по опыту 1990-х годов, подходящая работа может сводиться к любой работе (6, с. 43, 53). Однако подобное использование трудового потенциала ведет к его деградации, так как далеко не всегда компенсирует утрату профессиональных знаний и навыков.

Возникает вопрос, почему обладая экономикой среднего уровня развития, Россия, с одной стороны, превосходит передовые страны по удельному весу высококвалифицированных специалистов, а с другой – отрывается от среднеразвитых государств по уровню занятости неквалифицированным трудом. Существенные различия прослеживаются и в сопоставлении с такой среднеразвитой и одновременно (как и наша страна) быстроразвивающейся экономикой, какой является Бразилия, где заметно ниже доли обеих должностных групп.

Ответ на вопрос дает концепция многоуровневого (многоукладного) хозяйства, в соответствии с которой российская экономика состоит из сегментов с разным уровнем технологического развития и разрывами в издержках производства (7, с. 27–45). Эта ее специфика сформировалась еще в плановой системе, а с началом реформ дополнилась межукладными разрывами в заработной плате (после отмены общей тарифной системы). Возникли также новые сегменты со сравнительно высокой оплатой труда, в основном в производстве рыночных услуг, которые стали бурно развиваться в условиях высоких нефтяных цен.

Особенностью российского типа многоукладной экономики является то, что будучи системой с неравновесными ценами на производственные ресурсы, в том числе ресурсы труда, она слабо выравнивается рыночными механизмами (4, с. 15–30). Эти механизмы постепенно вымывают аутсайдеров, замещая спрос на их продукцию не столько отечественными товарами, сколько импортом, но почти не сближают технологические уровни сегментов. Поэтому при ограниченности государственного воздействия на вос-

производственные процессы многоукладность хозяйства устойчиво воспроизводится.

Сохранение в ее структуре технологически отсталых производств поддерживает высокий уровень занятых неквалифицированным трудом, а преуспевание на нефтяной конъюнктуре новых рыночных сегментов продуцирует значительный спрос на труд высокой квалификации. Например, по данным НОБУС, в такой сравнительно высокооплачиваемой деятельности, как операции с недвижимостью, доля специалистов высшего уровня квалификации близка к их удельному весу в лидерской по использованию труда высокой квалификации сфере образования и здравоохранения.

С многоукладным характером экономики во многом связана одна из наиболее острых форм дефицита кадров – нехватка квалифицированных рабочих. Эта связь имеет несколько аспектов. Прежде всего и так невысокая еще с советских времен привлекательность рабочего труда с возникновением новых сегментов и видов занятости с более благоприятными параметрами оплаты, условий, комфортности и режимов труда усугубилась. Кроме того, по данным обследования крупных и средних промышленных предприятий, проведенного Центром трудовых исследований ГУ-ВШЭ и Всемирным банком в 2005 г., дефицит квалифицированных рабочих в основном концентрируется на предприятиях с низкой производительностью труда и заработной платой[1]*. То есть он не просто сосредоточен преимущественно в обрабатывающей промышленности, где трудятся почти половина данного контингента работников (без учета занятости в сельском хозяйстве), а в ее технологически отсталых и самых непривлекательных сегментах.*

Среди других причин многие специалисты отмечают значительные потери квалифицированных рабочих в период кризисного спада 1990-х годов, особенно сильно ударивший по индустриальному сектору, а также разрушение системы начального профессионального образования и профессиональной подготовки на предприятиях. Эти формы обучения частично восстановлены, но в более ограниченных и экономных вариантах. Они не преодолевают не только общий дефицит по рассматриваемым должностным группам, но и нехватку и даже полное отсутствие рабочих редких, но крайне необходимых производству специальностей.

Восстановление комплексной системы профессионального обучения рабочих нередко обосновывается в качестве ведущего пути ликвидации их дефицита. Но следует иметь в виду, что должную отдачу он приносит с определенным лагом. Дело в том, что особенно дефицитными являются высококвалифицированные рабочие с хорошим трудовым опытом. Исходя из

1. Капелюшников Р. Дефицит рабочей силы сосредоточен на предприятиях с низкой производительностью труда. – http://www.viperson.ru/wind.php? ID=426449&soch=1

публикуемых Росстатом распределений заработной платы по стажу работы, такое сочетание профессиональной подготовки и приобретенных навыков достигается не менее чем через десять лет, когда заработки достигают пика.

Другая проблема этого пути – повышение привлекательности рабочих профессий, без которой даже качественная система профессионального обучения будет недополучать желающих пройти подготовку. Пока акцент делается на повышении заработной платы. В результате, по данным Росстата за 2007 г., оплата труда квалифицированных рабочих и специалистов высокой квалификации (без занятых в аграрном производстве) практически сравнялась, что деформирует ее распределение по должностным группам. А для технологически отсталых производств этот способ имеет серьезные ограничения в плане возможностей наращивать трудовые издержки.

Данный недостаток нивелируется через иной путь преодоления кадрового дефицита – ускорение оттока рабочей силы с неконкурентоспособных предприятий на перспективные объекты с высокой производительностью труда и заработной платой[2]. Однако и этот путь далеко не безупречен, так как в многоукладной экономике отсталые предприятия во многом представляют целые отрасли и подотрасли, в том числе жизненно важные. Сокращение и ликвидация таких предприятий как неперспективных ведет к потребности замещения их продукции импортом. Этот процесс, например в сельском хозяйстве, ребром поставил вопрос об обеспечении продовольственной безопасности страны. Более того, в условиях современного кризиса и падения мировых цен на энергоносители более актуальным является импортозамещение.

Еще один путь, который обозначился в связи с мировым кризисом, состоит в том, что на смену проблеме дефицита рабочих кадров грядет их избыток в форме открытой и скрытой безработицы. Тот же процесс охватит и других дефицитных работников – специалистов и служащих технического профиля, так как отечественный реальный сектор экономики, как и в других странах, окажется в числе жертв кризиса. Избыток кадров уже принял открытые формы в ряде новых сегментов занятости, которые оказались стартовой площадкой процесса сокращения персонала.

Но следует иметь в виду, что кризис не вечен, а выход из него все-таки потребует преодоления дефицита кадров, и не столько количественного, сколько качественного и стратегически значимого. Современное качество трудового потенциала и в индивидуальном, и в структурном разрезе пока отвечает запросам сырьевой, а не инновационной экономики, имеющей луч-

2. Капелюшников Р. Дефицит рабочей силы сосредоточен на предприятиях с низкой производительностью труда.

шие возможности противостояния кризису и посткризисного развития. Поэтому наряду с решением текущих кризисных проблем, в том числе путем поддержки безработных необходимы планы и практические шаги в области модернизации экономики, устранения многоукладности, совершенствования рабочих мест и рабочей силы. В этих планах и мерах по их реализации без политики занятости не обойтись.

Литература

1. Бондаренко Н. Запросы работодателей к качеству профессиональной подготовки работников // Вестник общественного мнения. – М., 2005. – № 3.

2. Котляр А. О понятии рынка труда // Вопросы экономики. – М., 1998. – № 1.

3. Красильникова М. Работодатели в современном состоянии рабочей силы и профессиональном образовании // Вестник общественного мнения. – М., 2005. – № 3.

4. Литвинцева Г.П. Анализ ценовых диспропорций в российской экономике // Проблемы прогнозирования. – М., 2002. – № 4.

5. Ткаченко А.А. Занятость и экономика: политика государства в переходный период. – М., 2000.

6. Уровень жизни населения. Социально-экономический потенциал семьи. – М.: Министерство социальной защиты населения РФ, 1996.

7. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. – М.: Наука, 2000.

В.С. Арутюнов

ПРОБЛЕМА ПОПУТНОГО ГАЗА КАК ВЫЗОВ ИННОВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ РОССИИ

Арутюнов Владимир Сергеевич – доктор химических наук, профессор, заведующий лабораторией Института химической физики РАН, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Отсутствие системной политики в области науки и технологий и работоспособной инновационной инфраструктуры невозможно компенсировать авантюрными попытками прорыва на передовые мировые позиции в отдельных видах высоких технологий. Абсурдность «отечественного нанопроекта» с самого начала была очевидна любому непредубежденному наблюдателю[1]. При этом в течение многих лет без должного внимания и адекватных решений остаются важнейшие вопросы расширения ресурсной базы, рационального использования энергоресурсов, энергообеспечения, энергосбережения, глубокой переработки отечественного энергетического сырья. Для нашей страны, живущей в основном за счет энергетических ресурсов, даже при
самом оптимистичном сценарии развития эти области еще долго будут оставаться фундаментом национальной экономики и пренебрежение ими недопустимо. Примером беспомощности отечественной промышленной, инновационной и технологической политики служит ситуация с решением одного из важнейших для системной модернизации экономики России вопроса о рациональном использовании огромных ресурсов отечественного попутного нефтяного газа (ПНГ).

1. Арутюнов В.С. Роль государства в инновационном развитии и инновационные приоритеты России // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. Труды Пятой Всероссийской научно-практической конференции. 28–29 мая 2009. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 22–27.

* * *

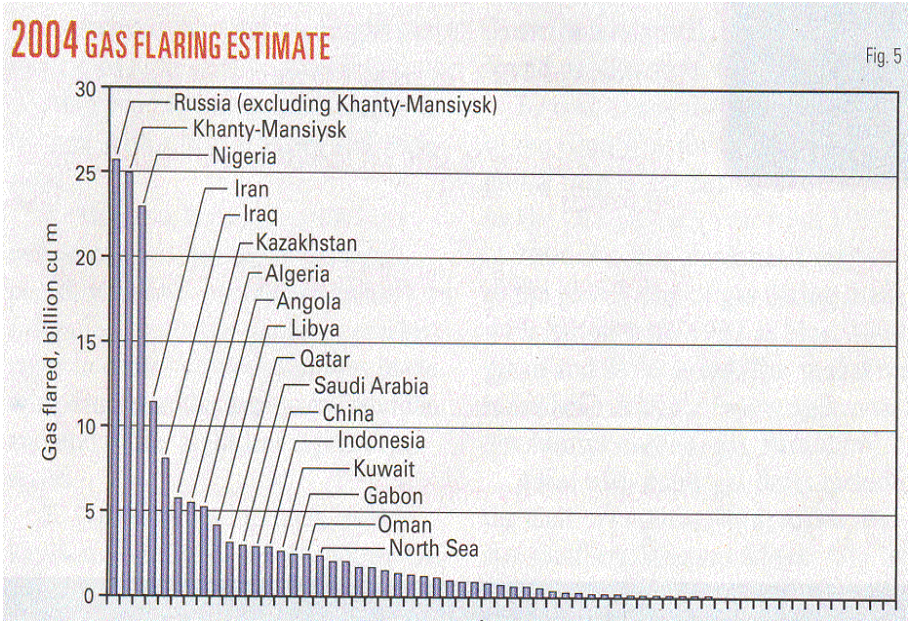
Разговоры о будущем инновационном развитии России за последние годы уже стали традиционным блюдом российской политической кухни. Им потчуют по поводу и без него, обещая, правда, в несколько неопределенном и отдаленном будущем, появление в России чудес науки и техники, которые обеспечат захват изрядной доли мирового рынка в таких экзотических областях как нанотехнологии.

Но пока мы продолжаем все более прочно увязать в болоте сырьевой экономики, видимо, стоило бы уделить какое-то внимание инновационному состоянию и этой отрасли. Неспособность отечественных управленческих структур выделять ключевые для национальной экономики инновационные проблемы и организовывать их решение демонстрирует уже много лет не сходящая с первых газетных полос проблема попутного газа[2]. О том, что это проблема национального масштаба, говорит объем теряемых ежегодно ресурсов. Много лет нас уверяли, что этот объем составляет «всего» 14–15 млрд. м^3/г., но как только появились независимые данные спутникового мониторинга горящих факелов, выяснилось, что эта величина минимум втрое выше, ~50 млрд. м^3 (рис. 1). Это эквивалентно почти 10% нашей ежегодной добычи природного газа и примерно трети его экспорта в Европу. А учитывая высокое содержание в ПНГ тяжелых фракций, теплотворная способность и ценность этого газа еще выше.

В отличие от нанотехнологий, где наша доля в мире пока исчисляется нановеличинами, в области сжигания попутного газа (да и вообще бесполезной растраты своих природных ресурсов) мы не только прочно лидируем, но и, как видно из рисунка, идем с большим отрывом от ближайших «преследователей», что отнюдь не укрепляет ни экономику, ни имидж России. Неужели это более сложная и менее перспективная и престижная для инновационного потенциала страны задача, чем призрачная цель создания практически с нуля отечественной наноиндустрии? Или это пример потери способности формулировать и решать в масштабах страны даже относительно простые задачи, требующие определенных организационных и финансовых усилий?

Проблема попутного газа уже давно является одной из наиболее острых для отечественного топливно-энергетического комплекса. Как же реагируют на ситуацию органы государственного управления? Практически единственная реакция – это многолетние попытки принять «Закон о попутном

2. Арутюнов В.С. Новые вызовы в нефтегазовой отрасли открывают реальные перспективы инновационного развития // Газовый бизнес. – 2008. – № 6. – С. 22–27.

газе» и на его основе ввести карательные санкции против добывающих компаний. Но насколько эта мера адекватна ситуации и даст ли закон ожидаемые результаты?

Рис. 1. Объем факельного сжигания в 2004 г.[3]

Для того чтобы оценить это, надо понять, почему в России жгут попутный газ. Тогда выяснится, что жгут все-таки не по злому умыслу и даже не по разгильдяйству, а потому, что в условиях удаленных и практически лишенных транспортной инфраструктуры российских промыслов известные способы утилизации небольших объемов попутного газа глубоко убыточны.

Поэтому можно принять сколь угодно суровый закон с драконовскими мерами против его нарушителей, но единственное к чему это приведет – к остановке небольших и удаленных промыслов, сделав их нерентабельными. Прежде чем разрабатывать санкции против потенциальных нарушителей закона надо дать им возможность его выполнения. А для этого необходимо создать эффективные малотоннажные технологии утилизации попутного газа. А пока у нас не только нет инструмента для утилизации ПНГ (соответствующих технологий), но и инструмента для создания такого инструмента (финансовых и законодательных мер стимулирования усилий по раз-

3. Elvidge C.D., Baugh K.E., Pack D.W., Milesi C. // Oil & gas Journal. – 2007, Nov. 12. – P. 50.

работке таких технологий). А без таких инструментов любой закон о ПНГ заранее обречен на невыполнение.

Что делать? Казалось бы вот оно, поле для законодательной и организационной деятельности в области инноваций. Надо направить усилия законодателей в то русло, о котором уже более десяти лет, после предыдущего кризиса 1998 г., рассуждают все ветви нашей власти – создать, наконец, реальные законодательные и финансовые условия для инновационной деятельности в стране, в первую очередь в области энергетики и глубокой переработки отечественных ископаемых ресурсов. Примером эффективности такой государственной поддержки могут служить широко известные меры стимулирования инновационной деятельности, принятые США в 1980-х годах. Последовавший в результате этих мер небывалый взлет инновационной активности показывает, чего можно добиться в этой сфере, если перейти, наконец, от разговоров к реальной законодательной деятельности.

«Закон о попутном газе», безусловно, необходим. Но совершенно очевидно, что он не решит проблему. Можно прописать в законе сколь угодно жесткие меры наказания, но до тех пор, пока государство, законодатели и нефтегазовые компании не озаботятся созданием технических средств его учета и утилизации, закон будет бесполезен ввиду отсутствия возможности, по крайней мере для небольших компаний и отдельных удаленных промыслов, его безубыточного исполнения. Доступные сегодня средства его реализации, такие как обратная закачка газа в пласт, транспортировка на ближайший газоперерабатывающий завод (на всю Россию их около 20, тогда как в США и Канаде, где реально утилизируется более 98% попутного газа, их более 1500), переработка в электроэнергию и т.п. для небольшого нефтеперерабатывающего предприятия даже в центре России глубоко убыточны. Экономические потери от утилизации ПНГ любым из этих способов многократно перекрывают любые штрафы, и только угроза отзыва лицензии может заставить предприятие предпринять какие-то экстраординарные меры, а скорее всего, вынудит его прекратить свою деятельность. Так что остается только уповать на известное наблюдение, сделанное еще Н.М. Карамзиным, что «строгость законов российских смягчается необязательностью их исполнения».

Единственным универсальным способом безубыточной или почти безубыточной утилизации ПНГ в специфических условиях российских добывающих регионов остается их малотоннажная конверсия в жидкие продукты непосредственно на промыслах. Причем при всей кажущейся привлекательности получения таких дорогостоящих и высоколиквидных продуктов, как бензин, дизтопливо, метанол и др., видимо, наиболее приемлемым для большинства добывающих предприятий будет получение синтетической нефти (синтетических жидких углеводородов, СЖУ), которую можно будет транс-

портировать и реализовывать непосредственно в составе и по цене добываемой сырой нефти. Это не только существенно упрощает процесс конверсии и снижает стоимость оборудования, но и решает не менее сложную задачу транспортировки с промыслов и реализации дополнительно получаемой продукции.

Но проблема в том, что сейчас таких готовых малотоннажных газохимических технологий конверсии ПНГ в СЖУ нет ни в России, ни за рубежом. Хотя несколько десятков организаций самого разного статуса и масштаба в своих публикациях и рекламе утверждают, что они владеют соответствующими технологиями и готовы погасить любые факелы, это не соответствует действительности. В общепринятом понимании, химической технологией процесс может называться только тогда, когда есть по крайней мере одна успешно действующая установка промышленного или полупромышленного масштаба, демонстрирующая его возможности и стабильность работы. Так вот, ни у одной из организаций, анонсирующих свои потенциальные возможности в этой области, таких установок нет. И это неудивительно, поскольку создание химической технологии на уровне пилотной установки требует затрат на уровне нескольких миллионов долларов. К сожалению, крупные российские топливно-энергетические компании, которые реально располагают такими средствами, не проявляют заинтересованности в создании таких технологий, видимо, полагая, что дешевле будет тем или иным способом договориться с законом.

Необходимо специально отметить, что малотоннажная газохимическая конверсия попутного газа – задача технически непростая по целому ряду причин. Во-первых, в отличие от товарного природного газа, который фактически представляет собой чистый метан, попутный газ – продукт эфемерный, не имеющий какого-либо определенного состава. Не только нет двух месторождений с одинаковым составом газа, но и для одного и того же месторождения его состав изменяется как в процессе разработки, закономерно обогащаясь тяжелыми фракциями, так и в зависимости от сезона года и даже времени суток из-за обычно значительного перепада суточных температур в наших климатических условиях. И любая технология должна учитывать эти изменения и адаптироваться к ним.

Во-вторых, также непостоянен объем извлекаемого газа. По мере разработки месторождения он нарастает, а затем, по мере падения добычи, снижается. Поэтому невозможно решить проблему гашения факелов на промысле на базе одной установки определенной мощности. Такая установка будет работать сначала с недогрузкой, потом ее мощности будет не хватать (и неизбежно появится факел), а потом снова будет недогрузка. Необходим модульный принцип постепенного ввода по мере разработки месторождения установок небольшой мощности и такого же постепенного их

вывода по мере падения добычи. Оптимальный объем годовой производительности по газу такого модуля, по нашим оценкам, составляет 5–10 млн. м^3/г.

В-третьих, существующие в настоящее время у нас и за рубежом газохимические процессы (получение метанола и др.) экономически оправданны только при очень больших объемах перерабатываемого газа, начиная от нескольких сотен миллионов м^3 в год. Уменьшение их масштабов ведет к многократному росту удельных капвложений на единицу производимой продукции, и редко может быть экономически оправданно. Единственный пример реализованного малотоннажного процесса получения метанола производительностью 12,5 тыс. т/г (компания ОАО «НОВАТЭК», разработчик процесса – ЗАО «Метапроцесс») фактически обозначил нижнюю границу такого уменьшения. По данным разработчика, переход от годовой производительности установки СЖУ 50 тыс. т к годовой производительности 10 тыс. т повышает удельные капзатраты более чем вдвое[4]. Необходимы новые более эффективные малотоннажные процессы.

Не менее сложную проблему представляет и учет попутного газа. До сих пор нет ни принятой методологии определения объема ПНГ, ни соответствующей сертифицированной аппаратуры. А без этого любые разговоры об объеме извлекаемого, сжигаемого и утилизируемого газа в значительной степени беспредметны. Учет расхода многокомпонентного мультифазного потока переменного состава действительно очень сложен, да и вообще не очень понятно, как можно измерять в объемных единицах субстанцию, соотношение между фазами в которой, а, следовательно, и ее объем, зависят от многих внешних условий. Технически гораздо проще, а по сути и более правильно учитывать количество попутного газа по его теплосодержанию. Это сделает возможным адекватное сопоставление совершенно разных по составу «тощих» и «жирных» газов, энергетическая и компонентная ценность которых сильно различается. Контроль по теплосодержанию наиболее адекватен методам космического мониторинга, что даст возможность объективного количественного контроля объемов сжигаемого газа.

Кроме того, это даст стимул для утилизации имеющих низкое давление относительно небольших объемов жирного газа второй и третьей ступеней сепарации. Их утилизация намного сложнее, а наносимый при их сжигании экологический и экономический ущерб значительно выше, поэтому только учет теплосодержания может дать достаточный стимул для их утилизации. Разработка методологии определения объема попутного газа, соответ-

4. Арутюнов В. Деятельность – единственный путь к знанию // Газохимия. – 2009. – № 2(6). – С. 9–19.

ствующих стандартов и приборов должна предшествовать принятию «Закона о попутном газе» быть в нем прописана, без чего он просто лишен смысла.

Теперь о тех «хозяйствующих субъектах», которые реально заинтересованы в разработке технологий утилизации ПНГ и могли бы принять в этом участие. Во-первых, это относительно небольшие нефтедобывающие компании, производящие на удаленных и разбросанных месторождениях небольшие объемы ПНГ и не имеющие шансов сдать их в газопроводную систему или на газоперерабатывающие заводы, либо переработать в электроэнергию, которую можно было бы направить в существующие сети. Во-вторых, это компании, научно-исследовательские и проектные организации, занимающиеся разработкой соответствующего оборудования. В-третьих, это компании и заводы – потенциальные производители такого оборудования. И, наконец, это региональные власти, заинтересованные в улучшении экологической обстановки и повышении экономической стабильности, в частности в увеличении количества рабочих мест и объема производства в своем регионе. Ни одна из этих категорий по отдельности не обладает достаточным потенциалом и ресурсами для решения проблемы, поэтому необходима определенная кооперация между ними.

Удастся или нет организовать такое взаимодействие – это и будет определять реальный успех в утилизации ПНГ в России. А ставка здесь достаточно велика. Если принять среднюю производительность по газу одной установки в 5 млн. $м^3$/г., а объем подлежащего утилизации газа хотя бы в 20 млрд. $м^3$/г., то речь пойдет о нескольких тысячах современных автоматизированных установок стоимостью несколько миллионов долларов каждая, т.е. о рынке емкостью в миллиарды долларов. Выход на мировой рынок, где таких технологий пока нет, а объем сжигаемого газа достигает 150 млрд. $м^3$/г., в несколько раз увеличивает емкость рынка. Так что при наличии желания и воли, помимо экономии ресурсов и решения экологических проблем, у отечественной промышленности появится возможность освоить новый и пока не занятый сектор производства высокотехнологичного современного оборудования.

Закон о ПНГ России нужен. Но если хотя бы часть тех средств, энергии и внимания, которые были уделены за последние годы его разработке, пошли на стимулирование работ по созданию технологий утилизации ПНГ, мы бы значительно дальше продвинулись в решении этой важнейшей проблемы. Причем без поддержки государства и крупнейших отраслевых компаний, на основе лишь частной инициативы разработчиков и ограниченных ресурсов мелких компаний – потребителей такого оборудования проблема решена не будет. Необходимы новые организационные формы, новые организационные, правовые и финансовые инструменты, новые стимулы, которые объединили

бы разработчиков оборудования по утилизации ПНГ, его потенциальных производителей и потребителей для реализации этой задачи, сейчас более актуальной, чем сам закон о ПНГ. Это может стать основой реальной инновационной программы в важнейшей для страны нефтегазовой отрасли с перспективой создания принципиально новых наукоемких отечественных технологий, причем не только для отечественного, но и мирового рынка.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Е.Б. Калоева

РУССКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ВО ФРАНЦИИ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ В РОССИИ

Калоева Елена Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН, заместитель главного редактора журнала «Россия и современный мир».

В 1921 г. на Россию обрушился страшный голод. Миллионы людей голодали. Многие погибли. По данным ГПУ, к лету 1922 г. в Екатеринбургской и Челябинской губерниях голодали около 1,6 млн. человек; в Самарской – 3,5 млн.; в Саратовской – 2 млн.; на Украине – более 2 млн.; в Уфимской – 1,5 млн.; в Казахстане и Ставропольской губернии – по 1 млн. человек. Голодом были охвачены Пензенская, Омская, Воронежская губернии, Крым и Северный Кавказ. От него пострадали 34 губернии Центральной России[1]*. Наряду с засухой, сказалась разруха, связанная с опустошительной Гражданской войной, гибельными экономическими экспериментами «военного коммунизма», кровавым подавлением крестьянских волнений и восстаний против этих экспериментов в самых хлебных районах страны.*

Уже первые известия о начавшемся бедствии, с которым явно не могли справиться государственные органы, вызвали общественное движение помощи голодающим. В него включились многие светские и церковные организации в стране и за рубежом. Самую значительную помощь голодающим Поволжья сумела организовать Американская администрация помощи (American relief administration) – АРА, правительственное соглашение с которой было подписано 20 августа 1921 г. АРА действовала два года. Немалых успехов в организации помощи смог добиться знаменитый полярный исследователь Фритьоф Нансен. В самой стране возник утвержденный

1. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг. Документы и материалы. Т. 1. – М., 1998. – С. 49.

ВЦИКом
21 июля 1921 г. Всероссийский общественный комитет помощи голодающим (ВКПГ или Помгол). В него было разрешено войти и деятелям, оппозиционным большевизму. Комитет насчитывал более 70 человек: 12 представителей власти, 61 – общественности. В августе 1921 г. патриарх Тихон в воззвании «К народам мира и православному человеку» призвал помочь обреченным на голодную смерть. Для сбора пожертвований прихожан был создан Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. Правительство РСФСР отнеслось негативно к стремлению священнослужителей оказать помощь голодающим. Власть всячески тормозила и деятельность ВКПГ. 27 августа 1921 г. его члены были арестованы (за исключением ячейки коммунистов, председателя Союза писателей Б.К. Зайцева и бывшей народоволки В.Н. Фигнер). На следующий день газета «Известия» опубликовала сообщение ВЦИКа о ликвидации Помгола.

Тем временем в августе 1921 г. в Париже под председательством одного из создателей и идеологов партии эсеров Н.Д. Авксентьева был образован Русский общественный комитет во Франции помощи голодающим в России[2]. Его целью была помощь голодающим в России на основе полной аполитичности и исключительно гуманитарных интересов, причем главная задача состояла в доставке помощи в районы голода.

В комитет, численность которого достигла 190 человек, вошли представители разных групп русской эмиграции во Франции: общественные и политические деятели, адвокаты, литераторы, артисты, журналисты, инженеры, педагоги и др. К комитету примкнула и часть французской интеллигенции, оказавшая ему существенную помощь.

Секции комитета, согласно параграфу 30 Устава, должны были собирать информацию и решать задачи, требующие определенной специализации. Первоначально предусматривалось шесть секций: финансовая, пропагандистская, информационная, санитарно-техническая, личного состава, снабжения. Реально функционировали только первые четыре (пропагандистская и информационная вскоре слились в одну секцию). Две последние в ходе работы оказались излишними.

Со временем образовалось еще три секции: детская, помощи интеллигенции и по сбору хлеба. Вместе с предусмотренной уставом санитарно-технической секцией они работали в течение всего года.

Комитету сразу же пришлось определить и сформулировать общие принципы своей деятельности и отношение ко всей совокупности вопросов,

2. Далее с небольшими сокращениями приводится годовой отчет Русского общественного комитета во Франции помощи голодающим в России (15 августа 1921 г. – 15 августа 1922 г.). [Париж, 1922].

связанных с голодом в России. Точка зрения комитета определилась в постановлениях общих собраний и Бюро комитета и в публичных выступлениях. Формулируя вкратце эту точку зрения, можно сказать, что комитет неуклонно заявлял себя организацией аполитической и гуманитарной. *В своих сношениях с правительствами, конференциями, международными и русскими общественными организациями комитет всегда отстаивал необходимость организации широкой помощи голодающей России в* международном масштабе и на основах полной независимости органов помощи в России, с возможно большим привлечением местных сил, при соблюдении строго гуманитарного и аполитического характера работы.

Для характеристики этой позиции комитета можно указать на телеграмму о помощи России, посланную председателем комитета Брюссельской конференции. Эта конференция, созванная в начале октября 1921 г., в составе представителей 27 государств, всего обсуждала вопрос о правительственных кредитах для голодающей России. Комитет выразил в телеграмме точку зрения русских общественных кругов, сущность которой изложена выше. В этой телеграмме было сказано также что комитет «считает необходимым ассигнование Международной комиссией кредитов для оказания действительной помощи голодающим, но вместе с тем считает нужным положить в основание целесообразного употребления кредитов международной организацией независимость ее действий в России, привлечение к содействию ей местного населения и строгое сохранение гуманитарного характера помощи. При соблюдении этих условий помощь должна быть начата немедленно…»

В течение первых месяцев своей деятельности комитет был занят главным образом установлением постоянных способов гарантированной доставки помощи в Россию. Эта задача в тот момент была весьма трудной, так как Россия была отрезана от Европы в отношении транспорта, почты, телеграфа, доставки денег, ввоза продовольствия и предметов первой необходимости. Первоначально комитет возлагал надежды на возможность установить постоянную связь с только что народившимся в Москве Помголом, надеясь, что вошедшие в его состав общественные элементы смогут придать его деятельности характер независимости и сделать помощь его реальной. Однако его ликвидация властями быстро положила предел этой надежде, и парижскому комитету пришлось, вместо посылки помощи голодающим через ВКПГ, участвовать в тех шагах, которые были предприняты для спасения арестованных членов Помгола.

Об этом свидетельствует следующее письмо от 29 сентября от Фритьофа Нансена: «Г. Авксентьеву, председателю Русского Комитета во Франции помощи голодающим.

Г-н Председатель, Я счастлив препроводить Вам при сем телеграмму, полученную мною от Чичерина в ответ на обращенное мною к нему спешное ходатайство, вызванное появившимся в печати сообщением, гласившим, что несколько членов Всероссийского Комитета были приговорены к смертной казни.

В то же время я препровождаю Вам текст официального сообщения для печати по этому поводу. Сообщение, по поводу которого Вы изволили мне телеграфировать и которое в настоящее время можно, следовательно, формально опровергнуть, является лишним примером ложных сообщений, фабрикуемых в печати, видимо с целью помешать помощи России.

Примите, господин Председатель, уверения в моем совершенном уважении. Верховный Комиссар Фритьоф Нансен».

К этому письму приложена копия следующей телеграммы: «Срочно Нансену международный Комитет Красного Креста Женева Швейцария. Вследствие телеграммы полученной из Гельсингфорса сегодня 27 сентября точка Сообщение казни членов Всероссийского Комитета абсолютно ложно все они совершенно невредимы расследование только начинается нет оснований ожидать смертного приговора номер 6955 Чичерин точка Я известил Северное Телеграфное Бюро также газеты утверждавшие сегодня что Вы не получили ответа. Эйнар».

Лишь после того, как открыли свою деятельность Американская администрация помощи и другие заграничные организации, получившие доступ в Россию, перед комитетом открылись пути для осуществления его непосредственных задач. Поэтому после первых же шагов организации Герберта Хувера[*] комитет поспешил выразить ему, одновременно с другими русскими общественными организациями, горячее сочувствие в предпринятой им работе, особенно подчеркивая полное свое согласие с основным принципом деятельности этой мощной организации – с принципом гуманитарной и аполитичной помощи голодающим. Вскоре после этого Комитет перешел к практическому осуществлению помощи и к отправке в Россию через АРА и другие заграничные организации, различных видов помощи: продовольствия, одежды, белья, обуви и медикаментов.

Не ограничиваясь отправкой помощи из Франции, комитет командировал одного из своих членов в качестве представителя комитета в государства, расположенные у границ Советской России: Латвию, Эстонию, Финляндию, имея в виду организовать в этих странах, как наиболее близких к России географически, отправку помощи голодающим.

* Гувер (Hoover) Герберт Кларк (в 1919–1923 гг. руководитель АРА).

Уполномоченный комитета С.Д. Щупак направил свои усилия на сосредоточение и отправку в Россию, через посредство международных организаций, довольно значительных запасов консервов и медикаментов, которые находились в Прибалтийских странах в качестве имущества заграничных представительств старых русских общественных организаций. Результатом этой работы была отправка такого количества предметов, которое в отчетности помощи комитета занимает первое место. Кроме того, благодаря инициативе уполномоченного комитета, отделение Московского народного банка в Прибалтике отправило в Россию организации врачей на 200 тыс. франков медикаментов, находившихся на его складах.

Таким образом, помощь направлялась в Россию через посредство нескольких заграничных организаций: Американской администрации помощи, Финляндского комитета ученых[**], Амстердамского бюро профессиональных союзов, Общества квакеров[***]. Однако главным каналом была и остается Американская администрация помощи. Эта наиболее мощная и независимая из организаций, работающих в России, и единственная, которая обладает сетью отделений на всем пространстве Европейской России.

Для оценки размера оказанной комитетом помощи и собранных им средств необходимо иметь в виду, что русская среда за границей, к которой преимущественно обращался комитет, в общем, находилась в плохих материальных условиях и могла служить источником сравнительно небольших средств. В том числе и сами члены комитета могли содействовать делу помощи голодающим соотечественникам в России в гораздо большей степени личным трудом и инициативой, чем своими материальными средствами.

Источниками денежных средств комитета были: членские взносы, добровольное самообложение русских граждан, пожертвования русских и французов и сборы от спектаклей, лекций, концертов и т.п. Наиболее крупные

денежные пожертвования были сделаны: редакцией газеты «Русский Солдат-Гражданин» – 8843 фр. 75 сант., Joint Distribution Committee – 5000 фр. Японской колонией во Франции – 12 366 фр. 50 сант., госпожой Уильям Мосс Арнольт – 300 долл. Из доходных предприятий наиболее успешными оказались мелкие – вечеринки, лекции, концерты.

Значительным было количество вещей, медикаментов и консервов, собранных частью в Париже, частью в Прибалтийских странах. Общая стоимость их за первый год деятельности комитета, по приблизительной оценке, достигает 273 971 фр. 75 сант.

** Финляндский университетский комитет помощи русским ученым.

*** Американский комитет друзей на службе обществу (American service committee).

Денежные средства частью вносились комитетом непосредственно в организацию Хувера – либо на общую помощь, оказываемую этой организацией России, либо специально на помощь детям, либо на помощь отдельным особо обозначенным группам населения (врачам, учителям, интеллигенции, рабочим одного предприятия, врачебным учреждениям). Производилась отправка через ту же организацию Хувера продовольственных переводов от комитета на имя отдельных групп, учреждений и лиц. Наконец, небольшая часть средств расходуется на отправку и пересылку собранных вещей и иные организационные расходы.

Совершенно особо стоит открытая комитетом с декабря 1921 г. операция приема продовольственных переводов, отправляемых через Американскую администрацию помощи. Еще до открытия этой операции, комитет принял на себя инициативу переговоров с АРА об ее устройстве и в ряде обращений к этой организации излагал те основания, на которых, по его мнению, могло бы быть устроено дело индивидуальных продовольственных посылок.

Необходимость такого посредничества вызывалась тем, что, с одной стороны, русские отправители продовольственных переводов (из которых многие не знают других языков кроме русского) нуждаются в помощи и советах для отправки переводов своим родным и близким в Россию. С другой стороны, и Американская администрация помощи несомненно могла извлечь реальную поддержку в этом деле из содействия русской общественной организации, которая брала на себя объединение отправителей и техническое облегчение их отправок. В частности, помощь комитета оказалась совершенно необходимой для многочисленных русских, разбросанных по отдаленным углам Франции и других стран и не имеющих возможности достать на месте доллары, в то время как АРА принимает продовольственные переводы исключительно в этой валюте.

Поэтому комитет, с согласия Европейской дирекции АРА, открыл у себя прием продовольственных переводов для АРА в любой валюте и широко оповестил об этой операции в русской печати за границей. Операция эта быстро приняла значительные размеры: комитет стал получать продовольственные переводы для АРА из 29 различных стран.

«Истекший период деятельности Комитета доказал, что наиболее целесообразной и удачной формой его работы является помощь отдельным *группам, местностям, профессиям или даже лицам из числа голодающих в России. Таким образом, и дальнейшие задачи Комитета сводятся к расширению и организации этих конкретных и групповых видов помощи, направляемой в голодающую Россию. На этом пути остается сделать очень мно-*

гое, и можно сделать очень много, если только Комитет будет располагать средствами для направления их через эти наиболее практичные каналы»[3].

В конце февраля 1922 г. в комитет поступили первые сведения о чрезвычайно тяжелом положении врачей, работающих в голодающем районе Поволжья и о полном отсутствии медицинских средств для борьбы с эпидемиями. Сведения эти были доставлены уполномоченным комитета, находившимся в командировке в Прибалтике. Первая серьезная попытка помощи была предпринята комитетом сейчас же по получении этих сведений. Уполномоченному комитета в Прибалтике удалось использовать большую партию медикаментов, находившуюся в распоряжении одной заграничной русской общественной организации, ценностью около 200 тыс. франков, которая и была отправлена в Россию в распоряжение русской организации врачей.

Санитарно-техническая секция, получив новые сведения, открывавшие возможность действий, созвала в марте текущего года большое собрание русских врачей, проживающих в Париже, и на этом собрании были намечены основные положения работы для ближайшего периода. Собрание признало целью будущей деятельности – помощь врачам персонально *в их общественно-медицинской работе по борьбе с голодом и эпидемиями. Врачи хотели этим подчеркнуть, что они считают на первых порах наиболее рациональным оказание медицинской помощи России* через посредство *врачей. Каждый врач обслуживает тысячи людей. Поддержка врача – это спасение не его одного, а и окружающих его тысяч.*

Лозунг «врачи – врачам» казался, кроме того, для данного момента наиболее действительным при собирании средств. Санитарно-техническая секция развивала свою работу по двум направлениям: 1) изыскание средств на оказание непосредственной помощи врачам пищей, одеждой и медикаментами; 2) пропаганда при помощи прессы и других средств, с целью привлечь внимание к тяжелому положению врачей и медико-санитарного дела в России. Для первой задачи секция выделила из своего состава две подкомиссии: а) вещевую – по сбору одежды, и б) по сбору медикаментов и медицинских предметов. Вещи и медикаменты шли через посредство АРА, Общества квакеров и других организаций в адрес русских врачебных организаций в Москве для распределения далее среди врачей, работающих по борьбе с голодом. «Как ни мала эта помощь, она существенна еще тем, что идет целиком от русских, которые сами находятся за границей в незавидных условиях»[4].

3. Годовой отчет Русского общественного комитета во Франции помощи голодающим в России за 1921–1922 гг.

4. Годовой отчет Русского общественного комитета во Франции помощи голодающим в России за 1921–1922 гг. – С. 14.

Работа во французской среде составляла предмет забот особой подкомиссии, в состав которой входили врачи более близкие к французским кругам. Эта подкомиссия ведала и всем делом пропаганды. Задачи пропаганды – осведомление прессы, русской и заграничной, а также медицинской профессуры и врачебных обществ, равно и отдельных врачей, о тяжелом положении их русских коллег и о тяжелом медико-санитарном положении России. Приходилось преодолевать весьма естественное недоверие к тому, что отправленное в Россию дойдет по назначению. Неосведомленность о положении в России была значительна во Франции и, в частности, во врачебных кругах.

Секция помощи детям образована была вскоре по учреждению самого комитета. Организация ее поручена была Р.М. Плехановой. В настоящее время председательницей секции состоит А.С. Милюкова. В целях пропаганды было выпущено несколько воззваний, которые помещены были преимущественно в русских газетах. В целях пропаганды и призыва к пожертвованиям председательницей А.С. Милюковой, по приглашению Бельгийского Красного Креста, было прочитано четыре лекции в Брюсселе и Льеже о положении детей в голодающих губерниях с демонстрацией фильма д-ра Нансена. Велись переговоры о поездке по французской провинции для чтения лекций о голоде.

Собирание средств производилось посредством членских взносов, устройства музыкальных вечеров, детских праздников, лотерей, лекций и сбора пожертвований членами секции по квитанционным книжкам. Сборы производились почти исключительно среди русской колонии, как известно, находящейся в тяжелом материальном положении. Итог их за 11 месяцев выразился в небольшой сумме 20 900 фр. 50 сант. Сборы среди французского общества после напечатания и распространения воззвания дали всего лишь 300 фр. Из собранной секцией суммы – 12 тыс. было передано АРА. Были отправлены, также через АРА, продовольственные посылки в детский санаторий близ Гурзуфа в Крыму и продовольственные посылки в Полтаву Лиге спасения детей, которой руководила дочь В.Г. Короленко – С.В. Короленко.

Гораздо успешнее шла деятельность секции по сбору пожертвований вещами. В ответ на наши воззвания, помещенные в газете «Последние Новости», о пожертвовании поношенного платья, белья и обуви, в секцию начали поступать в большом количестве подержанные вещи. Удалось собрать около 10 тыс. предметов, оцениваемых приблизительно в 150 000 франков. Из них около 8500 предметов – 125 ящиков одежды, белья и обуви отправлено в Россию (первые восемь ящиков через Ригу в Поволжье. «Из указанных посы-

лок 27 ящиков – для матерей и инвалидов, 3 ящика – для медицинского персонала, а остальные 95 ящиков – для детей»[5].

Секция помощи интеллигенции действовала с конца апреля 1922 г. Как показывает название секции, целью ее деятельности являлась помощь интеллигенции, страдающей в России от голода. Для достижения этой цели секция помощи интеллигенции приступила к организации землячеств, т.е. группировок уроженцев и постоянных жителей определенного пункта, проживающих временно во Франции, причем пункты эти выбирались в соответствии с наличными базисными складами АРА.

Секция также решила обратиться к представителям различных профессий Франции, призывая их жертвовать в пользу их голодающих в России коллег. Было намечено обратиться к педагогам, юристам, архитекторам и т.д.

В течение двух месяцев секции удалось организовать восемь землячеств: 1) Доно-Кубанско-Терское (Ростов-Дон, Екатеринодар, Новороссийск); 2) Крымское (Севастополь, Феодосия); 3) Москва (и ее районы); 4) Одесское (Одесса, Николаев); 5) Петроград (и его районы); 6) Поволжье (Самара, Саратов, Симбирск, Казань, Царицын); 7) Северо-Западного края (Минск, Гомель, Витебск), и 8) Юго-Западного края (Киев, Харьков, Екатеринослав). Таким образом, из центров, где имеются пункты АРА, не удалось создать землячеств только для Оренбурга и Уфы, что объяснялось малочисленностью в Париже уроженцев этих губерний.

Денежные средства, собираемые секцией в целом, не тратились непосредственно, а распределялись среди землячеств. Так были уже распределены 5 тыс. франков, поступившие от Jewish Joint Distribution Committee, а также суммы, поступившие от французского учительства. Союз землячеств, кроме того, отправил особые депутации к правлениям русских и иностранных банков, пароходных обществ и страховых, промышленных и торговых организаций, призывая их жертвовать для распределения среди землячеств.

Землячества были совершенно автономны в своей деятельности. Некоторые из них были самостоятельными юридическими лицами. Они собирали средства и самостоятельно, путем сбора пожертвований, членских взносов, устройства вечеров, концертов и т.д. Все землячества посылали преимущественно посылки АРА, адресуя их либо отдельным заслуженным лицам (видные общественные деятели, а также популярные врачи, профессора, инженеры, литераторы, художники, священники и т.д.), либо просто частным лицам, которым доверяется распределение 20 и 30 долл., посылок среди

5. Годовой отчет Русского общественного комитета во Франции помощи голодающим в России за 1921–1922 гг. – С. 16.

представителей их профессий, либо учреждениям, или правильнее, главам учреждений для раздачи обслуживающему их персоналу (например, университетам, гимназиям, больницам и т.д.). До сих пор восемь землячеств, созданных за два месяца, объединили свыше 1200 человек, преимущественно эмигрантской интеллигенции, собрав около 25 тыс. франков, на которые, а также на суммы, распределяемые секцией между землячествами, послано через АРА около 270 посылок.

Следует отметить, что объединение по землячествам происходило вне каких бы то ни было партийных, политических или вероисповедных признаков; вокруг землячеств были сгруппированы представители самых разнообразных и даже полярных взглядов.

Идеи, положенные в основу деятельности секции помощи интеллигенции, встретили сочувствие не только в русской, но и во французской среде. Секцией было разослано свыше 1 тыс. циркулярных обращений и подписных листов, адресованных всем обществам кооперативной взаимопомощи, существующим в нижней и средней школе Франции, а также ректорам всех высших учебных заведений. В первые же месяцы поступило несколько десятков откликов, давших свыше 4 тыс. франков. Преподавательские составы некоторых провинциальных лицеев и колледжей поголовно откликнулись на призыв помочь голодающим в России учителям, подписывая по 2, 3, 5 и 10 франков. Ректор Парижского университета разослал воззвание секции деканам всех факультетов. О сборе среди учительства сообщил ряд французских газет и журналов.

Стоит также сказать о работе секции по сбору хлеба. Секция образовалась 20 апреля 1922 г. Председатель секции – О.П. Шиловская. В составе секции 16 членов.

Сущность работы секции заключалась в сборе по Парижу остатков сухого хлеба, перемолке и сушке их, и отправке в виде муки в Россию. Секция обратилась к широким кругам населения Парижа с воззваниями, помещенными в газетах, и производила систематические объезды отдельных районов на машинах, пользование которыми безвозмездно было предоставлено секции. В районах имелись сборные пункты, куда жертвователи приносили хлеб. Его отправляли на склад секции, где он подвергался дроблению с помощью специальной машины, также пожертвованной секции. Там же производилась и сушка размолотого хлеба. За истекший период (до 15 августа 1922 г.) отправлено в Россию 2225 кг размолотого хлеба. Доставку в Россию и распределение на местах взяло на себя «Общество друзей» (квакеров), которое также приняло на себя расходы по транспорту.

В конце 1922 г. Русский общественный комитет во Франции помощи голодающим в России прекратил свое существование.

К.С. Пряжников

РУССКИЙ СОЛИДАРИСТ ГЕОРГИЙ ГИНС

Пряжников Константин Станиславович –
кафедра политологии и социальной
политики РГСУ, Москва.

Научное наследие Георгия Константиновича Гинса (1887–1971) выдающегося теоретика права русского зарубежья, одного из основателей движения российских солидаристов, мыслителя, разработавшего его философско-правовые основания.

Исследование биографии и научных взглядов Г.К. Гинса представлено в основном работами историков, изучающих историю Сибири в годы Гражданской войны и историю русской эмиграции первой волны – труды Н.Н. Аблажей, С.П. Звягина, О.В. Обухова, Г.С. Стародубцева, А.А. Хисамутдинова и некоторых др. (1). Однако жизнь ученого после 1920-х годов и исторические предпосылки создания им учения о солидаризме, суть этого учения как целостной концепции общественного развития остаются изученными.

Георгий Константинович Гинс родился 15(27) апреля 1887 г. в Новогеоргиевске (Модлине). Он был сыном капитана Гинса и Е.Д. Гинс, урожденной Ламзаки. Отец умер в 1892 г., и мать с четырьмя детьми была вынуждена вернуться в Бессарабию, где был их родовой дом (2). Среднее образование Гинс получил в кишиневской гимназии, которую закончил в 1904 г. с золотой медалью. В аттестате были отмечены особые успехи ученика по русскому языку и литературе. Гинс поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

Гинс переходит с историко-филологического на юридический факультет. Первые два года его университетской жизни совпали с периодом Русско-японской войны, студенческих забастовок и революции.

В это время Гинс в кружке по политэкономии (руководитель Туган-Барановский) делает доклад «Ценность и стоимость» (напечатан в двухне-

дельнике «Студенческая жизнь», 1906). Следуя Петражицкому, оказавшему наиболее сильное влияние на его становление как ученого, Гинс обратился к психологическим основаниям понятия ценности: ценность зависит от характера переживания человеком своей потребности в вещи.

Уже тогда его внимание привлекали идеи легального марксизма *и* солидаризма.

Работы П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского, идеи французского правоведа Л. Дюги формируют научное мышление молодого исследователя. Он изучает и труды писателей австро-венгерской школы Бём-Баверка, фон Визера, Карла Менгера (3). Данная традиция, как писал позже П.Б. Струве, имела своим началом идеи Дж. Ст. Милля (1806–1873), который в работе «О свободе», отчасти под влиянием немарксистского социализма (сенсимонизма), вернулся к наследию Дж. Локка и А. Смита, к идее социальной справедливости и положил начало социальному либерализму, который можно назвать солидаристическим. С 1890-х годов французский юрист М. Ориу (1856–1929) развивал либерально-солидаристическую теорию публичного права.

Работа в кружке сблизила Гинса с профессором М.И. Туган-Барановским. В первом сборнике «Вопросов обществоведения (проблемы социальной науки)» (1908), вышедшем под редакцией Туган-Барановского, Гинсу принадлежит несколько статей, в том числе – «Характерные черты мировоззрения Л.Н. Толстого».

В 1907 г. Гинс принимает участие в конкурсе «О сущности юридических лиц». Совет факультета, по отзыву Петражицкого, присудил работе Гинса серебряную медаль.

Весной 1909 г., еще не сдав государственных экзаменов, он, по рекомендации своих учителей, командируется в Туркестан в Семиреченскую область для изучения правовых основ водопользования, связанного с орошением земель.

В Туркестане Гинс ведет наблюдения, которые позже лягут в основание его учения о солидаризме и будут изложены в фундаментальной работе «Право на предметы общего пользования: Часть I: Основы водного права», изданной в Харбине в 1926 г. (4). В этой работе он отмечал, что в водном праве можно найти богатую коллекцию имущественных отношений. Проточная вода, проходящая из одного владения в другое, создает постоянную общность интересов и зависимость одного хозяйства от другого. Гинс подмечает, что при однообразии интересов*, все соучастники в пользовании легко сговариваются и вырабатывают порядок, наиболее обеспечивающий все интересы. В ирригационном хозяйстве вода распределяется по очередям, иногда по часам и по минутам дня и ночи. «Групповое обладание и коллективный интерес, – отмечает Гинс, – предполагают создание специальной*

администрации, снабженной принудительною властью. Совет выборных имеет право даже раскладки работ и денежных сумм по ремонту оросительных сооружений и по устройству новых сооружений; в периоды засухи и недостатка воды водная администрация производит переделы» (5).

Общий интерес создает естественную *солидарность. Только общими силами, пишет он, и только при соблюдении установленного порядка сопользователи могут обеспечить себя поливною водою, без которой земля – ничто. Облекаясь в юридические формы,* солидаризм *находит опору в административном воздействии. Главное управление землеустройства и земледелия в дореволюционной России Гинс сравнивал позже с подобными организациями в Европе.*

Солидаризм *предполагает достаточную степень сознательности и развитое чувство общественности. Но человеческая природа такова, что без элемента принуждения обойтись нельзя. Опыт организации товариществ синдикального типа показывает, что инициатива отдельных лиц постоянно разбивается об инерцию, противодействие или неподчинение других, пока государство не снабдило их правом принудительного взыскания и правом принудительного присоединения меньшинства (6).*

В январе 1910 г. по возвращении из Туркестана в Петербург Г.К. Гинс получает приглашение на работу в Переселенческое управление. Здесь он принял участие в работе над книгой «Сельскохозяйственное Ведомство за 75 лет его деятельности», трехтомным трудом «Азиатская Россия» (1914), подготовленным Переселенческим управлением (7). С 1913 г. он служит в Канцелярии главноуправляющего ведомством. Под впечатлением поездки в Туркестан Гинс пишет очерки «Таранчи и дунгане» (8) и «В Киргизских аулах» (9), которые опубликовал журнал «Исторический Вестник».

С началом Первой мировой войны работа ведомства становится все более интенсивной, особенно после организации при Главном управлении Особого совещания по продовольствию и снабжению. Осенью 1915 г. Гинс продолжает свои научные занятия. Он сдает магистерские экзамены и весною 1916 г. становится приват-доцентом Петроградского университета.

Революция застает его на посту чиновника по особым поручениям при министре земледелия, юрисконсульта Особого совещания по продовольствию и снабжению, ревизора лесного департамента. В это время Гинс начал большой труд по водному праву.

Летом 1917 г. создается Министерство продовольствия и Гинса приглашают на должность главного юрисконсульта. Между тем наступил октябрь 1917 г. Зная по опыту работы в Переселенческом управлении условия жизни в Сибири и имея там много друзей из числа сослуживцев, Г.К. Гинс решает послать туда свою семью, а в январе и сам выезжает в Омск. Пер-

вое время он служит в Центросоюзе, крупном объединении сибирских потребительских кооперативов, избирается членом правления.

Весною 1918 г. Гинс становится профессором Политехнического института. Но уже летом, до начала занятий, в Сибири произошел переворот, было сформировано Сибирское правительство адмирала А.В. Колчака и Гинса привлекли к работе правительства в качестве управляющего делами (1918–1919). Гинс занимал посты товарища министра народного просвещения, товарища министра иностранных дел, председателя Чрезвычайного государственного экономического совещания и члена правительства без портфеля, наконец, опять управляющего делами правительства. В этой должности застал его новый переворот в Иркутске, организованный эсерами.

Сибирская эпопея описана Гинсом в его известной книге 1921 г. (10).

Эмигрантский период жизни и научного творчества Г.К. Гинса начинается с конца января 1920 г., когда Гинс с семьей, которая перед иркутским переворотом выехала в Читу, прибывает в Маньчжурию. Позже он вспоминал: «Началась третья полоса моей жизни, на этот раз в эмиграции в Китае» (11). В Харбине он участвует в газете «Русский голос», а с 1921 г. под его редакцией издается «Русское обозрение» (Харбин–Пекин). С 1921 г. он работает на КВЖД, где проходит службу на постах начальника канцелярии правления и потом главного контролера дороги (до мая 1926 г.). Оставив службу, Гинс уходит в научную работу (декан Юридического факультета в Харбине, читает лекции по римскому и торговому праву и готовит курс по общей теории права). В 1928 г. заканчивает работу над второй частью книги «Право на предметы общего пользования» (12). Первый на русском языке серьезный труд в этой области вызвал положительные рецензии профессоров Б.Э. Нольде и В.И. Синайского (13).

Осенью 1928 г. Гинс выехал в Европу морским путем через Гонконг, Филиппины, Сингапур, Цейлон и Порт-Саид, побывал в ряде ее стран. В апреле 1929 г. на основе своей монографии защищает в Париже магистерскую диссертацию по теме «Водное право» в Русской академической группе. В мае 1929 г. возвращается в Харбин.

С этого времени начинается наиболее интенсивный период его научной работы в Харбине. Еще со времени поездки в Туркестан у Гинса складывается представление о возможности организации имущественных отношений на основе солидаризации интересов. *Но для этого необходимо новое право. Он берет у Л.И. Петражицкого идею об общественном значении права как устанавливающем* равнодействующую *поведения людей. Однообразное понимание прав и обязанностей (правопорядок) вносит в человеческое общество мир. Воспитанные в духе права люди заключают между собою договоры, которые выражают большею частью результат компромисса, достигнуто-*

го на основе стремления согласовать интересы. Некоторые договоры, полагает Гинс, требуют постоянного согласования действий. Каждый должен считаться с желаниями другого, иначе для них станет невозможным осуществление общей цели. *Сознание необходимости поступаться своими интересами для достижения общей цели является необходимым условием для существования более сложных объединений, чем товарищество. В частности, этим сознанием, пишет Гинс, обладает такой институт как государство:* патриотизм – *род социального сознания и выступает как один из видов солидарности.*

Опыт Русской революции 1917 г. и наблюдения над жизнью в Китае укрепили убеждения Гинса, что без правовых основ нельзя построить здоровой государственности и общественной жизни. В обществе наблюдается господство силы, *которая постоянно берет верх над* правом. *Ни право, ни социальная гармония в обществе не предопределяют заранее какого-либо содержания. Оба эти понятия формальны. В своих этюдах о китайской этике (14) и затем в двухтомнике «Новые идеи вправе и основные проблемы современности» (15), Гинс разработал важнейшие проблемы нового правового строя, который он называет* солидаризмом. *Вслед за Петражицким он приходит к выводу, что право – явление* социальное, *оказывает регулирующее воздействие на психологию поведения коллективов людей. Часто государственный деятель обнаруживает способность, которой нет у других, – не только понять задачи момента, но и предвидеть. Такой государственный деятель достиг бы вдвое большего, если бы он знал, как подготовить восприятие будущего. На помощь практическим политикам должна прийти наука, которую Л.И. Петражицкий предложил назвать* политикой права. *В своей работе «Обоснование политики права в трудах Л.И. Петражицкого» (16) Гинс поясняет, что наука эта возможна лишь при условии изучения правовой психологии и при знании того влияния, которое оказывает право на поведение людей. На основе этих знаний могут быть установлены методы правовой психологии и можно определять, какие правовые нормы и какие способы воздействия необходимы для того, чтобы содействовать укреплению желательного политико-правового режима или приближению нового порядка.*

Право подготовляет психологию людей к солидарным действиям, *но оно может поощрять и даже требовать солидарности в более широком масштабе (17). Чем культурнее человеческое общество, тем более социальным оно становится, т.е. тем более сознательно относятся его члены к важности общественного сотрудничества, а потому законы, специально укрепляющие солидарность, составляют достояние более позднего времени. В частности, утверждает Гинс, современное право 30-х годов уже богато многими образцами такого законодательства.*

В работе «На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму» (18) Г.К. Гинс дал формулировку социального идеала *для сознательного руководства и осуществления социального прогресса. Опираясь на психологическую теорию права Петражицкого, ученый полагал, что политика права должна ориентироваться на социальный идеал. Тем самым она открывала бы возможность сознательного руководства социальным прогрессом, т.е. такого воздействия на народную психологию, которое приближает ее к достижению наиболее совершенного социального характера; человеческое общество должно достигнуть такого состояния, при котором сотрудничество и взаимопомощь происходили бы по свободному побуждению. Необходимо, чтобы в обществе торжествовала готовность творить друг другу добро, всякий член общества был бы равен другому и пользовался бы правом на достойное существование (19). «Мы идем от либерализма к солидаризму», – формулирует Гинс итоги своих исследований новых явлений общественной и политической жизни Европы 1930-х годов. Дальнейшим развитием этих идей явились его работы о новых идеях в праве и «Предприниматель» (20). Известно, что при написании последней принимал участие предприниматель Л.Г. Цыкман. В ней автор предлагает новое понятие* регулятивного *права как основы солидаризированного общества взамен частного права либерального строя и публичного права, ведущего к порабощению человека при режиме социализма в Советской России и фашизма, типа национал-социализма в Германии 1930-х годов (21). Эти идеи, нашедшие наибольшую поддержку со стороны русского социолога Н.В. Гимашева на страницах газеты «Возрождение» (Париж), обрели впоследствии много сторонников и легли в основу движения русских солидаристов в Европе в 1930-е годы (НТС) (22), и особенно продолжили развиваться среди русских за рубежом 1940–1950-е годы.*

Как свидетельствуют архивные материалы, период жизни в Харбине с 1932 по 1941 г. был самым трудным в жизни Георгия Гинса в экономическом и моральном отношениях. Фашистские организации Харбина открыто вели травлю всех независимых лиц, очевидно с благословения своих японских покровителей, стремившихся подчинить себе всех влиятельных русских, проживающих в Харбине. Тем не менее Гинс до конца оставался независимым и ни в каком учреждении, руководимом японцами, не работал (23). Помимо преподавательской деятельности в Харбинской школе права и в Педагогическом институте он также возглавлял Комитет образовательных учреждений при КВЖД и Собрание надзора Харбинского муниципалитета, был членом Совета директоров Домашнего банка.

Из-за этих обстоятельств Гинсу не удавалось посвятить себя всецело научной работе. Ни преподавание, ни книги не обеспечивали достаточного дохода, и поэтому приходилось вести юридические дела в качестве консуль-

танта, публиковать статьи в «Известиях юридического факультета» при Харбинском университете, а также в газетах. Редактором этого издания он был в 1926–1939 гг. Но именно в это трудное для него время Гинс публикует три фундаментальные книги, в которых ему удается изложить основные положения учения о солидаризме как социально-ориентированной *политике права (24, 25, 26).*

В лекции на юрфаке «Социальная психология и основы права» (8 сентября 1936 г.) Гинс впервые публично говорил о социологическом *значении права. Он отметил, что за последние десять лет в разных странах появились сторонники психологической теории права. Однако следует признать, «что право – особое психическое переживание, свойственное не обязательно только индивиду, но и коллективу. Между тем право является продуктом* социальной культуры*, так же как религия, наука, искусство. Оно органически связано с массовой психологией того народа, которым оно создано. Наука должна принять во внимание это обстоятельство. Но не были до сих пор применены выводы социальной психологии. Именно социальная психология показывает, что идея долга играет в области права гораздо большую роль, чем страх принуждения или эгоистическое охранение интереса» (27).*

Таким образом, полагал Гинс, социальная психология служит основанием для научной разработки «политики права», которая должна стать основанием создания солидаристского строя. Причем человек для нее является не только самоцелью, но и средством для служения целому. Она допускает отступление от различных демократических и прогрессивных лозунгов. Отступления эти вызываются необходимостью спасения государства и исторической культуры в эпоху кризисов и войн. В середине 1937 г. юридический факультет был закрыт. Фактически в Харбине началась ликвидация русских общественных учреждений. Г.К. Гинс был также председателем харбинского отдела Русской академической группы, в 1937 г. издавшей сборник статей, посвященных А.С. Пушкину. В 1941 г. вышел из печати последний сборник политических статей. В нем Гинс опубликовал статью о политическом положении в Европе накануне войны.

И все же Гинс вспоминал, что годы пребывания в Харбине были счастливейшим временем в его научной жизни (29). В тот период были изданы его наиболее значительные работы. После нападения Германии на СССР Гинс отбывает из Маньчжурии в США (июль 1941 г.). Четвертый раз приходится начинать жизнь сначала.

По прибытии в США Гинс был приглашен русским центром в Сан-Франциско, где ему предложили стать редактором вновь образованной ежедневной газеты «Русская жизнь» (1942–1944). Он читает ряд лекций о России. В 1943 г. Гинсу было предложено преподавать русский язык в Калифорнийском университете (Беркли) для Army Training Program и позже вре-

менно стать сотрудником международной организации УННРА по вопросам мигрантов (Displaced Persons Specialist) (1944–1945). Его поездка в Европу по делам этой организации, намеченная на лето 1944 г., не состоялась ввиду того, что в Ялте в эти дни были достигнуты соглашения между союзниками о выдаче некоторых эмигрантов советским властям. Было принято решение не посылать в Европу эмигранта Гинса, известного своей антикоммунистической деятельностью. Гинс возвращается в Калифорнию, получает предложение преподавать русский язык в университете и читать лекции по истории культуры и современной России. В 1941–1945 гг. он написал ряд статей для американских журналов и подготовил к печати книгу о Советской России.

В июле-августе 1952 г. Гинс участвует в Международном конгрессе юристов в Западном Берлине, где он впервые представляет материалы по проблемам советского права – главы из будущей монографии о советском праве и советском обществе (30). А в 1956 г. в Нью-Йорке он издает книгу об упадке коммунизма (30). В 1955 г. Г. Гинс стал сотрудничать с Информационным Агентством США, работая на радио «Голос Америки» (1955–1964). В 1965 г. он приступил к работе над книгой «История России как многонациональной империи» (получил грант Славянского центра при Калифорнийском университете Беркли). В калифорнийский период деятельности Гинс публикуется во многих американских журналах.

Гинс, как видно из архивных документов, был очень польщен тем, что его мемуары «Сибирь, союзники, Колчак» – наиболее читаемые в университетской среде, а работа «Soviet Law and Soviet Society» была почти сразу напечатана. В то же время его основные научные труды, такие как «Новые идеи в праве и основные проблемы современности», «Социальная психология», «Право и культура» и др. были почти совсем неизвестны в США, хотя и имелись в научных библиотеках. До последних дней, несмотря на свой преклонный возраст, Г.К. Гинс оставался деятельным сотрудником многих русских организаций в США.

Литература

1. *Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. – Новосибирск, 2003; Звягин С.П. Профессор Юридического факультета в Харбине Г.К. Гинс: материалы к биографии // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД. – М., 1998. – С. 29–31; Обухова О.В. Русская эмиграция «первой волны» в Китае как политическое явление: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. – Уссурийск, 2007; Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции. – М.: 2000. – С. 241–245; Стародубцев Г.С. По страницам харбинского журнала Известия юридического факультета (1925–1938) // Проблемы Дальнего Востока. М., 2001. – № 6. – С. 137–142; Хисамутдинов А.А. Музей русской культуры в Сан-Франциско: Материалы дальневосточной эмиграции // Отечественные архивы. – М.: 1999. – № 5. – С. 22–29;*

Хисамутдинов А.А. О русских американцах, которые сделали Америку богатой: материалы к словарю. – Владивосток, 2008. – С. 63–64.

2. *ГАРФ. ф. 10143. Оп. 16. Кат. 3. 37.*

3. *Струве П.Б. Социальный либерализм // Струве П.Б. Избранные сочинения. – М., 1999. – С. 412–423.*

4. *Гинс Г.К. Право на предметы общего пользования: Ч. 1: Основы водного права. – Харбин, 1926.*

5. *Гинс Г.К. Право на предметы общего пользования: Ч. 1: Основы водного права. – Харбин, 1926. – С. 95, 105, 109, 124–126.*

6. *Там же. – С. 169.*

7. *Азиатская Россия. – СПб: 1914. – Т. 1–3.*

8. *Гинс Г.К. Таранчи и дунгане. (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник. – СПб., 1911. – № 8.*

9. *Гинс Г.К. В киргизских аулах. (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник. – СПб., 1913. – № 10.*

10. *Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак Поворотный момент русской истории. 1918–1920 годы: Впечатления и мысли члена Омского Правительства». В 2-х томах. – Харбин–Пекин, 1921.*

11. *ГАРФ, ф. 10143. Оп. 16. Кат. 1. К. 42.*

12. *Гинс Г.К. Право на предметы общего пользования Ч. II. Современное водное право. – Харбин, 1928.*

13. *См. подр. об этом: Вестник Маньчжурского юридического факультета. Юбилейный выпуск. – Харбин, 1936.*

14. *Гинс Г.К. Этические проблемы современного Китая. – Харбин, 1927.*

15. *Гинс Г.К. Новые идеи в праве и основные проблемы современности. В 2-х томах. – Харбин, 1931–1932.*

16. *Гинс Г.К. Обоснование политики права в трудах проф. Л.И. Петражицкого (к 35-летию научной деятельности 1892–1927). – Харбин, 1928. – С. 11.*

17. *ГАРФ, Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 1. К. 45.*

18. *Гинс Г.К. На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму. – Харбин, 1930. – С. 59.*

19. *Там же. – С. 210.*

20. *Гинс Г.К. Предприниматель. – Харбин, 1941.*

21. *ГАРФ, Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 1. К. 55.*

22. *О солидаризме: Избранное: Статьи из «Посева» 1945–1955. – Frankfurt a/Main, 1955. См. также: Портрет солидаризма: идеи и люди. – М., 2007.*

23. *ГАРФ, Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 1. К. 46.*

24. *Гинс Г.К. Социальная психология: введение в изучение права и нравственности. – Харбин, 1936.*

25. *Гинс Г.К. Право и культура: Процессы формирования и развития права. – Харбин, 1938.*

26. *Гинс Г.К. Предприниматель. – Харбин, 1941.*

27. *Сообщение газеты «Гунн-Бао». – Харбин (1936. – 9 сентября, № 3153) // См.: ГАРФ, Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 2. К. 674.*

28. *Гинс Г.К. «Quo vadis Europa? Европейская катастрофа». – Харбин, 1941.*

29. *ГАРФ, Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 1. К. 88–90.*

30. *Guins G. Soviet law and Soviet society. – Hague. Martinus Nijhoff. 1954.*

31. *Guins G. Communism on the decline. – Hague. Martinus Nijhoff. 1956.*

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПЕРЕМЕНАМ КАК ОСОБЕННОСТЬ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ.

1. Overcoming resistance to change in Russian organizations: The legacy of transactional leadership / Mccarthy D.J., Puffer S.M., May R.C., Ledgerwood D.E., Stewart W.H. at al. // Organizational dynamics. – N.Y., 2008. – Vol. 37, N 3. – P. 221–235.

2. FEY C. Overcoming a leader's greatest challenge: Involving employees in firms in Russia // Ibid. – P. 254–265.

Группа профессоров и научных сотрудников университетов США характеризуют исторически сложившийся в России стиль лидерства как силовой, ориентированный на контроль «сверху вниз», создающий зависимость подчиненных и в то же время отсутствие открытости к переменам (1). Длительное существование такого силового стиля лидерства привело к сопротивлениям организационным переменам и продолжает препятствовать адаптации многих российских фирм к рыночной экономике. Это сопротивление, по мнению авторов, имеет глубокие исторические корни и связано с институциональными и структурными факторами, влияющими на менеджеров и занятых. В российской организации любой лидер сталкивается со значительными проблемами при попытке осуществить изменения. Сопротивление переменам затрагивает конкурентоспособность не только российских, но и филиалов западных компаний и совместных предприятий, а также и пассивных инвесторов, которые нуждаются в понимании его негативных последствий для инвестиций в России.

Лидерство в России находится под постоянным и глубоким влиянием институциональных факторов. Наиболее мощным институциональным фактором, воздействующим на лидерство в российских организациях и препятствующим изменению его стиля, является государство. В результате этого воздействия создается неопределенная институциональная среда, препятствующая экономическому прогрессу. В условиях государственного капитализма руководители предприятий вынуждены создавать собственные связи и сети для прохождения различных разрешительных процедур и обеспечения ресурсов для роста, что включает также зависимость от бюрократии и коррупцию как условие совершения сделок, что повышает общую величину издержек ведения бизнеса (1, с. 223).

Среди других формальных институтов, непосредственно воздействующих на корпоративное лидерство – органы, вырабатывающие экономическую политику, и судебно-правовая система. Наблюдатели

отмечают как многие позитивные явления, так и тревожные признаки, могущие побудить корпоративных лидеров к изменению стиля лидерства. Среди институциональных слабостей отмечаются сомнительный статус частной собственности, неэффективность судебной и законодательной систем. Сложность защиты прав собственности и соблюдения контрактной дисциплины, являющаяся результатом слабости правовой среды, также отражается не только на динамике инвестиций, но и на мотивации лидеров бизнеса. Указанные явления в сочетании с расширением вмешательства государства в бизнес отражаются на конкурентоспособности и создают нежелательную ситуацию, которая может со всей силой проявиться при падении цен на энергоресурсы.

Устранение этих препятствий необходимо для создания значимых стимулов к прогрессивным организационным изменениям. Многие компании в различных отраслях, в том числе наукоемких, в пищевой, машиностроительной промышленности и других важнейших производствах промышленных и потребительских товаров располагают потенциалом для превращения в направления диверсификации экономики и источники экономического роста. Однако большинство частных компаний не смогут мобилизовать необходимый для модернизации капитал без существенного подъема конкурентоспособности и роста значения частного сектора. Решение этих задач невозможно без эффективного лидерства, особенно в малых и средних предприятиях, в том числе в области мотивации персонала и создания стимулов к росту производительности и осуществлению изменений (1, с. 224).

Существенным барьером для организационных изменений служит традиционный стиль лидерства, который был характерен для советского периода, но имеет корни и в предшествующих эпохах. Для него характерна ориентация на жесткий контроль «сверху–вниз», элемент патернализма сочетается в нем с убеждением в праве лидеров наказывать за невыполнение указаний, воспитывающем страх перед наказанием, ответственностью и неудачей. Потенциально опасные черты такого стиля включают отсутствие транспарентности и недоступность информации, что отчасти является следствием общей слабости корпоративного управления. Традиционная российская культурная установка – культура страха. Именно она во многом служила причиной сопротивления изменениям в советский период и продолжает оказывать негативное воздействие. Опыт переходных экономик показывает, что после устранения формального контроля со стороны институтов прежнего режима сохраняется мощное влияние неформальных ограничений в форме культурных норм и традиций.

Как отмечают авторы, проведенное исследование показало, что свойственное исследуемой культуре отношение к власти, определяемое ими как «высокая дистанция», состоит в том, что как менеджеры, так и подчиненные предпочитают

сильных, авторитарных лидеров, хотят, чтобы менеджеры обладали необходимой информацией, принимали решения, отдавали приказы. Такая культурная установка потенциально усиливает лояльность по отношению к менеджерам, но также и укрепляет зависимость от них, тем самым освобождая подчиненных от ответственности за результаты. Такой стиль лидерства являет пример «обмена лояльности на свободу от ответственности» (1, с. 226).

Противоположный стиль, определяемый как «трансформационное лидерство», мог бы способствовать осуществлению изменений, необходимых для подъема конкурентоспособности в долгосрочной перспективе. Такой стиль, вместо зависимости от патерналистских отношений, основан на признании менеджеров и занятых как членов единой команды, разделяющих коллективную ответственность. Внедрение новых технологий, методов маркетинга, совершенствование процессов управления и другие улучшения не могут быть осуществлены без соответствующей заинтересованности, что предполагает изменение традиционного стиля лидерства и традиционных культурных установок.

Профессор Стокгольмской школы экономики и заместитель декана филиала этой школы в России К. Фей (2) отмечает важность эффективного использования кадрового потенциала фирмы. Свое исследование К. Фей строит на основе опроса менеджеров 13 фирм, действующих в России (из них семь являются российскими и шесть принадлежат иностранным владельцам) и 15-летнего опыта работы в России в качестве исследователя и консультанта. Его вывод состоит в том, что с точки зрения максимизации эффективности традиционный силовой стиль управления не соответствует современным требованиям мотивации персонала в условиях экономики знания. Властное, силовое лидерство при ограниченности полномочий занятых означают использование последних как простых исполнителей спускаемых сверху заданий и не предполагают творческого подхода к ним. И это при том, что в России средний работник обладает лучшим образованием и технической квалификацией и более старателен, чем во многих других странах. Отсюда – потенциальный эффект, который может быть получен за счет «вовлеченности» персонала, т.е. расширения его функций и усиления заинтересованности (2, с. 254).

Чтобы обеспечить вовлеченность персонала, менеджерам следует отказаться от традиционной роли контролирующих и отдающих приказы и взять на себя исполнение новых ролей наставников, распространителей информации, помощников в работе, слушателей и лиц, принимающих решения. Занятым также нужно привыкнуть к новой роли, сочетающей большую свободу действий

с большей ответственностью. Для достижения успеха в условиях России нужен такой силовой стиль, в котором лидерство основано на компетенции, а не на должностной

позиции. Задача состоит в том, чтобы соединить сложившийся стиль силового лидерства с новым стилем, благоприятным для вовлеченности
персонала. По мнению многих специалистов, обеспечение масштабной вовлеченности занятых является важнейшей проблемой управления в современной России. Потребуются далеко идущие изменения в компетенциях, взаимоотношениях и установках как менеджеров, так и работников (2, с. 255).

Формулируя рекомендации для западных менеджеров, авторы отмечают необходимость комплексного учета культурных условий, включая как стиль управления их российских партнеров, так и поведение занятых, адаптированных к этому стилю. Необходимо выявлять признаки приверженности российских лидеров бизнеса традиционному стилю и методам управления. Характерным моментом является их зависимость от связей с государственными должностными лицами. Эта практика неизменно включает коррупционный элемент, увеличивающий общие издержки и риск ведения бизнеса.

В целях защиты своих инвестиций западным бизнесменам следует учитывать проблемы устойчивости роста и диспропорции, возникшие в экономике в результате высокой конъюнктуры на рынке энергоносителей, а также как следствие отсутствия внимания к развитию институтов, обеспечивающих устойчивость роста. К таким институтам авторы относят защиту прав частной собственности, судебную систему, эффективную систему регулирования, правительственные органы, очищенные от бюрократии и коррупции. Западным менеджерам не следует воздерживаться от обсуждения с российскими партнерами потенциально опасных долгосрочных последствий их текущей практики и традиционного стиля управления. Подобные дискуссии могут заложить основы для долгосрочного подхода к обеспечению устойчивой конкурентоспособности (1, с. 230).

Первостепенное значение придается мотивации персонала путем организации движения информации в организации, расширения полномочий и участия в процессах управления, вовлечения работников в проблемы производства и решение задач фирмы в целом. По мнению многих специалистов, эти проблемы являются одними из самых сложных и значимых с точки зрения совершенствования российского менеджмента (2, с. 264). Западным менеджерам рекомендуют научиться пользоваться определенными методами и приемами, приспособленными к культурным стереотипам и ожиданиям российских занятых. Среди этих рекомендаций следующие:

– использование специальных диагностических методик для выявления лиц, наиболее подготовленных к освоению новых знаний и принятию ответственности, способных служить в качестве «агентов трансформации» для передачи инновационных концепций и практик;

– решение крупных задач по частям, разбиение долгосрочной стратегии на четкие, выполнимые зада-

ния, что может служить средством борьбы со «штурмовщиной»;

– «сочетание кнута и пряника», необходимость сбалансированного подхода, последовательности и справедливости при применении системы оплаты по результатам;

– создание заинтересованности у руководителей в инновационном поведении подчиненных с помощью соответствующих стимулов, создание защитных механизмов для инноваций и принятия оправданного риска в случае как успеха, так и возможной неудачи;

– предоставление информации всем членам организации о ее проблемах и задачах, о том, на каком основании приняты те или иные решения;

– поощрение инициативы и справедливое отношение к ошибкам, чтобы преодолеть боязнь инициативы;

– расширение полномочий и самостоятельности работников. Это сложная задача для большинства лидеров, требующая постепенности и четкого определения границ;

– обучение умению слушать, которого явно не хватает российским менеджерам;

– создание системы обратной связи, из-за отсутствия которой новаторство и рационализаторство не получают распространения. Признание во многих случаях оказывается столь же, если не более, значимым в качестве стимула, чем денежная премия.

И.Г. Минервин

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ В XXI ВЕКЕ.

1. ROTFELD A.D. Shaping a new international system for the twenty first century // Dialogue & universalism. – Warsaw, 2009. – Vol. 19, N 3 5. – P. 13–30.

2. TARGOWSKI A. The world political system of the crossroads in the XXI century // Ibid. – P. 31–34.

3. BROWN Ch. S. Can neoliberalism become the ideology for a new world order // Ibid. – P. 35–39.

А.Д. Ротфелд (бывший министр иностранных дел Польши, ныне председатель Консультативного совета по вопросам разоружения при Генеральном секретаре ООН) (1) считает, что нынешняя международная политическая система, основанная на том, что государство является единственным субъектом международных отношений, начинает меняться и клониться к упадку. Она уже более не способна урегулировать конфликтные ситуации. Система возникшая в результате Второй мировой войны, существуют дольше, чем условия и обстоятельства ее породившие.

С распадом двуполярной системы после окончаниея холодной войны были выдвинуты две противоположные концепции будущего устройства мира: однополярного и многополярного. Первая означала гегемонию США, вторая – разделение мира на сферы влияния глобальных держав, что предполагало поиск согласия и взаимодействия между ними.

Однако новая международная политическая и военная ситуация принципиально отличается от ситуации, породившей холодную войну между Востоком и Западом. Новая реальность несравненно более сложная, и попытки управлять миром в соответствии с политической философией соперничающих центров силы (многополярностью) не соответствуют изменениям, происходящим в современном мире. Если в период холодной войны главной военно-политической стратегией было взаимное устрашение и сдерживание, то в настоящее время она вытесняется политикой сотрудничества.

Будущее мира определяется тремя главными процессами: глобализацией, модернизацией и демократизацией. Во многих регионах Азии, Африки и Латинской Америки эти изменения воспринимаются как попытки навязать западные ценности, что неизбежно вызывает сопротивление и движение в защиту традиционных ценностей и образа жизни.

Организующим принципом глобальной системы будет растущая взаимозависимость стран мира. Все больше сфер жизни придется регу-

лировать в связи с общими глобальными угрозами, с изменением климата и нехваткой питьевой воды. Легитимность нового мирового порядка будет основываться не на новых международных договорах, а на политических соглашениях, на сбалансировании различных интересов. Международная жизнь станет определяться не столько великими стратегиями, сколько прагматическими соображениями.

Основные факторы, которые повлияют на международную безопасность в ближайшие десятилетия, в большой степени предсказуемы: это «появление новых глобальных держав; гетерогенная природа ценностей трех основных частей мира (государства домодерна, модерна и постмодерна) и связанный с этим упадок универсальных ценностей; возврат к использованию силы как средства улаживания конфликтов между государствами и попытки установления глобальными и региональными державами "зон привилегированных интересов"; новые угрозы, порождаемые популизмом, этническим национализмом и религиозным фундаментализмом; возрастание роли многосторонних институтов, но они не смогут оправдать высокие ожидания как в создании глобальной системы безопасности, так и в снижении экономических дисбалансов и преодолении раскола между богатым Севером и бедным Югом» (1, с. 28–29).

Будущие кризисные ситуации потребуют скоординированного ответа со стороны сообщества демократических государств, что приведет к укреплению политических и институциональных связей между Европой и США. Европейский союз будет служить примером для подражания в других регионах мира.

Военные и экономические факторы сохранят свое значение, но увеличится роль и других факторов, особенно интеллектуального и научного потенциала.

По прогнозу Ротфелда, «три тенденции будут определять гетерогенный характер международной политической системы.

1. Старые и новые мировые державы будут стремиться обеспечить доминирующую роль в процессе принятия решений и способах решения глобальных проблем.

2. США будут во всей большей степени проводить политику самоограничения, особенно в регионах и делах, не приоритетных с точки зрения их национальных интересов. Миру придется считаться с позицией и ролью США как с «необходимой державой» в решении наиболее важных проблем. Хотя в своей риторике глобальные державы будут все чаще ссылаться на «общие интересы международного сообщества»; на практике они продолжат руководствоваться своими собственными национальными интересами, зачастую в ущерб интересам средних и малых стран.

3. Число слабых и несостоявшихся государств, которые не в состоянии удовлетворять базовые потребности своих обществ, возрастет. Страны бедного Юга больше не станут мириться со своей нищенской судьбой и обратят

свой гнев против богатого Севера. Это станет главным источником будущих конфликтов, особенно в Африке и отчасти в Азии и Латинской Америке.

«Основными осями противостояния и соперничества в мировом масштабе будет противоборство между демократией и верховенством закона, с одной стороны, и агрессивным религиозным фундаментализмом, особой формой теократии и автократии – с другой» (1, с. 29–30).

А. Тарговски (Западный Мичиганский университет, США; президент Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций) (2) называет прогноз Ротфелда «слишком оптимистическим и традиционным» (2, с. 31). В свою очередь он подчеркивает, что на рубеже XXI в. возникло много новых факторов, которые будут формировать международную политическую систему.

1. Отсутствие пользующейся доверием универсальной идеологии: коммунизм дискредитирован, а либеральный капитализм скомпрометирован мировым экономическим кризисом 2008–2009 гг. Сегодня преобладают такие идеи, как глобализация, модернизация, вестернизация и конфликт цивилизаций.

2. Бизнес играет ведущую роль в международной политической системе, форсируя ускорение глобализации. Корпорации в целях увеличения прибыли придерживаются стратегии неограниченного и постоянного роста. Чтобы расширить рынки и снизить издержки, они переводят многие производства из развитых в развивающиеся страны, в которых растет новый средний класс.

3. Китай и Индия проводят умную политику: они не стремятся пока претендовать на гегемонистскую роль в мире, а укрепляют свою индустриальную базу, перехватывая у развитых стран производство (Китай) и услуги (Индия).

4. В ближайшие десятилетия борьба за контроль над экономическими ресурсами будет главной проблемой в международной политической системе.

5. Роль отдельных государств уменьшается в пользу крупных международных организаций. Однако последние забюрократизированы и не могут справиться с возникающими вызовами и крупными кризисами. В то же время Давосский экономический форум, выражающий интересы крупных транснациональных корпораций, играет лидирующую роль в мире.

6. Сетевой мир создает новую хорошо информированную элиту, которая имеет свою собственную позицию и знает, как усложнить жизнь официальным лидерам.

7. Развитие информационных технологий упраздняет много рабочих мест. Этот процесс формирования «безработного мира» ведет к деградации людей и бедности.

8. Отсутствие мировых лидеров, которые могут управлять миром в период кризисов.

9. Увеличение числа хронических международных кризисов, которые не могут быть урегулированы в обозримом будущем.

10. Рост мирового населения, ухудшение экологии и истощение стратегических природных ресурсов образуют «смертельный треугольник цивилизации». Симптомы этой угрозы уже ощущаются сегодня, но будут более очевидны к 2050 г., когда население планеты достигнет 8–
9 млрд. человек, на 1 млрд. больше, чем может выдержать нынешняя экосистема (2, с. 31–33).

В наше время, утверждает Тарговски, «международная политическая система эволюционирует от национального уровня к более крупным объединениям и в конечном счете к цивилизационному уровню. Ее движущие силы – истощение ресурсов и конфликт идей… Западная цивилизация находится в глубоком экономическом и культурном кризисах. Китайская и индийская цивилизации извлекают выгоду из этой ситуации. Исламская цивилизация стремится победить западную цивилизацию, используя экстремизм и терроризм. Православная восточная цивилизация (имеется в виду Россия. – Реф.*) имеет сходные скрытые цели… Эта ситуация будет сохраняться до тех пор, пока какой-либо харизматический лидер не возьмет судьбу мира в свои руки» (2, с. 34).*

Ч.С. Браун (Emporia State University, США; вице-президент Всемирного общества по международному диалогу) (3) отмечает, что с окончанием холодной войны Запад провозгласил неолиберализм новой глобальной идеологией и основой новой системы международных отношений. Идеологи неолиберализма утверждают, что свободный рынок является наилучшим механизмом для решения всех проблем человечества: экономических, социальных, политических и даже экологических. Поэтому предлагалось повсеместно провести массовую приватизацию государственных и общественных ресурсов и услуг и дерегуляцию рынков. Эта идеология стала определять политику не только ведущих западных держав, но и международных экономических институтов – Всемирного банка, ВТО и др. В этих условиях реальная власть стала переходить от государства к международным корпорациям.

Браун подчеркивает, что радикальный характер неолиберальной мысли всегда был идеологией элитарного меньшинства. Несмотря на утверждения апологетов неолиберализма, что он неизбежен и благотворен, Браун считает, что «неолиберализм несостоятелен в качестве идеологии новой системы международных отношений. В условиях
экономического краха 2008 г. неолиберальные утверждения о приватизации и дерегуляции подвергаются серьезной критике и пересматриваются… Все большее число людей ставит под сомнение экономическую эффективность радикально приватизированной и дерегулированной глобальной экономики. Кажущийся впечатляющий рост богатства, питающий подъем фондовых рынков в 1980–1990-е годы, как теперь выясняется, был основан в основном на финансовых манипуляциях. Мировая экономическая элита обогатилась, в то время как реальные доходы остального насе-

ления мира, по утверждению Валлерстайна, снизились… Неолиберальная политика навязывается народам властными структурами, контролируемыми мировой экономической элитой[1]*. Мировой порядок, который заменит старую систему государств-наций будет только тогда новым, когда этот порядок будет создан снизу, путем международного и демократического диалога. В условиях нынешних мировых реалий это означает, что международный диалог должен начаться с учетом жизненных интересов досовременных, современных и постсовременных обществ» (3, с. 37, 38–39).*

Ю.И. Комар

1. Wallerstein I. 2008: the demise of neoliberal globalization. Yaleglobal Online. 2008 / Yale Center for study of globalization. – Mode of access: http: // yaleglobal.yale.edu/display. Articke? Id=10299. – Описание дано по реф. источнику.

К. Жаффрело

ПОЧЕМУ В ИНДИИ ДЕМОКРАТИЯ?

Jaffrelot C. Pourquoi la democratie en Inde? // Débat. – P., 2009. – N 153. – P. 131–142.

Директор Центра международных исследований (Париж) К. Жаффрело анализирует факторы, лежащие в основе претензий Индии на статус «крупнейшей демократии в мире», отмечая, что некоторые из них за пределами субконтинента практически неизвестны.

Первый фактор – избирательная система. С 1952 г. Нью-Дели организует свободные выборы, в которых участвуют несколько сотен миллионов граждан. При этом доля участия в выборах растет (в 1952–2004 гг. с 46 до 58%) (с. 131). Второй фактор – партийная система, сравнимая с таковыми в Западной Европе с точки зрения представленных идеологий (от коммунистов до правых индуистских националистов). С 1977 г. происходит чередование политических сил у власти; с 1989 г. этот процесс стал почти систематическим. Третий фактор – система сдержек и противовесов. В Индии существует независимая судебная власть. Таким образом, уже более 60 лет Индия отвечает определенным базовым критериям демократии – уникальный случай среди стран Юга. Частично ее политический путь объясняется реформами британских колонизаторов. Однако не совсем ясно, почему пересадка европейских институтов оказалась успешной.

В управлении Британской Индией очень рано выделились две противоположные тенденции – империалистическая и реформистская, ведущая в конечном счете к демократии. В 1909 г. британцы провели реформу, по которой муниципалитеты получили право посылать делегатов в законодательные собрания провинций. Поворотная реформа 1919 г. снизила избирательный ценз и осуществила передачу второстепенных вопросов управления министрам, ответственным перед законодательными собраниями. Акт об управлении Индией 1935 г. ввел квазипарламентаризм на уровне провинций; основные министерские портфели получили индийцы, ответственные перед местными собраниями. Индийский Национальный Конгресс (ИНК) участвовал в выборах 1937 г., в ходе которых начала формироваться партийная система. В начале Второй мировой войны конгрессистские правительства ушли в отставку в знак протеста против одностороннего объявления Индией войны Германии, но их члены получили ценный административный опыт. Таким образом, в колониальный период в XX в. в Индии установилась полупредставительная система, которая позволила политической элите познакомиться с правилами парламентской игры.

Колониальная эпоха не подготовила бы Индию к демократии так хорошо, если бы участником новой институционной игры не был ИНК. После того как в 1920 г. движение за независимость возглавил Ганди, Конгресс провел реструктуризацию партии вокруг провинциальных и окружных комитетов. Гандистские кампании тоже способствовали беспрецедентной политизации индийского общества. Конгресс стал индийской нацией в миниатюре, объединяя различные политические силы. Ганди в 1920 г. писал, что рассматривает ИНК не как партию, а как парламент, внутри которого уживаются разные партии. Когда Конгресс взял в свои руки власть на местном и провинциальном уровнях, он сделался посредником между обществом и государством, которое воспринимали в основном как творение колонизаторов.

«Таким образом, пересадка демократических институтов частично объясняется процессом акклиматизации, к которой приступил Конгресс по причине как своего участия в институтах колониального протопарламентаризма, так и того, что был массовой партией, связанной с правовым государством. Однако выходу на этот политический путь способствовали и другие, более структурные, факторы» (с. 133–134).

Хотя первый премьер-министр Индии Дж. Неру (1947–1964) был убежденным либералом, конгрессистские консерваторы и даже некоторые гандисты придерживались национальных традиций, которые демократией не отличались (пример – иерархическая кастовая система). Тремя ключевыми группами, определявшими политическое развитие Индии, были деловые круги, интеллигенция и крупные землевладельцы.

Самоорганизация индийских бизнесменов уходит корнями в XVIII в. В 1925 г. крупные капиталисты образовали в Калькутте собственную торговую палату, после чего объединились с бомбейской палатой в Федерацию индийских торговых и промышленных палат. Деловые круги имеют давние крепкие связи с интеллигенцией. Ее представители с конца XIX в. организованы в профессиональные ассоциации. Именно они в 1885 г. образовали ИНК, который с тех пор выступал выразителем корпоративных интересов интеллигенции. Земельные собственники – менее структурированная группа, но и им удалось образовать организации для продвижения своих интересов. Ядро крупных землевладельцев – князья, сохранявшие свои княжества до 1947 г. Их влияние осуществлялось посредством местной знати – заминдаров, джагирдаров, деревенских старост.

Три названные элиты примерно соответствуют трем высшим варнам индуистского общества: интеллигенты, как правило, выходили из брахманов, крупные землевладельцы – из кшатриев, а бизнесмены – из вайшья. В момент получения Индией независимости в 1947 г. интеллигенция обладала преимуществом благодаря контролю над государственным аппаратом. Он позволил ей начать аграрные реформы и поли-

тику огосударствления экономики. Тем не менее частный сектор (капиталисты) сохранил немалое влияние на государство благодаря тому, что финансировал ИНК; это обусловило переход от конфликта к сотрудничеству и даже совпадению интересов. Такую же эволюцию претерпели отношения между интеллигенцией и крупными землевладельцами. В колониальный период землевладельцы долго находились с ИНК в разных лагерях: сотрудничали с британцами ради сохранения своей власти на местном уровне. Поэтому Конгресс включил в свою программу аграрную реформу. Однако ее осуществление на практике было весьма мягким. В конце концов Конгресс сделал землевладельцев тоже своими союзниками.

Индийский автор Пранаб Бардхан называет сближение интересов упомянутых групп перегруппировкой «имущих господствующих слоев»[1]*. Капиталисты и землевладельцы были заинтересованы в хороших отношениях с государством, так как именно оно контролировало экономику. Конгрессисты могли получать от этого сотрудничества выгоду в виде средств на партийные нужды, особенно во время выборов. Все эти группы предпочитали воздерживаться от конфликтов, так как нейтрализовали друг друга. «Тем не менее сотрудничество элит – только одно из объяснений успешной пересадки демократии в Индию в колониальный период. Это объяснение надо дополнить двумя другими, которые делают упор на политическую культуру и процесс строительства государства в Индии» (с. 137).*

*В Индии политической фигурой традиционно является не только монарх, но и брахман – представитель духовной власти. Он одновременно служит советником князя и хранителем системы социальных ценностей. В первой половине XX в. на общеиндийском уровне такой фигурой был Ганди. Культивируя образ «святого», он постоянно ставил под сомнение авторитет политической власти. Вопреки распространенному мнению эта функция не исчезла вместе с Ганди. После независимости ее выполняли некоторые из его последователей. Так, в 1970-е годы Джаяпракаш Нарайян мобилизовал массы на протест против деградации политических нравов (концепция «тотальной революции»). «Несмотря на очевидные различия в идеологиях, большинство индийских школ мысли – гандисты, индуистские националисты и даже коммунисты – по сути имеют общую политическую культуру, которая основана на обесценении (*dévalorisation*) государственной власти, даже на ее отвержении в пользу общественной деятельности. В гандизме, который в XX в. сыграл в Индии определяющую роль, "конструктивная деятельность", т.е. социальная работа, шла в паре с идеалом децентрализации; слышались призывы к тому, чтобы деревня (вновь) стала базовой единицей политической системы… Особенности строительства индийского государ-*

1. Bardhan P. The political economy of development in India. – Oxford: Blackwell, 1984. – Описание по реф. источнику.

ства делали длительную централизацию целиком иллюзорной; более того, они готовили почву для демократии» (с. 138).

В истории Индии преобладают периоды властной нестабильности, а имперские эпохи представляют собой исключения. Лучше всего к Индии применима модель «сегментарного государства», разработанная на африканском материале А. Саутхоллом и примененная к Индии Б. Стайном. Согласно этой модели, в досовременной Индии монарх правил не с помощью бюрократического аппарата, а с помощью множества вождей, которые образовывали пирамиды влияния; чем дальше от центра, тем слабее власть царя. «Таким образом, политическая нестабильность, эфемерный характер империй или даже королевств во многом объясняются сочетанием двух неразрывно связанных феноменов – слабой степенью централизации и тенденциями к отделению. Государственные образования не сохраняются долго, так как покоятся на системе местных владетелей, лояльность которых изменчива» (с. 139). Живя в постоянном опасении за свою власть, монарх был принужден искать компромисса со знатью, чтобы прийти к консенсусу. Этот процесс имеет нечто общее с функционированием демократии.

Британское колониальное государство в Индии было беспрецедентно централизованным, и независимая Индия унаследовала его институты. Тем не менее Индия не могла быть унитарной страной; уже с 1950-х годов центру пришлось согласиться на передел границ штатов по языковому принципу. Вес региональных лидеров внутри ИНК неуклонно рос, и они выступали выразителями интересов местных сообществ. Упадок центральной власти (в частности, авторитета Неру после поражения в войне с Китаем 1962 г.) усилил тенденцию к поиску компромиссов. Современная политическая жизнь Индии характеризуется ежедневным шантажом политических партий в отношении друг друга, что ведет к калейдоскопической смене коалиций. «Индия при Неру ввела режим консенсуса не только потому, что лидер был убежденным демократом, но и по причине распыленности власти, которую порождают сегментарная политическая жизнь и фракционность: управленцы вынуждены непрерывно искать компромиссов с местными агентами своей власти и своими соперниками, как раньше это делали монархи индуистских царств. Эта характерная черта политической жизни Индии – которая весьма отличает ее от китайской – демонстрирует очевидное сходство с искусством демократии» (с. 141).

Сотрудничество элит Индии способствовало принятию ими демократии, что придало политической системе консерватизм. В настоящее время ситуация начинает меняться из-за подъема низших каст. Этим кастам сначала удалось превратиться в группы интересов в силу обладания избирательными правами и политики положительной дискриминации по отношению к «неприка-

саемым». Низшие касты политизируются с тех пор, как уяснили свой главный козырь – свою многочисленность. «Так каста стала структурным элементом мобилизации этой обширной социальной категории. Таким образом, индийская демократия дает сейчас право голоса элите зависимых групп и позволяет все большему числу представителей низших каст проходить в парламент. В известном смысле Индия подходит к настоящей демократии посредством касты» (с. 142).

К.А. Фурсов

БИБЛИОГРАФИЯ

И.Л. Беленький

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЕ СУДЬБЫ В РОССИИ. ЛИТЕРАТУРА 1993–2009-х ГОДОВ.

Беленький Иосиф Львович –
старший научный сотрудник
ИНИОН РАН.

Предлагаемые библиографические материалы, как и предшествующие им списки литературы в журнале «Россия и современный мир» (1994. – № 1; 2007. – № 4), представляют исследования и публицистические тексты, посвященные проблеме «Интеллигенция и ее судьбы в России», продолжая и дополняя указанные списки. В материалах, не претендующих на полноту, собрана литература за середину 2007 – начало 2009 г. и ликвидированы пропуски в регистрации значимых работ второй половины 1980-х – 2007 г. Структура этого списка более детализирована, чем предыдущих. В частности, самостоятельным подразделом в нем представлена литература по общим аспектам проблемы (1,1); под отдельными рубриками собрана литература, посвященная феномену «интеллигенция» в XVIII – начале XX в. (1,4), в советскую (1,5) и постсоветскую (1,6) эпохи отечественной истории.

Литература, собранная под рубрикой 1,1 (сущность феномена «интеллигенция», ее судьбы в истории России) в концептуальном плане мало что добавляет принципиально нового к теоретическим соображениям и историческим реконструкциям, содержащимся в литературе 1994 – начале 2007 г. учетной в списке 2007 г. Пожалуй, можно говорить лишь о большем внимании к вопросу о различении понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы».

Кардинальные противоречия между ранее заявленными точками зрения и подходами продолжают существовать. Трудно предположить, что они когда-нибудь будут сняты. Рационально-позитивистская трактовка проблемы в социальных науках (в крайнем варианте нашедшая выражение в конструировании понятия «интеллигентоведения) и ее социально- и культурно-философ-
ское осмысление (как в форме «критики интеллигенции»; так и в экзистенциальном переживании дра-
матичности ее бытия в России, лучше всего выраженное в статье Г.П. Федорова 1926 г. «Традиция интеллигенции»: «Сознание интеллигенции ощущает себя почти как орден, как и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс – чести, нравственности свое призвание, свои обеты», «Русская интеллигенция есть группа, движение и традиции, объединяемые идейностью своих задач и бес-

почвенностью своих идей») в корне противоположны друг другу.

Книга А.С. Кустарева 2006 г. «Нервные люди. Очерки об интеллигенции», в которой в экзистенциальном духе была предпринята попытка нахождения некой «метапозиции» (отметим, что весьма условной), стоящей «над схваткой», остается единственной в своем роде. Книга за исключением дискуссии по ней в журнале «Неприкосновенный запас» (2006, № 3(47)) не получила отклика в литературе последующих лет.

В данном списке в разделе «Интеллигенция в современной России» (1,6) учтен ряд работ, опубликованных в начале 1990-х годов, но не отображенных в списке 1994 г. Общий контур ламентаций на тему «кризиса», «конца» интеллигенции выразительно сформулирован в книге А.С. Кустарева: «мобилизация», «дисквалификация», «саморекрутирование». Учтены и пропущенные в списке 2007 г. историографические исследования. В целом библиографические материалы, опубликованные в 1994, 2007 и 2010 гг. дают достаточно отчетливое представление об исследовательской и публицистической литературе по общим аспектам проблемы интеллигенции, изданной в последние советские годы и в постсоветский период. Историческая, социологическая и культурологическая литература, посвященная отдельным стратам интеллигенции, а также ее бытию в регионах страны (в том числе национальных) – предмет самостоятельного библиографического учета. Это же относится и к теме «Интеллигенция в русской художественной литературе XIX – начала XXI в.»

1. Понятие «интеллигенция». Интеллигенция в России: общие проблемы (книги и статьи концептуального характера)

1. Аграфонов М.Ю. Российская интеллигенция как «мифологическое сверхколлективное тело» // Философия на рубеже веков: Материалы межвуз. конф. (Иркутск, 22–23 апр. 1999). – Иркутск, 1999. – С. 51–55.

2. Акопян К.З. Русская интеллигенция: многоликость и уникальность // Поиск смысла: Сб. ст. участников конференции «Русская культура и уникальность». – Н. Новгород, 1994. – С. 43–70.

3. Архангельский А. Свободы деятель пустынный // Октябрь. – М., 2004. – № 7. – С. 173–181.

«Интеллигент» и «интеллектуал»: антоним в языке русской культуры.

4. Асминина Е.А. Власть и интеллигенция // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 2007. – № 6. – С. 114.

5. Афасижев Т.М. Литературный сон как социальная философия российского интеллектуала // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы. – Омск, 2007. – Ч. 1. – С. 338–341.

6. Байрамов М.К. Гибель русской интеллигенции // Актуальные проблемы современного общества. – СПб., 2006. – С. 10–17.

7. Баранова Л.К. Социальная база воспроизводства российской ин-

*тел-
лигенции. – Саратов, 2000. – 27 с.*

8. Баскакова Н.В. Религиозная самоидентификация русской интеллигенции: (Социал.-филос. анализ): Автореф. дис… канд. филос. наук. – Великий Новгород, 2004. – 19 с.

9. Барыгин Г.С. Власть и интеллектуалы // Вест. Рос. ун-та дружбы народов = Bull. of Peoples' friendship univ. of Russia. Сер.: Социол. = Ser.: Sociology. – М., 2008. – № 3. – С. 39–37.

10. Бельчиков Ю.А. К истории слов «интеллигенция», «интеллигент» // Филологический сборник: (К 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова). – М., 1995.

11. Беляев В.А. Отечественная интеллигенция как объект и субъект политики. – Казань, 2006. – 433 с.

12. Бордюгов Г. Смыслы будущего в России XX века: Модели власти и интеллигенции // De futuro, или История будущего. – М., 2008. – С. 17–46.

13. Быстрицкий А. Приближение к миру: субъективные заметки: (О судьбах рус. интеллигенции) // Новый мир. – М., 1994. – № 3. – С. 172–185.

14. Ветюнев Ю.Ю. Интеллектуалы в гражданском обществе: диагностика ситуации // Личность. Культура. О-во = Culture. Personality. Soc. – М., 2008. – Т. 10, Вып. 3–4. – С. 139–141.

15. Викторова Л.Г. Теоретические основы становления интеллигенции в образовательной системе высшей школы: Автореф. дис. … доктора пед. наук – Ростов н/Д, 1999. – 40 с. – Библиогр.: с. 36–40.

16. Возилов В.В., Назаров Ю.Н. Роль интеллигенции в управлении обществом // Философия и общество. – М., 2004. – № 1. – С. 37–85.

17. Воронцов В.П. Интеллигенция и культура: Избр. соч. – М., 2008. – 752 с.

18. Галкин Д.В., Казанкина Е.В. Истина в мире без истины: самоопределение интеллектуалов в культуре постиндустриального общества // Вестн. Том. гос. ун-та. – Томск, 2007. – № 298. – С. 72–79.

19. Глебкин В.В., Кондаков И.В. Интеллигенция // Культурология: Энциклопедия. – М., 2007. – Т. 1. – С. 771–786.

20. Гловацкий М.Е. Что ж такое, наконец, интеллигенция // Современная наука и проблемы выбора жизненной стратегии человечества. – Тула, 2003. – С. 147–168.

21. Голицын Г.А. Из рукописного наследия: 1990-е гг.: О феномене интеллигенции // Петров В.М. Социальная и культурная динамика. Быстротекущие процессы: Информацион. подход. – М., 2008. – С. 266–273.

22. Головкин П. Феномен независимого интеллектуала // Общ. тетрадь / Вестн. Моск. шк. полит. исследований. – М., 2007. – № 3. – С. 59–62.

23. Горецкий Д. О месте интеллектуалов в социальном пространстве // Общ. тетрадь / Вест. Моск. шк. полит. исследований. – М., 2007. – № 3. – С. 55–58.

23а. Наумова Т. Разрушительный слой // Лит. газета. – М., 2009. – № 42. – С. 4.

24. Груссман В.М. Роль интеллигенции в формировании националь-

ной идеи // От Древней Руси до современной России: Сб. науч. ст. в честь 60-летия А.Я. Дегтярева. – СПб., 2006. – С. 410–419.

25. Данилов А.А. Истина, добро, справедливость в духовных исканиях российской интеллигенции // Истина и пути ее постижения. – Иванов, 2006. – С. 53–56.

26. Дегтярев Е. Интеллигенция и власть: к вопросу о содержании понятия «интеллигенция» // Демократизация культуры и новое мышление. – М., 1992. – С. 46–70.

27. Диденко П.И. Элита и интеллигенция в революционном процес-
се / Человек, общество, история: Методол. инновации и регион. контекст: Сб. материалов Всесоюз. нац. конф. памяти С.Э. Крапивенского. – Волгоград, 2008. – С. 227–244.

28. Гидиринский В.И. Проблема типологии русской интеллигенции: (Опыт историософского анализа) // Вестн. Православ. Свято-Тихвинского гуманит. ун-та. 1: Богословие. Философия. – М., 2007. – Вып. 2(18). – С. 111–123; Вып. 3(19). – С. 89–103.

29. Дружинина И.А. Роль интеллигенции в культуре // Дни петербургской философии – 2007: Философия культуры и культурологи: традиции и инновации. – СПб., 2008. – С. 124–137.

30. Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии соврем. культуры. – М., Новое изд-во, 2004. – 352 с.

Рец.: Виролайнен М. Русская А-топия // Новый мир. – М., 2006. – № 3. – С. 183.

31. Золотусский И. Интеллигенция: смена вех: Критика. Эссе. Портреты. – М., 208–480 с.

32. Иванова А.С. Интеллигенция: слово, понятие, явление // Дни Петербургской философии – 2007: Материалы круглого стола «Философия культуры и культурология: Традиции и инновации». – СПб., 2008. – С. 155–163.

33. Интеллигенция как феномен русской культуры // Дни науки в университете. – СПб., 2007. – С. 387–429.

34. Интеллигенция и антилиберальное мифотворчество // ОНС: Обществ. науки и современность. – М., 2008. – № 6. – С. 88–93.

35. Кавторин В.В. Петербургские интеллигенты. – СПб., 2001. – 472 с., [4] л. ил.

36. Кархин Г.И. Канун интеллектуализма: (1968–2002 гг.). – М., Сб. 3: Просторы разума (1998–2002). – XXIII, 193 с.

37. Квакин А.В. Российское государство и российская интеллигенция. – Уфа, 2007. – 167 с. – Библиогр.: с. 163–167.

38. Келман Л.А. Интеллигентность: антропологический статус и манифестация в современном мире: Автореф. дис. … д-ра филос. наук. – Ставрополь, 2006. – 38 с.

39. Келман Л.А. Философия интеллигентности. – Ставрополь, 2006. – 226 с. – Библиогр.: с. 208–226.

40. Кириллов С. О судьбах «образованного сословия» в России: (Инст. очерк) // Новый мир. – М., 1995. – № 8. – С. 143–159.

41. Кнабе Г.С. Русская интеллигенция: Истоки; Русская интеллигенция: Арбат // Кнабе Г.С. Древо

познания и древо жизни. – М., 2006. – С. 583–635.

42. Корнев В.В. Социодинамика интеллектуального потенциала общества. – Н. Новгород, 2002. – 99 с. – Библиогр.: с. 94–99.

43. Костырченко Г.В. Феномены русской и советской интеллигенции // Костырченко Г.В. Сталин против «Косполитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. – М., 2009. – С. 23–28.

44. Криницкая Г.С. Из истории русской интеллигенции. – Томск, 2007. – 108 с.

45. Кузнецов П. Сироты-отцеубийцы, или Рожденные от идеи: постскриптум к трагедии интеллигенции // Октябрь. – М., 1991. – № 6. – С. 159–163.

Судьбы русской интеллигенции.

46. Лебёдушкина О. «Интеллигенция и есть сознание…» // Дружба народов. – М., 2008. – № 12. – С. 206–211.

47. Макаров А.И. Роль интеллектуала в обществе: интерпретационная функция и культурная память // Личность. Культура. О-во. = Culture. Personality. Soc. – М., 2008. – Т. 10, Вып. 3–4. – С. 142–146.

48. Мамардашвили М. Интеллигенция в современном обществе // Стратегия России. – М., 2007. – № 12. – С. 73–74.

49. Мандрикова Г.М. Образ интеллигента в русском и иноязычном языковом сознании // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы. – Самара, 2007. – С. 362–370.

50. Мезинова Г.Н. Интеллигенция и паранаука // Философия и наука: прошлое и настоящее. – Ростов н/Д, 2005. – С. 48–53.

51. Могильнер М. Чтение как ритуал: размышление об интеллигенции как «воображаемом сообществе» // Историк среди историков. – Казань, 2001. – С. 233–241.

52. Наумова Т.В. Религия и интеллигенция в новой истории России // Социал.-гуманит. знания. – М., 2007. – № 4. – С. 277–290.

53. Петров В.М. Механизмы, реализация, социокультурная динамика: феномен интеллигенции // Петров В.М. Социальная и культурная динамика. Быстротекущие процессы: Информационный подход. – М., 2008. – С. 129–167.

54. Петров В.М. Российский андеграунд 1860–1980-х: системные черты, психологические особенности // Петров В.М. Социальная и культурная динамика. Быстротекущие процессы: Информационный подход. – М., 2008. – С. 168–204.

55. Оболонский А. На краю пропасти: Рус. интеллигенция и трагедия рус. истории // Дружба народов. – М., 1993. – № 9. – С. 140–163.

56. Орлов С.Б. Интеллигенция как мифологический феномен: Историко-социол. анализ // СоцИС: Соц. исследования. – 2001. – № 11. – С. 51–58.

57. Панин Д.М. О термине «интеллигенция» // Панин Д.М. Собрание сочинений в четырех томах. – М., 2001. – Т. 1. – С. 417–421.

58. Папин К.А. Культурные измерение интеллигенции как субъекта политических отношений // Schola. – 2008. – М., 2008. – С. 232–234.

59. Попов А.В. Понятие «интеллигенция» сквозь призму системного подхода // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и социал. науки. – Архангельск, 2008. – Вып. 11. – С. 50–55.

60. Раскол интеллигенции? // Человек. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 69–81.

61. Рахлеева Н.Н. Интеллигентство времени и вне времени // Вопр. гуманит. наук. – М., 2006. – № 3(24). – С. 516–518.

62. Резник Ю.М. Социальная теория и общество: гражданская миссия и ответственность интеллектуалов // Вопросы социальной теории: науч. альманах. – 2007. – М., 2007. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 337–358.

63. Розенталь И.С. Роль интеллигенции в политическом процессе России XX века // Россия в условиях трансформации: Ист.-политологич. семинар: Материалы. – М., 2002. – Вып. 19–20.

64. Рябов А.В. Интеллигенция: класс, группа или социальная мифология // Векторы развития современной России: наука и общество. – М., 2008. – С. 135–138.

65. Сабурова Т.А. Индивидуальная картина мира и субкультура интеллигенции // Я и МЫ: История, психология, перспективы. – СПб., 2002. – С. 83–987.

66. Самарцева Е.И. Особенности семантической эволюции термина «интеллигенция» в отечественной историографии XX в. // Клио. – СПб., 1997. – № 1. – С. 79–56.

67. Сапега М.С. Процесс появления интеллигенции // Проблемы становления гражданского общества в России. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 99–106.

68. Севастьянов А.Н. Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса. – М., 2009.

69. Секацкий А. Интеллигенция и материя // Проблема материализма в социальной философии. – СПб., 2008. – С. 117–125.

В собственно философском смысле – умопостижение, сознание.

70. Селянинова Г.Д. Российская интеллигенция: продукт национального нарратива или явление мировой истории? // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век. – М., 2008. – С. 187–189.

71. Скидан А. Прослойка // Октябрь. – М., 1999. – № 6. – С. 152–159.

Интеллигенция.

72. Смирнов Г.С. Интеллигенция и ноосфера: Филос.-культурол. пробл. интеллигентоведения. – Иваново, 2007. – 127 с. – Библиогр.: с. 122–127.

73. Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. – СПб., 2007. – 341 с. – (Новое в гуманит. науках; вып. 22).

74. Соколов А.В. Коэволюция книжности и интеллигентности в России // Университетская кн. – М., 2009. – № 9. – С. 66–68.

75. Суходуб Т.Д. «Интеллектуальное сообщество»: проблема идентификации и положения // Дни петербургской философии – 2007: Философия культуры и культурология: традиции и инновации. – СПб., 2008.

76. Тепикин В. Интеллигенция: культурный контекст: Эссе и очерки. – Иваново, 2008. – 108 с.

77. Тепикин В.В. Культура и интеллигенция. – Иваново, 2006. – 78 с.

77а. Тощенко Ж.Т. Интеллигенты или интеллектуалы // Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М., 2001. – С. 312–325.

78. Фадеева Л. Бремя «эмоциональных концептов» (К вопросу об интеллигенции) // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1994. – № 5. – С. 152–155.

79. Хазанов Б. Русская интеллигенция: История безответной любви // Погружение в трясину: (Анатомия застоя). – М., 1991. – С. 632–642.

80. Шабельникова Н.А. Русская интеллигенция: социальный и духовно-нравственный смысл // Личность, творчество и современность. – Красноярск, 2007. – Вып. 70. – С. 85–95.

81. Шмидт С.О. «Интеллигенция» – слово пушкинского окружения // Труды Института российской истории РАН: 1997–1998. – М., 2000. – С. 90–114.

82. Элбакян Е.С., Медведко С.В. Интеллигенция и молодежь в контексте Российской цивилизации. – М., 2000. – 31 с.

83. Элбакян Е.С. «Между молотом и наковальней»: Российская интеллигенция в ушедшем столетии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. – М., 2003. – № 2. – С. 28–69.

1.2. Проблема интеллигенции в наследии русской мысли

84. Анти-Вехи: Интеллигенция в России. «Вехи» как знамение времени / Вступ. ст., сост. и примеч. Сапова В.В.; Редсовет.: Добреньков В.И. (пред.) и др. – М., 2007. – 639 с.

85. Вехи: Pro et contra / Сост., вступ. ст. и примеч. Сапова В.В. – СПб., 1998. – 856 с.

86. Лосский Н.О. Русская интеллигенция в начале XX века // Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1994. – С. 185–187.

87. Розанов В.В. Интеллигенция и народ / [Публ. Ломоносова А.В.] // Записки Отдела рукописей. – М., 2008. – Вып. 53. – С. 458–461.

Статья 1890 – начала 1990-х годов.

88. Святополк-Мирский Д.Н. Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего // История и историография России: Из науч.-лит. наследия рус. зарубежья. – М., 2006. – С. 307–352 (Антология рус. зарубежья. Т. III).

Из одноименной книги (Париж, 1926). Разрушительная роль русской интеллигенции.

88а. Андреев Г.Н. Идеи либеральной интеллигенции в творениях русских писателей первой половины XIX века. – М., 2005. – 479 с.

* * *

89. А.Г. [Николюкин А.Н.] Интеллигенция // Розановская энциклопедия. – М., 2009. – С. 1510–1513.

90. Балуев Б.П. Спор народников с марксистами о роли интеллигенции в историческом развитии России // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 167–176.

91. Буйло Б.И. Интеллигенция: истоки возникновения и этапы формирования в России: (Н. Бердяев,

Г. Федотов) // Гуманит. и социал.-экон. науки. – Ростов н/Д, 2008. – № 2. – С. 24–30.

92. Иванов А.В. Идеология «веховства». «Третий путь» российской интеллигенции // История и регионология: грани пересечения. – Казань, 2007. – С. 326–332.

93. Лазарева А.Н. Интеллигенция и религия: К ист. рассмотрению проблематики «Вех». – М., 1996. – 84 с.

94. Мартынова Е.А. Феномен интеллигенции и веховская традиция. – Саранск, 2002. – 116 с. – Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 57504.

95. Мокшин Г.Н. Идеологи легального народничества об исторической миссии русской интеллигенции // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1, Гуманит. науки. – Воронеж, 2002. Вып. 2. – С. 231–240.

96. Морозова М.Ю. Историофилософский анализ проблемы интеллигенции в трудах Г.П. Федотова: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1996. – 17 с.

97. Океанский В.П., Океанская Ж.Л. Интеллигенция бездонности: софийский маринизм В.А. Жуковского // Интеллигенция и мир. – Иваново, 2008. – № 2. – С. 68–62.

98. Романовский В.К. Н.В. Устрялов о русской интеллигенции // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России. – Н. Новгород, 2008. – С. 244–246.

99. Розанов Л.А. Русский интеллигент в изображении Н.А. Некрасова // Карабиха. – Ярославль, 2006. – Вып. 5. – С. 5–30.

100. Рублёв Д.И. Проблема «интеллигенция и революция» в анархистской публицистике начала XX века // Отеч. история. – М., 2006. – № 3. – С. 166–173.

101. Сборник «Вехи» в контексте русской культуры / Сост.: Тахо-Годи Е.А.; Отв. ред.: Тахо-Годи А.А., Тахо-Годи Е.А., 2007. – 426 с.

102. Ткачёв В.С. Идеалы русской интеллигенции: Сравн. анализ обществ. мысли России XVIII – нач. XX веков. – Иркутск, 1998. – 231 с. – Библиогр.: с. 218-231.

103. 1985–1999 гг.: Пути-перепутья русской интеллигенции: К 90-летию со дня выхода сборника «Вехи» // Свободное слово: Альманах, 1999. Интеллектуал. хроника. – М., 2000. – С. 157–215.

104. Хорошева А.В. Интеллигенция: мир иллюзий или мир реалий // Теоретические проблемы исторических исследований. – М., 2008. – Вып. 5. – С. 104–127.

Интеллигенция в свете «Вех».

105. Хоружий С. Две-три России спустя // Лит. газета. – М., 2009. – № 14. – С. 3.

«Вехи» как диагноз кризиса русской интеллигенции, продолжающегося до наших дней.

106. Чегодаева М.А. «Вехи» и мы: С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон – взгляд из 1996 года // Культурологические записки. – Вып. 4: Роль интеллигенции в формировании картины мира. – М., 1998. – С. 154–163.

107. Чернозуб С.П. «Вина» интеллигенции и ее «покаяние» как факторы социальных реформ в России: (Полуправда и полуистина популярной идеи сборника «Вехи») // Вопр.

философии. – М., 2001. – № 7. – С. 149–157.

1.3. Историографические исследования

107а. Волков В.С. Ленинградская (Петербургская) школа интеллигентоведения // Меняющаяся Россия в изменяющемся мире. – М.; Архангельск, 2001.

108. Главацкий М.Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема: Историографич. этюды. – Екатеринбург, 2003. –
160 с.

109. Ивенина Т.А. Теоретико-методологические подходы в интеллигентоведении: соврем. состояние проблемы // Историки размышляют. – М., 2000. – Вып. 2. – С. 126–135.

110. Квакин А.В. Современные изменения парадигмы истории российской интеллигенции // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 578–591.

111. Криволапова Н.Ю. Теоретические проблемы истории российской интеллигенции в современной отечественной историографии // Интеллигенция и мир. – Иваново, 2008. – № 2. – С. 26–45.

112. Лебединский П.С., Банникова Н.Ф. К вопросу об истории интеллигенции в России: (Историография проблемы) // Актуальные проблемы развития общества: Новые подходы и перспективы. – Самара, 2007. – Вып. IX. – С. 82–90.

113. Меметов В.С. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. – Иваново, 2008. – № 2. – С. 7–25.

114. Сабурова Т.А. История интеллигенции: Современные методологические подходы и исследовательские практики // Методологические проблемы исторического познания: Сб. науч. тр. – Омск, 2008. – С. 90–95.

115. Севастьянов А.Н. Кризис интеллигентоведения или социология и историография // Севастьянов А.Н. Национал-капитализм. – М., 1995. – С. 120–134.

116. Шипилова Р.А. Из опыта организации спецкурса «Интеллигенция и власть» // Интеллигенция и мир. – Иваново, 2008. – № 2. – С. 138–141.

1.4. Интеллигенция в России XVIII – начала XX в.

117. А.В. Толстовцы как интеллигенция // Новый мир. – М., 1993. – № 11. – С. 189–191.

118. Астаткина Я.А., Зябликов А.В. Интеллигенция и церковь в начале XX столетия // Интеллигенция и мир. – Иваново, 2007. – № 2. – С. 71–93.

119. Баранов А.Н. Интеллигенция и конституционно-демократическая партия накануне и в годы первой российской революции: опыт взаимоотношений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 2000. – 30 с. – Библиогр.: с. 29–30.

120. Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в.: (Жанр и текст писем). – СПб., 2000. – 139 с. – Библиогр.: с. 120–138.

121. Березовая Л.Г. Самосознание русской интеллигенции начала XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 51 с.

122. Вишелнкова Е. Радикальная интеллигенция как побочный продукт университета Российской империи: опыт Казани // Логос. – М., 2005. – № 6(51). – С. 21–232.

123. Давыдов М.А. Бюрократия, интеллигенция, патернализм и социализм в пореформенной России // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное. – М., 2008. – С. 122–128.

124. Думный В.В. Люди будущего или люди без будущего?: Социал-демокр. интеллигенция России на рубеже XIX–XX столетий. – М., 2003. – 529 с.

125. Жаворонкова А.А. Неонародническая интеллигенция 90-х годов XIX века: (К истории идейного становления): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 24 с.

126. Заклинская Е.Н. Интеллигенция: динамика дивергентных процессов: (Социал.-филос. анализ ситуации рубежа XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2000. – 16 с.

127. Зимина В.Д., Гражданов Ю.Д. Интеллигенция в политических процессах России начала XX в. – Волгоград, 1999. – 101 с.

128. Кичеев В.Г. Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 году: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993. – 19 с.

129. Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад: Век XIX: Очерки. – М., 1994. – 252 с.

130. Кичеев А.Г. Дворянская интеллигенция: Лит.-ист. композиция на примере одного рода. – М.: МИФИ, 1998. – 275 с. – Библиогр.: с. 237–242.

131. Колоницкий Б.И. «Интеллигентофобия» в конце XIX – начале XX веков: К постановке вопроса // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. – СПб., 1999. – С. 266–276.

132. Комарда Т.Г. Образ прошлого в сознании русской дворянской интеллигенции конца XVIII – начала XIX века // Образы России в научном художественном и политическом дискурсах (история, теория, педагогическая практика). – Петрозаводск, 2001. – С. 99–105.

133. Комиссаров В.В. Проблема нравственно-этических основ думской деятельности дореволюционной российской интеллигенции: (Ист. аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 2002. – 12 с.

134. Константин (Горянов), архиепископ Тихвинский. Православная церковь и русская интеллигенция: начало XX века // Всерус. собор. – СПб., 2003. – № 1. – С. 26–47.

135. Леонтьева О.Б. Семантика «порога» в самосознании народнической интеллигенции XIX в. // Поэтика рамы и порога: функциональные формы границы в художественных языках. – Самара, 2006. – Вып. 4. – С. 230–235.

136. Могильнер М. Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти // ОНС: Обществ. науки и современность. – М., 1994. – № 5. – С. 56–66.

137. Мокшин Г. История реформаторского народничества и про-

блем самоидентификации русской интеллигенции // Историографические исследования в России–II: Семь лет спустя. – М., 2003. – С. 363–388.

138. Пазенко Е.А. Правосознание русской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы славянской культуры и цивилизации. – Уссурийск, 2008. – С. 13–19.

139. Петухова Т.В. О роли интеллигенции в толстовском движении в России (конец IX – первая треть XX в.) // Россия в зеркале времени. – Ульяновск, 1996. – С. 85–93.

140. Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революции: 1861 – февр. 1917 г. / Отв. ред. Потолов С.И. – СПб., 1997. – 640 с.

141. Рассадин С.Б. Русские, или Из дворян в интеллигенты. – М., 2005. – 479 с.

142. Рассадин С.Б. Русские, или Из дворян в интеллигенты. – М., 1995. – 415 с.

143. Сабенникова И.В. Дворянская интеллигенция и государство в первой половине XIX в. // Сословия и государственная власть в России: XV – середина XIX в.: Междунар. конф.: Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. – М., 1994. – Ч. 2. – С. 78–83.

144. Сабурова Т.А. Взаимоотношения интеллигенции и власти в России второй половины XIX века: опыт моделирования // Урал. ист. вестн. – Екатеринбург, 2005. – № 10/11. – С. 93–100.

145. Сабурова Т.А. Модель мира русской интеллигенции XX столетия // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – М., 2007. – Вып. 18. – С. 286–327.

146. Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир. Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия. – Омск, 2005.

147. Сахаров В. У истоков интеллигенции: Масонство как источник и составная часть идеологии русской интеллигенции // Космополис. – М., 2007/2008. – № 3(19). – С. 11.

148. Смирнова А.М. Петербургская интеллигенция: патриотизм и пацифизм в начале Первой мировой войны // Imagines mundi. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 3. – С. 350–360.

149. Смирнова А.М. Столичная интеллигенция в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000. – 26 с.

150. Соловьёв А.А. Интеллигенция и церковь в России в начале XX в.: Опыт взаимоотношений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 1997. – 19 с.

151. Сухотина Л.Г. Русская радикальная интеллигенция XX в.: истоки и политическая культура // Россия в Новое время: Выбор ист. развития. – М., 1994. – С. 102–105.

152. Таирова Н.М. Революционное творчество интеллигенции Петрограда и Временное правительство (март-июнь 1917 г.): Афтореф. дис. ...канд. ист. наук. – СПб., 1999. – 31 с.

153. Тенденции формирования интеллектуального потенциала России во второй половине XIX – начале XX в. / Гришина З.В., Пушков В.П., Рябев А.Л., Шемякина О.Д. //

Тезисы докладов VI Всесоюзного совещания по проблеме «Комплексные методы в исторических исследованиях», Мосеева, 13–19 февр. 1990 г. – М., 1991. – С. 148–149.

154. Трофимова В.С. К вопросу об интеллигенции XVII века: фигуры посредников в «Республике учености» // Дни петербургской философии – 2007: Философия культуры и культурология: традиции и инновации. – СПб., 2008. – С. 470–476.

155. Уваров П.Б. Интеллигенция и революционные формирования: (Конец 20-х – конец 60-х годов XIX в.). – Челябинск: Факел, 1998. – 142 с.

156. Черемицина Т.Б. «Хождение в народ» русской интеллигенции и архетип странника // Архетип: Культурол. альманах 1996. – Шадринск, 1996. – С. 114–115.

157. Чудинов А.В. Французская революция в исторической памяти российской интеллигенции: (конец XVIII – начало XX века) // Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. – Воронеж, 2004. – С. 201–213.

158. Щетинова Г.И. Идейная жизнь русской интеллигенции, конец XIX – начало XX в. – М, 1995. – 236 с.

159. Ширинянц А.А. Политическая культура интеллигенции России: (генезис, эволюция, методология изучения) // Schola. – 2001. – М., 2001. – С. 24–28.

XVIII в.

160. Ширинянц А.А., Ширинянц С.А. Российская интеллигенция на рубеже веков: Заметки о полит. культуре. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 160 с.

161. Элбакян Е.С. Религия в сознании российской интеллигенции XIX – начала XX в.: Филос.-ист. анализ. – М.: РОССПЭН, 1996. – 316 с.

1.5. Интеллигенция в советскую эпоху

162. В жерновах революции: Рос. интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: Сб. док. и материалов / Рос. гос. архив социал.-полит. истории; Под ред. Главацкого М.Е. – М., 2008. – 287 с. – Библиогр.: с. 263–278.

163. «Положение страны требует активной политики партии в отношении интеллигенции»: Письмо Баха А.Н., Свердлова В.М. и Александрова И.Г. председателю СНК СССР А.И. Рыкову. 1928 / Публ. Тасиц Н.А. // Ист. архив. – М., 2007. – № 3. – С. 104–115.

164. Аверинцев Р. Опыт петербургской интеллигенции в советские годы – по личным впечатлениям // Vittorio: Междунр. науч. соб., посвящен. 75-летию Витторио Страды. – М., 2005. – С. 34–46.

165. Белинков А. Опущенные фрагменты из книги о Юрии Олеше // Звезда. – СПб., 1995. – № 2. – С. 147–154.

166. Белинков А. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. – М., 1996. – 540 с.

167. Бордюгов Г.А. Сталинская интеллигенция о некоторых способах и смыслах ее социального поведения // Бордюгов Г.А. Чрезвычайный век российской истории. Четыре фрагмента. – СПб., 2004. – С. 247–273.

168. Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе // Рус. ист. журн. – М., 1999. – Т. 2, № 1. – С. 19–53.

169. Волков С.В. Интеллектуальный слой советского общества. – М., 1999. – 250 с.

170. Гинзбург Л.Я. Поколение на повороте. «И заодно с правопорядком» // Гинзбург Л. Человек за письменным столом. – Л., 1989. – С. 294–319.

Интеллигенция в ситуации 1920–1930-х годов.

171. Глазов Ю.Я. Тесные врата: Возрождение русской интеллигенции. – London, 1973. – 262 с.

172. Гусейнов Г. Д.С.П. Материалы к русскому словарю общественно-политического языка XX века. – М., 2003. – 1022 с.

Интеллигенция: с. 193–211.

173. Донде А.С. [Кустарев А.С.] Советская интеллигенция: Поиски самоопределения идеологии (60–80-е годы) // Рус. ист. журн. – М., 1999. – Т. II, № 2. – С. 63–89.

174. Есаков В.Д., Левина Е.С. Интеллигенция под прессингом системы: проблема нравственного выбора // Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора. – Екатеринбург, 1999. – С. 75–79.

175. Кавторин В. Советский интеллигент в роли российского реформатора // Нева. – СПб., 1998. – № 6. – С. 135–151.

176. Казанин И.Е. Власть и интеллигенция: (Ист. опыт формирования гос. политики в окт. 1917 – 1925 г.) / Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2006. – 361 с.

177. Казанин И.Е. Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. – Волгоград, 2001. – 265 с.

178. Казанин И.Е. Отношение прогрессивной российской интеллигенции к октябрьскому перевороту в первые месяцы советской власти // Вест. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4, История. Философия. – Волгоград, 1997. – Вып. 2. – С. 47–54.

179. Казанин И.Е. Политика РСДРП(б) – РКП(б) по отношению к российской интеллигенции (октябрь 1917 – 1925 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д., 1995. – 16 с.

180. Казанин И.Е. Советская власть и русская интеллигенция: политико-правовые аспекты отношений (октябрь 1917 – 1919 г.) // Изв. вузов. Правоведение. – СПб., 2000. – № 5. – С. 198–214.

181. Квакин А.В. Развертывание полномасштабной Гражданской войны и новая советская повседневность интеллигенции России // 1918 год в судьбах России и мира: Развертывание широкомасштаб. Гражд. войны и междунар. интервенции. – Архангельск, 2008. – С. 198–203.

182. Колоницкий Б.И., Карпов А.В. Русская интеллигенция и Пролеткульт // Вестн. Омс. ун-та. – Омск, 2004. – Вып. 1. – С. 92–95.

183. Кустарев А. Об агентах советского хронотопа // Ab Imperio. – Казань, 2002. – № 3. – С. 261–272.

В частности, роль интеллигенции.

184. Лейбович О.В. Власть и советская интеллигенция // Урал. ист. Вестн. – Екатеринбург, 2005. – № 10/11. – С. 160–178.

185. Леонтьев Я.В. Левонародническая интеллигенция в постреволюционной России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1995. – 26 с.

186. Осташко Т.Н. Власть и интеллигенция: динамика взаимоотношений на рубеже 1920–1930-х годов // Гуманит. науки в Сибири. – Новосибирск, 1998. – № 2. – С. 19–24.

187. Остерман Л. Интеллигенция и власть в России (1985–1996). – М., 2000. – 378 с.

188. Пыстина Л.И. Льготы и привилегии интеллигенции в Советской России в 1920-е годы (проблемы изучения) // Гуманит. науки в Сибири. Сер.: Отеч. история. – Новосибирск, 1999. – № 2. – С. 31–34.

189. Семенева М.В. Русская интеллигенция на рубеже 60–70-х годов XX века: художественная концепция Ю.В. Трифонова // Личность. Культура. Общество. – М., 2007. – Т. IX, Вып. 2. – С. 305–316.

190. Соколов В.И. Ленинско-сталинские удары по российской интеллигенции в 20-е гг. XX столетия // Новая и новейшая история России в оценках современников. – Рязань, 2004. – С. 218–225.

191. Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): Поиски и находки источниковеда. – Симферополь, 2006. – 231 с.

192. Хевши М.А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. – 2-е изд., доп. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 189 с. – Библиогр.: с. 174–175.

1-е изд. – М., 2002. – 160 с.

193. Чесноков Г.Д. Ленинский анализ роли интеллигенции в общественном развитии и его современное значение // Социал.-гуманит. знания. – М., 2007. – № 23. – С. 184–200.

194. Яров С.В. Интеллигенция и власть в Петрограде 1917–1925 годов: конформистские стратегии и язык сотрудничества // Новое лит. обозрение. – М., 2006. – № 78. – С. 7–31.

* * *

195. Берлин И. Советская интеллигенция / Пер. Кружкова Г. // Берлин И. История свободы. Россия. – М., 2001. – С. 499–509.

196. Вихвайнен Т. Внутренний враг: Борьба с мещанством как моральная миссия рус. интеллигенции / Пер. с англ. Герасимовой Е., Чуйкиной С. – СПб.: Коло, 2004. – 414 с. – Библиогр.: с. 391–414.

197. Магд-Соэп К., де. Юрий Трифонов и драма русской интеллигенции. – Екатеринбург, 1997. – 240 с. – Библиогр.: с. 213–240.

1.6. Интеллигенция в современной России

198. Агеев А. Двойной стандарт: (Российская интеллигенция в борьбе против перемен) // Знамя. – М., 1994. – № 1. – С. 162–170.

199. Алексеев И. Благородное собрание на руинах империи: вариант // Независимая газета. – М., 1993. – 14 авг. – С. 4.

Необходимость власти интеллектуалов.

200. Архангельский А. Отставники? Смысл роли и конец интеллигенции // Общая газета. – М., 1993. – № 6(8). – С. 11.

201. Баженова Е., Орлов С. Интеллигенция в России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. – Екатеринбург, 1998.

202. Барзилов С., Чернышев А. Политология нищеты и несвобода: Ментальность интеллигенции препятствует осмыслению современной российской ситуации // НГ-сцена-рии. – М., 2001. – № 4. – С. 8.

203. Беленький В.Х. Оппозиционность интеллигенции как социологическая проблема // Философия и общество = Philosophy a. society. – М., 2009. – № 1(53). – С. 83–97.

204. Берг М. Проводы мавра // Лит. газета. – М., 1994. – 3-е июля. – С. 3.

205. Блюменау Д.И. К эре постинтеллигенции или обществу социальной справедливости? «Диалоги с постсоветской гуманитарной интеллигенцией» // Науч. и техн. библ. – М., 2007. – № 6. – С. 52–59.

О книге: Соколов А.В. Диалоги с постсоветской гуманитарной интел-
лигенцией. – СПб., 2006. – 583 с.

206. Борщаговский А. Речь на похоронах интеллигенции // Известия. – М., 1993. – 2 сентября. – С. 7.

207. Бурганов А. Интеллигенция и власть // Граждан. мысль. – М., 1993. – 30 июля. – С. 3.

208. Воронцова Л., Филатов С. Интеллигенция в постсоветском «капитализме» // Свобод. мысль. – М., 1994. – № 5. – С. 51–58.

209. Грибов Л. Интеллигенция и реформы // Высш. образование в России. – М., 1995. – № 3. – С. 131–142.

210. Гудков Л. Проблемы «элиты» в сегодняшней России: Размышления над результатом социологического исследования. – М.: Фонд «Либеральные мысли», 2007. – 372 с.

211. Гудков Л., Дубин Б. Идеология бесструктурности: (Интеллигенция и конец сов. эпохи) // Знамя. – М., 1994. – № 11. – С. 166–179.

212. Делягин М. Три сосны российской интеллигенции: бизнес, власть, общество // Интелрос. – М., 2005. – № 1. – С. 58–66.

213. Демин В.М. Современная интеллигенция и русская национальная идея. – 2-е изд. – М.: Рус. правда; Омск, 2003. – 239 с.

214. Демократическое движение и интеллигенция в современной России // Горбачёвские чтения. – Вып. 6. – С. 163–182.

215. Долгова Т.В., Иванов В.Г., Мартюшов В.Ф. Политическая социология интеллигенции. – Тверь, 2002. – 116 с.

216. Дубин Б. Игра во власть: интеллигенция и литературная культура // Свободная мысль. – М., 1993. – № 1. – С. 66–78.

217. Жданов О. Мы альфонсы // Независимая газета. – М., 1993. – 2 сент. – С. 8.

Интеллигенция и власть.

218. Желенкин А. Печально я гляжу. Жизнь и смерть российской интеллигенции // Независимая газета. – М., 1993. – 20 авг. – С. 8.

219. Жиганова Т.М. Социал-демократические ориентации в идейном развитии интеллигенции России (1990-е гг.) // Концепт будущего России в XX веке: идеология, политика, практика: Материалы

межрегион. науч. конф., 11–12 окт. 2007 г. – Армавир, 2007. – С. 39–45.

220. Зайдман И. Лекарство, которое хуже болезни // Независимая газета. – М., 1993. – 21 авг. – С. 4.

Об утопии власти интеллектуалов в статье И. Алексеева «Благородное собрание на руинах империи» (Независимая газета. – М., 1993. – 14 авг. – С. 4).

221. Злобина А. Кто я? К вопросу о социальной самоидентификации бывшего интеллигента // Новый мир. – М., 2000. – № 5. – С 174–183.

222. Ивашиненко Н.Н., Иудин А.А., Стрелков Д.Г. Образованный слой России: время перемен. – Н. Новгород, 2002. – 165 с.

223. Казанцев А.А. Русская интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве // Полис. – М., 2007. – № 1.

224. Кантор В. Возможна ли в России интеллигенция? // Вторая навигация. – Запорожье, 2006. – № 6.

225. Кара-Мурза С.Г. Интеллигенция на пепелище России. – М., 1997. – 264 с.

226. Кара-Мурза С. После перестройки: Интеллигенция на пепелище родной страны. – М., 1995. – 132 с.

227. Климентович Н. Без определенного образа жизни // Общая газета. – М., 1993. – № 8(11). – С. 11.

Отклик на статью А. Архангельского «Отставники…»

228. Колязин В.Ф. Выживание русского интеллектуала – дело частного случая (casus primus). Необязательные заметки, неизбежные констатации // Вопр. философии. – М., 2006. – № 12. – С. 164–168.

229. Костылева М.А. Роль интеллигенции в условиях кризисного развития общества // «Экватор» 90-х. – Пермь, 1995. – С. 78–79.

230. Кравец А.А. Интеллектуальная элита как субъект государственной идеологии России: Автореф. дис. … канд. полит. наук. – Саратов, 2002. – 22 с.

231. Кротова Е.Ю. Роль интеллигенции в периоды политического кризиса // Проблема становления гражданского общества в России. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 95–98.

232. Кузьмин Д. Сдача и гибель постсоветского интеллигента // Крит. масса. – М., 2006. – № 1. – С. 29–32.

233. Культурный слой под ветром перемен / Беседа Полякова К. с Волковым С.В. // Лит. газета. – М., 2007. – № 2. – С. 13.

234. Левада Ю.А. Проблема интеллигенции в современной России / Куда идет Россия? …Альтернативы общественного развития. – М., 1994. – С. 208–214.

235. Магарил С.А. Возможна ли политическая консолидация интеллигенции? // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М., 2007. – Вып. 2. – С. 477–482.

236. Магарил С. Интеллигенция как субъект гражданского общества // Россия. Политические вызовы XXI века. – М., 2002. – С. 721–726.

237. Марков Б.В. Какие интеллектуалы нужны современной России? // Личность. Культура. Общество. = Culture. Personality. Soc. – М., 2008. – Т. 10, Вып. 3–4. – С. 121–130.

238. Мау В. Интеллигенция, история и революция: Очерки жизни

соврем. России // Новый мир. – М., 2000. – № 5. – С. 140–167.

239. Межуев В.М. Российский интеллектуал в эпоху модерна // Личность. Культура. Общество. = Culture. Personality. Soc. – М., 2008. – Т. 10, Вып. 3–4. – С. 131–136.

240. Никольский С.А. Интеллигент – интеллектуал – гражданин: Некоторые мысли по поводу статей В.М. Межуева и Б.В. Маркова // Личность. Культура. Общество. = Culture. Personality. Soc. – М., 2008. – Т. 10. – Вып. 3–4. – С. 137–139.

241. Оганян Р. «Черный передел»: Интеллигенция и архитектура России // Независимая газета. – М., 1993. – 1 сент. – С. 8.

Судьба интеллигенции – «фундамент» развития современной России.

242. Орлов А. Люди игры: (О некоторых стилевых особенностях современной интеллигенции) // Социодинамика культуры. – М., 1993. – С. 193–166.

243. Панчук А.А. Иерархия советской творческой интеллигенции в аспекте культуры повседневности // Ярослав. пед. вестн. – Ярославль, 2005. – № 4. – С. 45–50. – Библиогр.: с. 49–50.

244. Пиотровский А. Интеллигенция при наличии отсутствия // Лит. газета. – М., 2004. – № 43. – С. 4.

245. Покровский Н. Прощай интеллигенция! и снова «внутренняя» иммиграция // НГ-сценарии. – М., 1997. – № 4. – С. 1–2.

246. Поляков Ю. Зачинщица или жертва?: Интеллигенция в эпохи смуты // Свобод. мысль. – М., 1996. – № 2. – С. 15–24.

247. Попов Д.С. Проблема самосознания современной российской интеллигенции: траектории трансформации: Автореф. дис. ...канд. социол. наук. – М., 2006. – 19 с.

248. Попов Д.С. Российская интеллигенция глазами социолога // Современность / Post. – М., 2006. – № 1. – С. 265–293.

249. Прозоровский С. Скромное обаяние интеллигенции. Хроника смутного времени. – М., 2006. – 224 с.

250. Росляков А.Б. Имидж современной российской интеллигенции в средствах массовой информации: (сущность, содержание, механизм репрезентации): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004. – 24 с.

251. Силласте Г., Павлов Н., Георгиев Н. Формирование новой экономической интеллигенции России и Болгарии в условиях рыночной экономики: (Социол. анализ) / Фин. акад. при Правительстве Рос. Федерации, Хоз. акад. им. Д.А. Ценова. – М.; Свиштов, 2007. – 472 с. – Библиогр.: с. 465–467.

252. Соколов В. Как унтерофицерская вдова сама себя высекла // Независимая газета. – М., 1993. – 18 сент. – С. 4.

По поводу статей И. Алексеева «Благородное собрание на руинах империи: вариант (Независимая газета. – 1993. – 14 июля. – С. 4) и А. Желенкина «Печально я гляжу. Жизнь и смерть российской интеллигенции (там же. – 20 авг. – С. 8).

253. Соколов В. Современная российская интеллигенция и российская ментальность // Общественно-аналитический, культурологи-

ческий литературно-художественный альманах: Прил. к газ. «Информпространство». – М., 2006–2007. – С. 20–29.

254. Соколов М. Новые правовые интеллектуалы в России: стратегии легитимизации // Ab Imperio. – Казань, 2006. – № 3. – С. 321–355.

255. Фирсов Б. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX в. // Звезда. – СПб., 2001. – № 8.

256. Шмелёв Н. Интеллигенция и реформы // Знамя. – М., 1998. – № 2. – С. 185–189.

257. Штейнман М.А. Интеллигенция и власть: кризис недоверия // «Новая Россия»: проблема доверия в современном российском политическом сообществе. – М., 2007. – Ч. 2. – С. 215–224.

258. Яковенко И. Страница перевернута. И снова сугубо российский вопрос: быть или не быть интеллигентному человеку // Лит. газета. – М., 2005. – № 47. – С. 4.

По поводу статьи А. Пиотровского «Интеллигенция при наличии отсутствия» (Лит. газета. – М., 2004. – № 43. – С. 4).

1.7. Сборники статей и материалы конференций

259. Интеллектуальная элита России XX века: столица и провинция: Материалы межрегион. науч. конф. / Вят. гос. гуманит. ун-т, Рос. ин-т культурологи; Редкол.: Акопян К.З. и др. – Киров, 2003. – 238 с.

260. Интеллектуальное пространство современной России: Круглый стол. 2 ноября 2007 г. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. – 68 с. (Дискуссионный клуб ун-та. – Вып. 15).

261. Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности / Отв. ред. Сдвижков Д.А. – М., 2001. – 312 с.

262. Интеллигенция в мире современных коммуникаций: Сб. ст. по материалам X междунар. теорет.-методол. конф., 2 апр. 2009 г. / Рос. гос. гуманит. ун-т. Социол. фак.; Под общ. ред. Тощенко Ж.Т. – М., 2009. – 432 с.

263. Интеллигент в провинции: Тезисы докладов Всерос. науч.-практ. конф. 4–5 февр. 1997. – Екатеринбург, 1997. – Вып. 1–2. – 230 с.

264. Интеллигенция и власть: Материалы III Всерос. симпозиума «Человек культуры: интеллигенция и власть» (г. Бийск, 27–28 сент. 2002 г.) – Бийск, 2002. – 251 с.

265. Интеллигенция и власть: Сб. ст. по материалам IX междунар. теорет.-методол. конф., 3 апр. 2008 г. / Рос. гос. гуманит. ун-т. Социол. фак.; Под общ. ред. Тощенко Ж.Т. – М., 2008. – 469 с.

266. Интеллигенция и общественно-политическая жизнь: Материалы «круглого стола» «Роль и место интеллигенции в обществ. жизни. Пути и пробл. формирования интеллигентности среди молодежи на пороге XXI века», г. Нерюнгри, 9 апр. 1999 г. / ...Нерюнгр. отд-ние Рос. филос. о-ва; Отв. ред. и сост. Максимов П.С. – Якутск, 2000. – 87 с.

267. Интеллигенция и проблемы национальных отношений: Материалы VII Междунар. науч. конф. «Байкальская встреча» 16–18 сент.

/ Отв. ред. Осинский И.И. – М.; Улан-Удэ, 2008.

Т. 1. – 300 с.

Т. 2. – 309 с.

268. Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век: Интеллектуал. диалоги: XXI век. Россия – Сибирь – Казахстан: Материалы VI Всерос. науч. и науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 3–5 окт. 2006 г.) / Сиб. фил. Рос. ин-та культурологии и др.; Отв. ред.: Рыженко В.Г. – Омск, 2006.

Ч. 1. – 2007 с.

Ч. 2. – 325 с.

269. Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX – начало XXI в.): Материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 10-летию Сиб. фил. Рос. ин-та культурологии МК РФ (Омск, 29 сент. – 3 окт. 2003 г.) / Ом. гос. ун-т и др.; Отв. ред.: Рыженко В.Г., Корзун В.П. – Омск, 2003. – 411 с.

270. Миссия интеллектуала в современном обществе: Сб. ст. / Редколл.: Солонин Ю.Н. (пред.) и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 674 с.

271. Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества: XIX Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 25–27 сент. 2008 г. / Иван. гос. ун-т; Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 2008. – 289 с., табл. – Посвящ. 55-летию со дня рождения и 35-летию начала науч.-пед. деятельности проф. А.В. Квакина.

272. Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции: I Оптинский форум, Калуга – Оптина Пустынь, 19–21 мая 2006 г.: Сб. материалов / Леонтьевское филос.-богосл. о-во и др.; Отв. ред.: Леонтьев В.Г. – М.; Калуга, 2006. – 320 с.: [9] л. ил.

273. Постижение идеала: Из истории миротворчества и интеллигенции: Сб. памяти Т.А. Павловой / Ин-т всеобщ. истории РАН; Ред.: Сдвиженков Д.А., Хайнц Д. – М., 2005. – 176 с.

274. Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции. – Иваново, 2008. – 431 с.

275. Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в.: Тезисы докл. и сообщ. науч. конф. СПб. 14–20 марта 1996 г. – СПб., 1996.

1.8. Библиография

275а. Вехи: Материалы к библиогр., 1993–2007 / Науч. ред. и авт. вступ. ст. Емельянов Б.В.; Сост.: Емельянов Б.В., Рябконь Е.А. – Екатеринбург, 2008. – 41 с.

276. Интеллигенция в российском обществе и университете: идеалы, мифы, переоценки: краткий библиогр. указ. / Сост.: Пойзнер Б.И. и др. – Томск, 1994. – 97 с.

2. Проблема интеллигенции в зарубежной мысли

277. Бауман З. Законодатели и толкователи: культура как идеология интеллектуалов // Неприкосновен. запас. – М., 2003. – № 27.

278. Безансон А. Интеллигенция // Безансон А. Интеллектуальные истоки ленинизма. – М., 1999. – С. 97–114.

279. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов: пер. с фр. – М., 2009. – 309 с.

280. Беньяминов В. Сюрреализм: Моментальный снимок нынешней европейской интеллигенции / Пер. с нем. и примеч. Болдырева И. // Новое лит. обозрение. – М., 2004. – № 68. – С. 5–16.

281. Дебре Р. Власть интеллектуалов во Франции // Рубежи. – М., 1995. – № 3. – С. 105–115.

282. Интеллектуалы и политика / Под ред. Агилы Р. Пер. с испан. Казачкова А. – М., 2007. – 160 с.

283. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: Пер. с англ. – М., 2007. – 422 с.

284. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX в.: Пер. с фр. – М., 2005. – 325 с. – Библиогр.: с. 322–323.

* * *

285. Айрапетов А.Г. Карл Манхейм об изучении феномена «интеллектуал» // Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 4. Интеллектуальная история. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 2. – С. 142–146.

286. Голяховский В. Развитие западного интеллектуализма: Этапы зарождения идей в о-ве. – М., 2007. – 511 с. – Библиогр.: с. 493–508.

287. Любарский Г. Предательство клерков: Бауман, Фуко (Жюльен Бенуа – за скобками) // Соц. реальность. – М., 2007. – № 1. – С. 94–106.

288. Сироткина Е.В. Национальная идея и австро-немецкая интеллигенция в XIX – начале XX в. // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. – М.; Ставрополь, 2007. – Вып. 3. – С. 51–62.

289. Томилина М.Я. Социология интеллектуалов в контексте теории среднего класса // Вестн. РГГУ. – М., 2009. – № 12: сер. «Философия и социология». – С. 96–108.

290. Трофимова В.С. «Республика учености» идея, идеал и виртуальное сообщество европейских интеллектуалов XV–XVIII веков // Диалог со временем. – М., 2007. – Вып. 20. – С. 90–99.

291. Убиенных Е.С. Рационалистический вектор интеллектуализма античности: современный проект // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспекти-
вы. – Омск, 2007. – Ч. 1. – С. 116–122.

292. Филиппов А.Ф. Интеллектуалы как «новый мир» // ФРГ глазами западногерманских социологов. Техника – интеллектуалы – культура. – М., 1996.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

Я. Корнаи. Liberté, Égalité, Fraternité. Размышления о последствиях крушения коммунизма

J. Kornai. LIBERTÉ, ÉGALITÉ, FRATERNITÉ. Reflections on the Changes Following the Collapse of Communism

Ключевые слова: Восточная Европа, посткоммунизм, результаты трансформации, оценки трансформации.

Key words: Eastern Europe, post-communism, transformation results, transformation appraisal.

Общий взгляд на регион постсоциалистической трансформации дает весьма пеструю картину. Какое-либо унифицированное направление изменений в области функционирования государства благосостояния, безусловно, отсутствует. В некоторых странах в те или иные моменты времени предпринимаются шаги, направленные на ликвидацию определенных универсальных и широких прав пользования социальной поддержкой, в других же длинный перечень социалистического наследия дополняется новыми социальными правами. За шагами в одном направлении следует разворот и шаги в противоположном направлении.

Looking around in the region of post-socialist transformation, we get a very mixed impression. There is certainly no uniform direction of changes related to the activity of the welfare state. Efforts to eliminate certain universal and broad entitlements appear in some countries at a certain point in time, while in others new social rights are added to the long list of entitlements inherited from the socialist regime. There are steps forward in one direction, followed by reversals and steps in the opposite direction.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
SUMMARIES

К.Н. Свитнев. Демография и власть
K.N. Svitnev. Demography and Power

Ключевые слова: демографическая политика, рождаемость, репродуктивные права, вспомогательные репродуктивные технологии.

Key words: demographic policy, births, reproductive rights, auxiliary reproduction technologies.

Право на продолжение рода относится к числу важнейших и неотъемлемых естественных прав человека. Все, что способствует приходу в этот мир нового человека – морально и приемлемо. Всё, что этому препятствует – аморально и недопустимо. Учитывая зарубежный опыт и тяжелейшую демографическую ситуацию в стране, российским законодателям следует не ограничивать, а на государственном уровне поддерживать всех людей, которые хотели бы иметь собственных детей, в том числе и при помощи ВРТ, включая программы суррогатного материнства и донорства.

The right of family continuation belongs to the most important and inseparable human rights. All that helps a new human being enter the world is morally justified. All that prevents it is immoral and unacceptable. With the foreign experience and our grave demographic situation in view, the Russian legislators must ensure the state's support to all people who would crave for having their own children instead of restricting their rights. New reproductive technologies including surrogate motherhood and donor programs have to be supported.

Н.Ю. Лапина, А.Е. Чирикова. Женщина во власти в России: Карьерный рост и мотивация
N.Yu. Lapina, A.Ye. Chirikova. Women in Power in Russia: Careers and Motivations

Ключевые слова: женщины-руководители, карьерная мотивация, власть, гендерное неравенство, самооценка.

Key words: high female officials, career stimuli, authority, gender inequality, self-appraisal.

В России до сих пор отсутствуют институциональные условия соблюдения гендерного паритета при формировании выборных органов или назна-

чении на государственные посты. В исполнительную власть на высокие посты назначаются женщины, хорошо знакомые первым лицам и лояльные им, многие женщины фактически «назначаются» депутатами. Женщины во власти менее прагматичны, профессионально-ориентированы и пытаются достичь высоких результатов в своей деятельности, чтобы доказать, что они умеют работать не хуже мужчин.

In Russia still there are no institutional conditions for gender parity while forming electoral or government bodies. High positions in the executive power institutions are held by women very familiar and loyal to the first persons, many lady-deputies are actually nominated. Women in power are less pragmatic, professionally minded and strive for good performance to prove that they can work not worse than men.

Г.Л. Воронин. Общественное благополучие: Корреляция объективных и субъективных факторов
G.L. Voronin. Social Welfare: The Correlation of Objective and Subjective Factors

Ключевые слова: материальное благополучие, общественное неравенство, доходы, субъективная оценка, экономический кризис, преодоление.

Key words: welfare, social inequality, income, self-appraisal, economic crisis, outcome.

Общественное благополучие как «ощущение счастья» невозможно измерить без субъективной оценки удовлетворенности жизнью, уровня тревожности и видения своего будущего. Именно эти первичные индикаторы используются в качестве инструментов для замера общественного благополучия. Важна также субъективная оценка человеком своего положения в экономическом, правовом и метасоциальном пространствах.

Social welfare as a «feeling of happiness» cannot be defined without subjective-assessment of life satisfaction, level of alarmism and self-vision of the future. These primary indicators are used as instruments for measuring social welfare. Also important is people's self appraisal of their position in the economic, legal and meta-social space.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
SUMMARIES

Б.А. Хейфец. Кризис и новые тенденции в политике управления государственным долгом в России

B.A. Kheyfets. The Crisis and New Tendencies in Managing the State Debt in Russia

Ключевые слова: экономический кризис, макроэкономическая политика, государственный долг, корпоративная задолженность, регулирование долгов.

Key words: economic crisis, macroeconomic policy, state debt, corporative debts, debt regulation.

В долговой политике, наряду с внесением посткризисных корректив в ее общую стратегию, настало время для определенных институциональных изменений. Прежде всего, речь идет о создании механизма, который позволил бы осуществлять мониторинг и определенное регулирование корпоративной задолженности, которая в настоящее время таит наибольшие угрозы макроэкономической стабильности страны.

The debt regulation policy has come to face the necessity, apart from introducing post-crisis corrections in the general strategy, of certain institutional changes. Above all, needed is the mechanism allowing to monitor and somehow regulate the corporative debts which presently appear to be the greatest threat to the country's macroeconomic stability.

Н.В. Панкевич. Диспропорции регионального развития РФ: Проблема без решения?

N.V. Pankevich. Disproportions of Regional Development in the Russian Federation: A Problem with No Solution?

Ключевые слова: российские регионы, диспропорциональное развитие, хозяйственные различия, социальное неравенство.

Key words: Russian regions, growth disproportions, economic differentiation, social inequality.

Диспропорции социально-экономического развития российских регионов давно и закономерно возглавляют список ключевых, но нерешенных политических проблем. Статистические исследования все чаще выявляют катастрофические разрывы в уровнях развития отдельных территорий страны, и

даже внутри самих регионов существует критический уровень неравномерности.

The disproportions of social and economic development of the Russian regions have long and rightly head the list of the key although unsolved political problems. More and more often statistic research shows catastrophic lags in the levels of development of the country's territories, including even those inside the regions.

Е.Е. Шестакова. Концепция «социального качества» как новое содержание социальной политики государства
Ye.Ye. Shestakova. The Concept of «Social Quality» as a New Content of the State's Social Policy

Ключевые слова: государство, социальная политика, концепции, социальное качество, Россия.

Key words: state, social policy, concepts, social quality, Russia.

Концепция социального качества служит интеграционной формой взаимодействия экономической и социальной политики, предусматривая условия и механизмы обеспечения достойной жизни граждан, минимизации социальных рисков и самореализации человеческого потенциала. Под социальным качеством понимается степень обеспечения участия людей в общественных процессах ради повышения их благосостояния и самореализации.

The concept of social quality serves as an integrational form of interaction between economic and social policies providing for conditions and mechanisms of a worthy life for people, minimum social risks and self-realization of human potential. Social quality implies a certain degree of ensuring people's participation in social processes for the sake of raising their well-being and self-realization.

Л.З. Зевин. Евразийское экономическое пространство: Возможности и пределы консолидации
L.Z. Zevin. The Eurasian Economic Space: Possibilities and Limits of Consolidation

Ключевые слова: ЕврАзЭС, СНГ, экономические отношения, экономическое развитие, внешняя торговля, Союзное государство.

Key words: EurAzEU, CIS, economic relations, economic development, foreign trade, Union State.

По ориентировочным оценкам российских специалистов, незначительно скорректированными автором данной работы, к середине третьего десятилетия нынешнего века оптимальным для России была бы примерно следующая структура распределения торговых потоков: СНГ – порядка 20% с возможностью незначительного снижения (сейчас – около 15), страны ОЭСР – 60% (более 70) и развивающиеся государства – порядка 20% с возможностью небольшого увеличения.

The appraisals of the Russian experts slightly corrected by the author suggest that by the mid-30's of this century the next structure of trade flows distribution will be optimal for Russia: the CIS – roughly 20 percent with a possibility of small decrease (now about 15 percent); the OECD countries – 60 percent (now over 70), developing countries – about 20 percent with a possibility of small increase.

Н.Ю. Кавешников. Формирование и развитие институциональной структуры Евразийского экономического сообщества
N.Yu. Kaveshnikov. Formation and Development of the Institutional Structure of the Eurasian Economic Community

Ключевые слова: ЕврАзЭс, СНГ, Таможенный союз, Россия, XXI век.

Key words: Eurasian Economic Alliance, CIS, Customs Union, Russia, XXIst Century.

В статье рассмотрены становление и развитие институциональной структуры Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), порядок взаимодействия органов, механизмы принятия и исполнения решений. Институциональная структура ЕврАзЭС анализируется, с одной стороны, как зависящая от объективных экономических и политических процессов на постсоветском пространстве, а с другой стороны, как оказывающая непосредственное влияние на динамику и направление интеграционных процессов.

The article considers the origins and formation of the institutional structure of the Eurasian Economic Community, the mechanisms of institutional interaction, decision making and execution. The Community's institutional structure is analyzed, on the one hand, as dependent on the economic and political processes in the

post-soviet space, and, on the other hand, as influencing the dynamics and direction of the integration processes.

Б.С. Орлов. Россия глазами немцев в новейшее время
B.S. Orlov. Russia in German Eyes since Early 20th Century

Ключевые слова: Россия, Германия, XX–XXI в., образ за рубежом, российско-германские отношения.

Key words: Russia, Germany, XX–XXI centuries, image abroad, Russian-German relations.

Представления немцев о России и русских на протяжении последних ста с лишним лет многомерны. В опросах общественного мнения учитывается усредненный образ нашей страны. Разным было восприятие у разных социальных и профессиональных групп в разные периоды и в разном возрасте, эмоциональный фон был индивидуальным. То же самое касается представителей различных политических сил в прошлом и в настоящем. У либералов, социал-демократов, христианских демократов, зеленых свои представления о России, о том, как с ней следует выстраивать отношения.

German views of Russia and the Russians during the last hundred years odd were multidimensional. Public polls give a very diversified image of our country. It was different with various social, professional and age groups, emotional contexts were diverse. Same goes for various political groups in the past and present. Liberals, social democrats, Christian democrats, Greens have their own concepts of Russia, German-Russian relations and their prospects.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.
Плата за публикацию не взимается

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120–4514
E-mail: market@INION.ru

Россия и современный мир № 1-2010 (66)

Художественный редактор Т. П. Солдатова

Верстка Н. Ю. Копылова

Корректор
О. П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 03.06.2009 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 21,61 Уч.-изд. л. 15,06
Тираж 900 экз. Заказ № 50

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9